

Юрий Устинов

Бессмертие
Гагарина

ОБ

167

68
—
480

Юрий Устинов

**БЕССМЕРТИЕ
ГАГАРИНА**

125780-1
МАУК "Межпоселенческая
центральная библиотека
Балаковского муниципального района"

Москва – 2004

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

к

УДК 629.78

ББК 68.6

Устинов Ю.С. Бессмертие Гагарина. М.: Герои Отечества, 2004. — 890 с.

Редакционный совет:

Председатель —

Дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР, депутат Государственной
думы РФ В.И.Севастьянов

Заместители —

Герой Советского Союза, заместитель
председателя Государственной думы РФ
А.Н.Чилингаров,
Первый заместитель Председателя Правительства
Москвы Л.И.Швецова,
Генерал-майор В.П.Березов

Члены —

Б.Н.Авдонин, Е.Ю.Гагарина, В.В.Дарашка,
В.В.Кекин, Ю.М.Котельников, И.И.Куриной,
Г.И.Лавранчук, А.Д.Лизичев, А.М. Машнов,
А.Я. Науджюнас, Д.А.Осипов, Б.Н.Пастухов,
П.И.Соколов, А.И.Сорокин, Т.В.Титова,
В.Ф.Халипов, В.А.Хренов, В.П.Чибисов

Главный консультант
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР А.Г.Николаев

© Устинов Ю.С., 2004

© “Герои Отечества”, оформление, 2004

© “Биоинформсервис”, 2004

ISBN 5-89823-036-X

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Бессмертие Гагарина» – детище труда большого коллектива. Сборник включает многочисленные и разнообразные материалы, среди них автобиографическая повесть Ю.А.Гагарина «Дорога в космос», книги и статьи о первопроходце космоса: «Наш Гагарин» Я.Голованова, «Жизнь – прекрасное мгновенье» А.Дихтяря, «Космонавтика и ракетно-космическая промышленность» В.В.Фаворского и И.В. Мещерякова, теплые и искренние воспоминания его жены – Валентины Гагариной, очерки литераторов и журналистов: Лидии Обуховой, Ольги Апенченко, Василия Пескова, Ивана Борисенко, Алексея Горохова, Николая Денисова, Бориса Коновалова, Михаила Реброва, Александра Романова, Геннадия Серебрякова, Бориса Лукьянова, редактора издательства «Молодая гвардия» Василия Федченко, ветерана полка «Нормандия-Неман», генерала Леона Кюффо, индийского писателя Ходжи Ахмада Аббаса, польского писателя Ежи Путрамента, английского писателя Джеймса Олдриджа, польского журналиста Ежи Ярузельского, чехословацкого журналиста Милана Цодра.

Включены также рассказы, письма и фотографии людей, встречавшихся с Юрием Гагариным. Особый интерес представляют воспоминания близких родственников первого космонавта: А.Т.Гагариной – матери, А.И.Гагарина – отца, Б.А.Гагарина, В.А.Гагарина – братьев, Гали и Лены Гагариных – дочерей, его учителей, преподавателей, а также руководителей и преподавателей Центра подготовки космонавтов.

Заслуживают внимания воспоминания руководителей космических исследований, ракетостроителей, организаторов и участников запуска «Востока» и других кораблей С.П.Королева, М.В.Келдыша, Б.Н.Петрова, А.А.Благонравова, Н.П.Каманина, Л.И.Горегляда, летчиков-космонавтов СССР Г.С.Титова, А.Г.Николаева, П.Р.Поповича, В.Ф.Быковского, В.В.Терешковой, К.П.Феоктистова, Б.Б.Егорова, А.А.Леонова, Г.Т.Берегового, В.А.Шаталова, Б.В.Воынова, А.С.Елисеева, Г.С.Шонина, В.Н. Кубасова, А.В. Филиппченко, В.В.Горбатко, В.И. Севастьянова, П.И.Климука и многих, многих других.

В канун 70-летнего юбилея Юрия Алексеевича Гагарина прислали письма, статьи и фотографии:

– Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, доктор технических наук, главный академик-секретарь Российской академии космонавтики им. К.Э.Циолковского И.В. Мещеряков;

– ведущий конструктор космического корабля «Восток», лауреат Ленинской и Государственной премий О.Г.Ивановский;

– ученые: доктора наук, профессора, генералы Евгений Николаевич Махов, Вячеслав Филиппович Халипов;

– государственные, общественные деятели, которые вместе с Ю.А.Гагариным избирались делегатами съездов КПСС, ВЛКСМ, в состав Верховного Совета СССР, Центрального Комитета комсомола. В том числе, Б.Н.Пастухов, Е.М.Тяжелников, А.Х.Везиров, Л.К.Балясная, Г.И. Лавранчук, В.Г.Серебряков, В.С. Рябов – зам. главы администрации Оренбургской области, генерал-майор, который в одно время с Юрием Гагариным (с 1955 года) учился в Оренбургском военном училище летчиков, и другие.

В работе над книгой неоценимую помощь оказали: депутат Государственной думы РФ, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Виталий Иванович Севастьянов, секретарь ЦК ВЛКСМ в 1961 – 1964 гг., доктор экономических наук, академик В.А.Саюшев, заместитель Председателя Государственной думы, Герой Советского Союза А.Н. Чилингаров, генерал армии А.Д.Лизичев и многие, многие другие. Свою искреннюю признательность, слова благодарности автор и издательство выражают руководителям «Росавиакосмоса» Юрию Николаевичу Коптеву, его первому заместителю Николаю Федоровичу Моисееву, Сергею Геннадиевичу Самусенко, начальнику Центра подготовки космонавтов им. Ю.А.Гагарина, Герою России, генерал-майору Василию Васильевичу Циблиеву, его заместителю по научной работе, полковнику Александру Николаевичу Егорову, Президенту Международной ассоциации участников космических полетов, летчику-космонавту СССР, дважды Герою Советского Союза Г.М.Стрекалову, летчику-космонавту СССР, Герою Советского Союза, Герою России и Герою Афганистана В.В.Полякову, Герою Советского Союза, Герою России С.К.Крикалеву, летчику космонавту СССР, Герою Советского Союза и Герою Народной Республики Болгарии А.Я.Соловьеву, летчику-космонавту СССР, Герою Советского Союза В.Г.Титову, летчику-космонавту СССР, заслуженному летчику-испытателю СССР, Герою Советского Союза И.П.Волку и другим за помощь и содействие в подготовке издания.

Большое душевное внимание, искренность проявили начальник Центра подготовки космонавтов им. Ю.А.Гагарина, летчик-космонавт РФ, Герой Российской Федерации генерал-майор В.В.Циблиев, его заместитель по научной работе А.Н.Егоров и другие.

Трепетно, с глубокой памятью к Юрию Алексеевичу Гагарину, его семье, родителям и другим членам семьи Гагариных передали из своих личных архивов фотогорафии Юрий Александрович Василевский, Абдурахман Халилович Везиров, Игорь Петрович Волк, Сергей Константинович Крикалев, Борис Николаевич Пастухов, Людмила Ивановна Горегляд, Тамара Алексеевна Куценко, Владимир Васильевич Кекин, Георгий Иванович Лавранчук, Вадим Аркадьевич Саюшев, Любовь Кузьминична Балясная, Тамара Васильевна Титова, Альгирдас Я. Науджюнас, Вячеслав Филиппович Халипов, Виталий Иванович Севастьянов, Андриан Григорьевич Николаев, Вячеслав Семенович Рябов, Олег Владимирович Зинченко, Владимир Иванович Ильин, Владимир Алексеевич Хренов и другие.

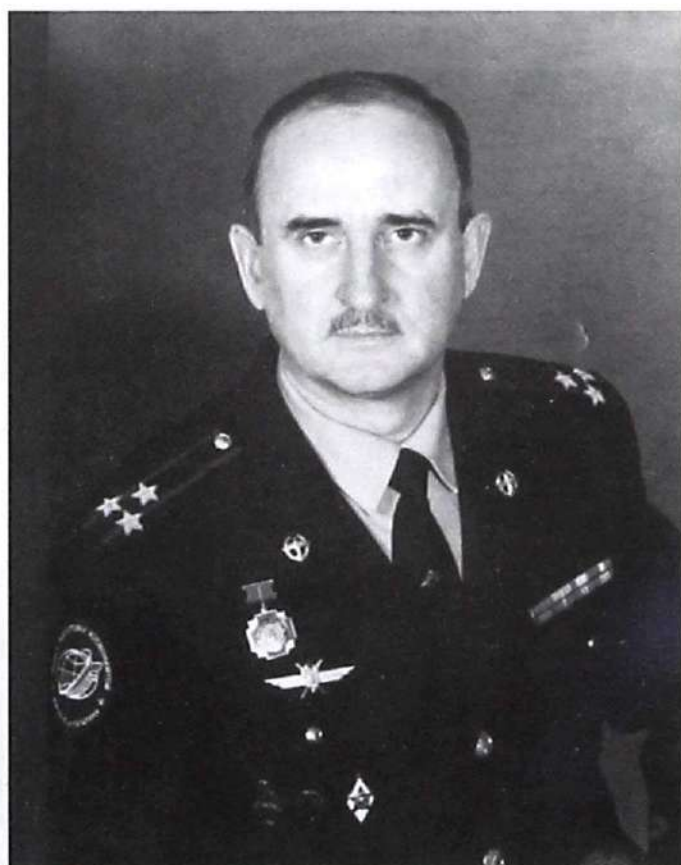
Всем, кто принял участие в создании книги, издательство выражает искреннюю признательность и благодарность.

*Президент России В.В.Путин в Центре подготовки космонавтов
им. Ю.А.Гагарина*

*Начальник Центра подготовки
космонавтов им. Ю.А.Гагарина
генерал-майор В.В.Циблиев*

*Заместитель начальника Центра
подготовки космонавтов им.
Гагарина по научной работе,
полковник А.Н.Егоров*

Президент России В.В.Путин в штабе Космических Войск

Президент России В.В.Путин и министр обороны России С.Б.Иванов на космодроме «Плесецк»

*Председатель Совета Федерации Федерального собрания России
С.М.Миронов на космодроме «Плесецк»*

Министр обороны России С.Б.Иванов на космодроме «Байконур»

Полномочный представитель Президента России в Северо-Западном федеральном округе В.И.Матвиенко на космодроме «Плесецк»

Заместитель министра обороны России — начальник главного финансового управления Л.К.Куделина на космодроме «Плесецк»

ОТ АВТОРА

Мне не один раз говорили: смотри на Гагарина и сравнивай свою жизнь, свою биографию с жизнью Юрия Алексеевича, с его биографией до космического полета. Она такая же, как у Юрия Гагарина! Говорили с радостью, с восхищением и с удивлением. Я стеснительно отвергал такие предложения, утвердительно отрицал их, произнося: не надо шутить, такое не сравнивается и не примеряется, жизнь каждого человека отличается от другой и всех остальных...

Родственники, особенно брат и сестра, близкие друзья продолжали сравнивать, приводить события, факты, периоды жизни, похожие друг на друга, из наших биографий.

У меня будут документально-исторические ссылки и параллели из нашего поколения, из нашего времени, в котором мы родились, жили, формировали свое мировоззрение, учились в советской школе и системе, служили в ракетно-космических войсках. Наша жизнь, биографии моих сверстников будут одинаковыми или почти равными, похожими друг на друга. И не просто у многих, а как у многих миллионов.

Гагарин – не особый мальчик, не гений, рожденный для особой исторической миссии. Нет, он как многие-многие дети нашей эпохи, нашего времени, родился и жил, как миллионы других в те 30 – 40-е годы.

Прошу быть правильно понятым: мы ни в коей мере не равняемся с Гагариным, упаси Бог от этого измерения. Мы говорим только одно – у нас в жизни что-то есть схожее или «похожее» друга на друга. Мне пришлось пройти все первые этапы биографии, сходные с гагаринской...

Я не повторял их, тем более, что не брал примера с моего тезки! Никак нет: мы родились в одно время, назвали нас обоих одним именем – Юрий, каждый из нас держал свой компас в жизни, мы шли параллельным курсом в том великом плаваньи, которое называется человеческая жизнь.

Мы почти ровесники, мне исполнилось 70 лет совсем недавно. Я родился на пять месяцев раньше Гагарина – 7 октября 1933 года. И, естественно, до 12 апреля 1961 года его имя и фамилия, как всей стране и всему миру, мне были не известны...

И, видимо, тогда в апреле 1961 г. каждый ровесник Гагарина задавал себе вопрос: а я в чем похож на этого человека, что у нас общего и в чем мы «родные по советскому строю?» Ведь мы действительно родные, близкие – Родина одна, земля одна, мы – русские, советские, мы граждане СССР!!!

В то историческое утро – 12 апреля, когда радио голосом Юрия Борисовича Левитана сообщило первую информацию

о запуске Юрия Гагарина в космос, я оказался на Театральной площади Москвы. В тот день мы с небольшой делегацией из Группы Советских войск в Германии прибыли в Москву, делали пересадку с одного вокзала – Белорусского на другой – Павелецкий, чтобы доехать до подшефного детского дома, точнее, школы-интерната, и вручить подарки детям (Пятницкая школа-интернат, Волоконовский район Липецкой области). И по пути в Александровский сад, чтобы попасть в Мавзолей В.И.Ленина, нас остановил голос Левитана.

Уже в поезде, в купейном вагоне, на верхней полке, я повторял в сознании краткую биографию первого космонавта Юрия Гагарина, которую передавали в тот день многократно по радио.

Семья, в которой родился Гагарин, – самая рядовая, обыкновенная, как многие миллионы. Его родители – самые простые люди. В семье четверо детей: старший брат Валентин, сестра Зоя и самый младший брат Борис.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Село Клушино, что под Гжатском Смоленской области. 1-й класс в школе и жизнь в землянке: дом присмотрел один из фашистов, расположившихся в селе. После войны учеба – первые экзамены, в 4-м классе – переход в неполную среднюю школу. В пятом классе – пионер с красным галстуком, драмкружок. Завуч – депутат Верховного Совета СССР Ираида Дмитриевна Троицкая.

После шести классов Гагарин в ремесленном училище, цель одна – получить рабочую специальность, поступить на завод, потом продолжать образование.

Думая в поезде о биографии Гагарина, его детстве, я «прокручиваю» свои годы, свое военное лихолетье, свою семью, жизнь во время войны и сразу после нее.

Все время казалось, что беднее нашей семьи в селе Колывань Новосибирской области не было. До войны наша семья состояла из шести человек, как у Гагариных. Отец, Сергей Андреевич, был бухгалтером в колхозе, потом в сельпо, считался грамотным, хотя образование – четыре класса, мать, Мария Федоровна – без образования, трудилась уборщицей, трое детей, младшие после меня – сестра Галя и брат – Александр. С нами жила тетька – родная сестра отца – Пелагея Андреевна, глухонемая с детства, с двух лет.

С 1941 по 1948 год «хлебнул» я лиха, которого, если поровну разделить, то хватит на десятерых. Отец пришел в 1940 г. с финской войны, а в 1941 г., в первый день войны, ушел на Великую Отечественную, вернулся лишь в 1947 году. В 1942 году мы остались и без матери, с глухонемой тетей Полей.

С тем чтобы зарабатывать рубли и копейки для пропитания нас – четверых, я устроился пастухом, точнее, должность – подпасок. В Колыванской артели «инвалидов» нам платили зарплату: мне – 400 рублей, а старшему пастуху – 800 рублей. На них можно было купить одно и два ведра картошки по весне. Главное в той военной «экономике» нашей семьи – были 2 кг картошки и литр молока за каждую корову из стада. Сезон пастбища ежегодный по календарю начинался в один и тот же день – 20 мая и заканчивался в октябре. Ежедневно подъем в 5 часов утра, в 6 часов – выгон стада, с 12 до 15 часов – стадо на лежке, вечером – возвращение около 21 часа. И так 5 лет, без выходных, проходили рабочие дни. В школу ходил по 2 – 3 раза в неделю, остальные дни – в лес за 5 – 7 км по дрова.

А дальше, как и у Гагарина, – ремесленное училище №1 Новосибирска, слесарь-лекальщик завода «Сибсельмаш».

Далее, точно одинаково и параллельно как и у Гагарина – индустриальный техникум Министерства трудовых резервов, у него в Саратове, у меня в – Новосибирске.

Ниже я остановлюсь подробнее на этих параллелях, сейчас только замечу: после Саратовского индустриального техникума Юрий Гагарин – курсант Оренбургского авиационного училища, а я с 3-го курса Новосибирского техникума был призван в ряды Советской армии и стал курсантом Томского военного училища...

И вот проходит день 12 апреля, наступает ночь, колеса вагона постукивают на стыках железнодорожных рельсов, а я думаю о старшем лейтенанте – майоре Гагарине. В мыслях возникает справедливый вопрос: почему он уже в воинском звании – майор? А я – только старший лейтенант. Гагарин должен быть тоже старшим лейтенантом, ведь у нас одинаковые параллели.

Этот вопрос меня долго не отпускал от различных домыслов и догадок. Потом все мы узнаем, что на Байконуре при запуске Гагарина в космический полет провожал Маршал Советского Союза К.С. Москаленко – Главком Ракетных войск стратегического назначения, он искренне и сердечно напутствовал старшего лейтенанта. И легендарный маршал тогда еще не знал, что через несколько минут после ракетного старта старший лейтенант Гагарин будет объявлен на всю планету майором – старшим офицером, пропустив капитанское звание.

Мне посчастливилось около 30 лет служить в ракетно-космических войсках по всей географии Советского Союза, а затем в Москве в Министерстве Обороны СССР занимать должности начальника инспекции по ракетным и космическим войскам, последняя должность – заместитель начальника Военной академии РВСН имени Ф.Э.Дзержинского, ныне – Петра Ве-

ликого. В составе академии – третий командно-инженерный космический факультет. Это замечательная кузница высококвалифицированных кадров, где трудились и трудятся талантливые ученые – лауреаты Ленинских и Государственных премий, Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда, свыше 600 докторов и кандидатов наук, академики, заслуженные деятели науки и техники Российской Федерации...

Мы постоянно поддерживали тесную связь с системами управлением космических средств, впоследствии с ЦУКОС, ГУКОС и наконец Военно-Космическими Силами Российской Федерации, отрядом космонавтов, Центром подготовки космонавтов имени Ю.А.Гагарина.

В академии учились Юрий Алексеевич Гагарин, Герман Степанович Титов, Андриян Григорьевич Николаев, Петр Ильич Климук, Л.Д.Кизим и другие летчики-космонавты СССР и РФ, руководители, организаторы Советской и Российской космонавтики и ракетно-космической промышленности, Генеральные и Главные конструкторы, Главкомы и командующие РВСН и ВКС – маршалы М.И.Неделин, С.С.Бирюзов, К.С.Москаленко, Н.И.Крылов, В.Ф.Толубко и другие. В ней учились и трудились маршалы Г.Ф.Одинцов, П.Н. Кулешов, Е.В.-Бойчук, И.Д.Сергеев, а также В.Н.Яковлев, В.Л.Иванов, Ю.И.Плотников, Н.Е.Соловцов, Ю.Ф.Кириллов, В.С.Неделин, В.В. Кирилин, Ф.П.Тонких, И.В.Мещеряков, В.В. Фаворский и многие другие.

В своей жизни академия тесно связана с главными ракетно-космическими и другими военно-стратегическими объектами: ракетно-космическими полигонами «Байконур», «Плесецк», «Свободный», командно-измерительным комплексом, Центральным научно-исследовательским институтом космических средств (ЦНИИ-50),

НПО «Энергия», НПО имени М.В. Хруничева, НПО им. В.П.Глушко и другими, институтами, научно-исследовательскими организациями и предприятиями ракетной и космической промышленности.

Юрию Гагарину сегодня бы исполнилось 70 лет. Каждый человек за свою биографию платит самой высокой валютой – сутками прожитых лет на земле. Гагарин прожил 34 весны. Если он был бы с нами сегодня, то он прожил бы за 70 лет 25 тысяч 560 суток, но судьба отвела ему меньше половины из них, всего 12 тысяч 430.

Я жил в Смоленске и был в Гжатске Гагарине на родине Юрия Гагарина. Именно в Гжатске родился первый космонавт, а не в Клушино, как пишут отдельные. Пришлось быть в Люберцах, Саратове. В Оренбурге я служил около пяти лет; мне приходилось бывать в военно-авиационном училище им. Героя Советского Союза Полбина, где стал летчиком-истребителем лейтенант Ю.А.Гагарин. Посчастливилось бывать в Центре подготовки космонавтов, где жил и готовился стать космонавтом старший лейтенант Ю.А.Гагарин. Многократно был, жил и проходил вместе с другими переучивание на новых ракетных комплексах, нередко с грустью посещал с Германом Титовым тот ракетно-космический старт, который в истории остался и называется гагаринским, с трепетом в душе посещал домик, в котором перед полетом в космос ночевали Юрий Гагарин, Герман Титов и другие.

С радостью побывал я в поле колхоза «Ленинский путь», что юго-западнее г. Энгельса, неподалеку от деревни Смеловки. Именно здесь приземлился Ю.А. Гагарин после космического полета 12 апреля 1961 г., а ступив на землю, увидел женщину с девочкой, стоявших возле теленка и наблюдавших за необычным явлением. Это первые два человека на

планете, которые встретили первого космонавта после приземления. Их зовут Анна Акимовна Тахтарова, жена лесника, и Рита – шестилетняя внучка. Об этом нам рассказывали старожилы-колхозники и сопровождавшие представители местного командования. В нашей группе офицеров, прибывших из Москвы, был полковник Игорь Дмитриевич Куликов – бывший работник ЦНИИ-50 МО. Он предложил сфотографироваться у памятника-мемориала, посвященного историческому событию. Фотографию храню на память.

И, наконец, мы специально ездили в город Киржач Владимирской области, от которого недалеко то трагическое место гибели двух полковников – Юрия Алексеевича Гагарина и Владимира Серегина.

Оценив все сказанное, взвесив свои скромные возможности, я рискнул взяться за данную работу.

Мое твердое убеждение: Юрий Алексеевич Гагарин совершил великий подвиг, об этом надо во весь голос сказать в связи с 70-летием со дня его рождения. Ведь он первый, об этом должны знать все поколения. Об этом событии – героическом подвиге человека следует сказать потому, что у Юрия Алексеевича было много соратников, таких же или похожих на него, а потом появились наследники Гагарина. Их много, и о некоторых мы обязательно скажем. Ведь Юрий Гагарин совершил подвиг не изолированно, а вместе, при поддержке других. Его героизм, подвиги соратников и последователей будут звать и далее людей нашей страны и других стран на освоение космоса.

И, наконец, мне представляется, что в данной работе должен быть отражен подвиг нашего Отечества, которое подготовило и открыло дорогу в космос. Это грандиознейший подвиг народов, науки, ученых по созданию космонавтики и ракетно-космической отрасли.

Пролог

Признаюсь сразу: писать о Гагарине мне было не просто. По многим причинам. Во-первых, человек-легенда, первый полетел в космос, с него началась новая эпоха. Во-вторых, о нем много написано, многое известно всему миру. О Юрии Алексеевиче нам рассказывали его родные, самые близкие люди: мать Анна Тимофеевна Гагарина, отец Алексей Иванович Гагарин, его жена Валентина Ивановна Гагарина, родные братья Борис Алексеевич Гагарин и Валентин Алексеевич Гагарин, дочери Галина и Елена.

О нем многие детали рассказали его учителя – преподаватель школы из Гжатска Тамара Федоровна Синицкая, пионервожатая Лидия Михайловна Тимофеева, преподаватель Гжатской средней школы Ольга Степановна Раевская, заместитель директора Люберецкого ремесленного училища Московской области Илья Сергеевич Шавкун, преподаватели Саратовского индустриального техникума Николай Иванович Москвин, Нина Васильевна Рузанова, Анна Павловна Акулова, Анатолий Иванович Ракчеев, преподаватели, инструкторы Саратовского аэроклуба Владимир Павлович Каштанов, Борис Викторович Монастырский, Сергей Иванович Сафронов, Дмитрий Павлович Мартьянов, Николай Иванович Новиков, преподаватели и инструкторы Оренбургского военно-авиационного училища Валентин Сергеевич Палехин, Анатолий Григорьевич Колосов, Алексей Александрович Резников, Владимир Михайлович Моргунов...

О нем подробно делились рассказами военные летчики-инструкторы истребительного полка Леонид Данилович Васильев, Николай Сергеевич Вильянский, руководители и преподаватели Центра подготовки космонавтов им. Ю.А.Гагарина:

врач Евгений Анатольевич Карпов, генерал-полковник авиации Николай Петрович Каманин, доктор технических наук Константин Петрович Феоктистов, ученый-космонавт, кандидат технических наук Виталий Иванович Севастьянов.

В числе блестящих рассказчиков о жизни Юрия Алексеевича Гагарина были его друзья – мастер Гжатского строительного училища Павел Кузьмич Демин, рабочая Люберецкого завода сельскохозяйственных машин Лидия Васильевна Абрамова-Тимченко, выпускники Саратовского индустриального техникума Александр Егорович Петушков, Тимофей Петрович Чугунов, аспирант Московского авиационного института Виктор Сидорович Порохня, выпускники Саратовского аэроклуба инженеры Михаил Сергеевич Соколов, Александр Иванович Сидоров, летчики-космонавты СССР Герман Степанович Титов, Андриян Григорьевич Николаев, Павел Романович Попович, Валерий Федорович Быковский, Валентина Владимировна Терешкова, Борис Борисович Егоров, Алексей Архипович Леонов, Владимир Александрович Шаталов, Борис Валентинович Воынов, Алексей Станиславович Елисеев, Виктор Васильевич Горбатко и другие...

Среди тех, кто сказал слово и дал оценку Юрию Алексеевичу Гагарину, руководители космических исследований, организаторы и участники запуска «Восток» – академики Сергей Павлович Королев, Мстислав Всеволодович Келдыш, Борис Николаевич Петров, Анатолий Аркадьевич Благонравов, Борис Евсеевич Черток, Маршал Советского Союза Кирилл Семенович Москаленко, Владимир Федорович Толубко, Маршал Советского Союза Дмитрий Федорович Устинов и другие...

В этом списке следует упомянуть секретаря Гагаринского горкома КПСС Нико-

лая Ивановича Артюхова, колхозников Анну Акимовну Тахтарову, Ивана Кузьмича Руденко, Леонида Ильича Итяксова, Филиппа Ивановича Комлева, редактора издательства «Молодая гвардия» Василия Алексеевича Федченко, комсомольских работников Сергея Павловича Павлова, Вадима Аркадьевича Саюшева, Бориса Николаевича Пастухова, Абдурахмана Халиловича Везирова, Александра Юозовича Чеснавичуса, Евгения Михайловича Тяжельникова, Алексея Дмитриевича Лизичева, Валентина Григорьевича Серебрякова, Николая Фадеевича Кизюна, Вячеслава Филипповича Халипова, ветеранов полка «Нормандия-Неман» генерала Леона Кюффо, Героя Советского Союза Роллана де ля Пуапа, американского художника Рокуэлла Кента, писателей: Индии – Ходжа Ахмада Аббаса, Польши – Ежи Путрамента и Ежи Ярузельского, Англии – Джеймса Олдриджа, Чехословакии – Милана Цодра, СССР – Ольгу Апенченко, Василия Пескова, Александра Романова, Геннадия Серебрякова, Николая Денисова, Бориса Лукьянова и многих других...

С другой стороны, о Гагарине надо сегодня сказать еще больше: за ним смелее пошли последующие первопроходцы космоса на освоение нового мира, многое достигнуто, совершены невероятные открытия. Шагнула вперед космонавтика и ракетно-космическая промышленность.

Надо откровенно признать: в период первого космического полета больше рассказывалось о самом космонавте, его биографии, человеческих качествах, особенностях характера. Все старались показать его талант, гениальный ум, позволивший совершить исторический подвиг. Бесспорно, Гагарин стал национальным героем, опираясь на разум С.П.Королева и его сторонников, он проложил дорогу в Космос, открыв новейшую эру цивилизации.

Однако я выскажу, возможно, смелую мысль: мы недостаточно конкретно раскрываем – а почему это стало возможным, какими-то отдельными штрихами называем исторические, политические, экономические, морально-духовные условия страны, общества, позволившие совершить этот подвиг. Космический полет Гагарина – это вершина всех подвигов, которые совершил наш народ. Пока не были созданы Ракетные войска стратегического назначения, ни о каком космическом полете разговора и мысли не было. Пусть будет тысяча гениальных людей, но ведь ни один из них не станет космонавтом, если не будет в стране РВСН. Ни один человек не поднимется в космическое пространство, пока ракетчики не запустят стратегическую ракету в космос. Значит, нужны такие ракеты. А сколько надо умных голов, чтобы создать такие ракеты? Сколько требуется лет для этого? А какие необходимо создать материалы для многоступенчатых ракет, какие двигатели, какое топливо, какую систему управления? Сколько нужно ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих, заводов, КБ, НИИ, чтобы сотворить один космический подвиг?

Чтобы было осуществлено практическое воплощение гениальных замыслов Циолковского, Жуковского, Королева, потребовалось много десятилетий. Необходимо было взять кому-то ответственность на себя, чтобы эту сверхчеловеческую задачу решить. Даже И.В.Сталин постеснялся кому-либо такую сверхзадачу ставить. Единственное, что он посоветовал члену Военного Совета Гвардейских минометных частей и работнику ЦК ВКП(б) генералу Льву Михайловичу Гайдукову обратиться к наркомам оборонных отраслей народного хозяйства и предложить заняться ракетами. И все наркомы, в

том числе Ванников, Шахурин – отказались от этого предложения.

И лишь Д.Ф.Устинов добровольно, в инициативном порядке согласился взяться за ракетное дело – дополнительное к тому, чем занимался ему подчиненный наркомат. Сначала В.М. Рябикова – своего первого зама – он направил в Германию, а потом сам возглавил поездку в эту страну, чтобы на месте разобраться с ракетами Фау-1 и Фау-2. Там он встретился с В.П. Глушко, Л.М.Гайдуковым, Н.А.Пилюгиным, М.С.Рязанским, С.П.Королевым, Б.Е.Чертоком и многими другими. Кстати, С.П.Королеву предложили перейти в НИИ, подчиненный наркому Д.Ф.Устинову. Королев согласился на предложение и стал одним из 25 начальников отделов НИИ. Так в 1945 г. и началась работа С.П. Королева под руководством наркома Д. Ф. Устинова.

Д.Ф.Устинов станет одним из главных авторов исторического Постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 13 мая 1946 года о создании ракетной промышленности, ракетных КБ, НИИ, первого ракетного полигона (Капустин Яр – ГЦП №4) и первых ракетных частей.

По его инициативе начнется проектирование, создание и будут осуществляться практические испытания ракет серии Р: Р-1, Р-2, Р-5 и Р-5М.

Думается, что Д.Ф.Устинов, Л.М. Гайдуков, Н.Д.Яковлев, С.П.Королев и другие, так же как американцы, англичане и французы, работавшие над новыми видами вооружения, убедились, что автоматически управляемые ракеты дальнего действия, созданные в Германии, – это не отдаленное будущее, не фантастика, а реальная близкая перспектива.

В апреле 1947 года Устинов участвовал в одном из совещаний руководителей партии и правительства, которое вел лично Сталин. Оно положило начало единому

общегосударственному плану разработки ракетного оружия. Сталин подписал соответствующие документы, связанные с разработкой атомной бомбы.

18 октября 1947 года, точное время – 10 часов 47 минут. Первый пуск ракеты со стартовой площадки полигона Капустин Яр. Это было грандиознейшее событие на Земле. Председатель первой Государственной комиссии по запуску ракет – маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев. Его заместитель – Дмитрий Федорович Устинов, члены комиссии – министры, заместители министров и генералы, в том числе первый заместитель Берии генерал-полковник И.А.Серов. Здесь же главные конструкторы ракет, наземно-стартового оборудования, всех систем, обеспечивающих запуск ракеты (электрооборудования, управления, ракетных топлив, ракетных двигателей и так далее), представители оборонного отдела ЦК ВКП(б), Совета Министров СССР, министерств, центральных ведомств и организаций.

О ходе подготовки и проведения запуска первой ракеты докладывалось с полигона И.В.Сталину, который с большим вниманием следил за развитием ракетостроения, в целом обороны СССР, настойчиво форсировал усилия к созданию нашей атомной бомбы и надежных ракет. Он поручил Д.Ф.Устинову основательно изучить вопросы создания и развития новой ракетной промышленности, конструкторских бюро, научно-исследовательских институтов, вопросы подготовки рабочих и инженерно-технических кадров, строительства новых ракетных заводов, экспериментальных баз. Сроки создания и развертывания по всей стране новых военно-стратегических объектов были самые сжатые. Чтобы не начинать все с нуля, на «голом месте», пришлось использовать методы концентрации, объединения уже

имеющихся сил и возможностей. Были объединены мощности существующих заводов разных министерств, больше десятка научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, одновременно шло развертывание строительства новых заводов, комбинатов, вузов, новых факультетов в военных академиях и училищах, создание новых учебных центров.

С большой интенсивностью министр вооружения, все министерство, его главные управления, Министерство обороны, еще восемь министерств оборонных отраслей промышленности, Академия наук СССР и другие центральные ведомства страны трудились, чтобы подготовить, а затем провести летные испытания первой серии ракет Р-1 в сентябре – ноябре 1948 года.

Конечно, не все проходило гладко даже на стадии проработки вопросов и подготовки предложений правительству, Центральному Комитету. Но руководители министерств, ведомств хорошо понимали и осознавали персональную ответственность, что они решают эту глобальную задачу в интересах государства, всего Советского Союза, и действовали решительно, смело, настойчиво. С высокой ответственностью и трудолюбием работали и рядовые труженики. А в ракетной отрасли на первом этапе были заняты сотни тысяч людей – рабочих, инженеров и техников.

Не все гладко шло в проектных институтах, КБ, на полигонах (в 50-х годах был уже создан второй полигон – в архангельской тайге. Потом его назовут «Плесецком», или «Мирным», и тоже с адресом: Москва-400). На 1-м этапе были испытаны 9 ракет первой серии Р-1. Летные испытания управляемой ракеты дальнего действия (БРДД-1) прошли с очень плохими результатами. Только одна ракета достигла цели, и это была первая неболь-

шая, но победа. Устранение недостатков и совершенствование узлов, систем потребовало солидного объема ракет. В процессе стендовой отработки двигателя РД-100 в конструкцию его агрегатов был внесен ряд изменений.

В соответствии с государственным планом развития отрасли по изготовлению ракетного вооружения после подготовки головной товарной партии чертежно-технологическая документация на двигатель РД-100 была передана на новый Днепропетровский автомобильный завод, успевший до этого выпустить всего лишь 100 грузовиков. Этот завод впоследствии вместе с КБ станет называться объединением «Южмаш», а место его руководителей, генеральных конструкторов будут занимать известные не только на Украине, в СССР, но и далеко за их пределами люди – член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда М.К.Янгель, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда В.Ф.Уткин, дважды Герой Социалистического Труда А.М.Макаров, нынешний президент Украины Л.Д.Кучма и многие другие.

От первой ракеты до знаменитой Р-7, стартовавшей с Гагариным в составе космического корабля «Восток», пройдет тяжелое, изнурительное десятилетие в ракетной промышленности, конструкторских бюро, НИИ, в военном строительстве.

Большим испытаниям будут подвергнуты строители военно-стратегических объектов и испытатели ракетно-космических систем. Немало будет аварий и катастроф с человеческими жертвами. Будут затрачены грандиозные материальные, финансовые средства, в ракетно-космическую эпоху будут включены самые талантливые ученые во главе с пре-

зидентом Академии наук СССР, многочисленные кадры инженеров, конструкторов, значительный отряд рабочего класса, министерства во главе с министрами.

За это десятилетие перед полетом Гагарина будет принят ряд, как сейчас произносят, судьбоносных постановлений Центрального Комитета КПСС и Совета Министров, перед их принятием каждый раз вопросы глубоко рассматривались на Президиуме АН СССР, коллегиях министерств, Совете главных конструкторов, на заседаниях военно-промышленной комиссии при президиуме Совета Министров СССР. Много энергии и внимания этим проблемам уделяли лично И.В.Сталин, Л.П.Берия, Н.С.Хрущев, Л.И.Брежнев, Д.Ф.Устинов, Г.К.Жуков, Р.Я.Малиновский, М.И.Неделин и многие другие руководители государства и правительства.

Важным событием для страны, ракетно-космического развития явилось Постановление Советского Правительства от 20 мая 1954 года о разработке межконтинентальной ракеты Р-7 (головной разработчик – ОКБ-1 во главе с С.П.Королевым), 2 постановления Совета Министров СССР от 17.03.1954 г. и 12.02. 1955 г. «О новом научно-исследовательском и испытательном полигоне для Министерства обороны СССР» для летной отладки изделий Р-7, «Буря», «Буран».

В марте 1957 года с завода имени М.И.Калинина из подмосковного Калининграда в Тюра-Там прибыл специальный поезд с ракетой Р-7. А уже в апреле прилетели главные конструкторы С.П.Королев, В.П.Бармин, Н.А.Пилюгин, М.С.Рязанский, представители Совета Министров, МО СССР, оборонных ведомств.

5 мая 1957 года Государственная комиссия подписала исторический акт приемки стартового комплекса – площадки №2 (потом он будет называться «Гагарин-

ским стартом»). По-государственному шла подготовка к первому запуску ракеты Р-7. Сотни людей разных профессий готовили пуск. В этом процессе были заняты гражданские и люди в военной форме, крупные инженеры-испытатели управлений нового полигона, отдельные испытательные части (ОИЧ). Тщательный контроль, поэтапные оценки и выводы осуществляли Д.Ф.Устинов, М.И.Неделин, С.П. Королев, В.П.Глушко, Н.А.Пилюгин, В.П. Бармин, другие министры и главные, ведущие конструкторы.

15 мая 1957 года первый запуск – неудачный, 11 июня 1957 г. второй запуск – тоже неудачный, 12 июня 1957 г. третий запуск межконтинентального ракетного комплекса – опять неудачный...

И лишь четвертый запуск – 21 августа 1957 г. прошел успешно. 27 августа 1957 года. ТАСС в специальном выпуске сообщал: «На днях осуществлен запуск сверхдальней, межконтинентальной баллистической ракеты... Полет ракеты происходил на очень большой, до сих пор еще не достигнутой высоте. Пройдя в короткое время огромное расстояние, ракета попала в заданный район». В адрес главных организаторов подготовки и проведения запуска шли поздравления от Н.С. Хрущева, Л.И.Брежнева, Г.К.Жукова и других.

Американцы не поверили сообщению ТАСС... Они убедились во всем позднее – 4 октября 1957 года.

Страстное желание Советского Правительства, лично Н.С.Хрущева развить успех дальше и использовать его в целях пропаганды преимуществ социализма открыло космическую гонку, ускорило быстрое развитие ракетной техники.

Шли постоянные секретные и совершенно секретные доклады о пусках стратегической ракеты Р-7 по программе со-

вместных испытаний. Их завершение состоялось в 1959 году.

Январь – февраль 1959 года – XXI внеочередной съезд партии. Делегаты И.В.Курчатова, С.П.Королева, В.П.Глушко, В.Н.Челомей, М.К.Янгель, А.П.Александров, М.И.Неделин, Д.Ф.Устинов. Здесь же директора самых крупных оборонных заводов, прежде всего ракетных и космических, НИИ, оборонщики, вооруженцы, выдержавшие смертельный экзамен в годы войны, а теперь объединившие усилия и титанический труд миллионов рабочих, инженерно-технических работников, конструкторов, ученых многих отраслей народного хозяйства во имя обороны страны и освоения космоса.

3 февраля 1959 года, утреннее заседание съезда. Первый оратор Маршал Советского Союза Р.Я.Малиновский: «Мы с радостью рукоплещем нашим ученым, инженерам и техникам, всем рабочим – труженикам, создавшим космическую советскую ракету...»

На трибуне съезда Д.Ф.Устинов – заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Военно-промышленной комиссии (ВПК). До этого, прошу обратить внимание, и после в XX веке ни одному делегату в этой должности не предоставлялось слова. Дмитрий Федорович с полной убежденностью, на основе глубоких выводов произносит впервые такую информацию, о которой ранее никогда не знали делегаты прошлых съездов, не знала страна – СССР и ее народ. С такой информацией и содержанием ни разу не выступали И.В.Сталин, В.М.Молотов, Н.С.Хрущев, А.Н.Косыгин, их заместители...

Д.Ф.Устинов: «Совершенствование конструкций наших больших многоступенчатых ракет и опыт, накопленный при запусках искусственных спутников Земли, позволили осуществить в Советском Со-

юзе первый в истории человечества успешный запуск космической ракеты в сторону Луны, запуск, являющийся, по существу, первым межпланетным полетом искусственного корабля...»

По инициативе Д.Ф.Устинова в мае 1959 года было принято решение Совета Министров СССР об утверждении разработки пилотируемого комплекса «Восток». Оно предусматривало создание космического корабля для орбитального полета человека и мощной трехступенчатой ракеты-носителя, которая могла бы запустить такой корабль. Это было поистине оптимистическое, смелое решение. Оно резко отличалось от американского. США планировали на первом этапе осуществить полет человека по баллистической траектории, т.е. без выхода на орбиту искусственного спутника Земли. Конечно, решение Советского Правительства было основано на предложениях ученых, конструкторов, инженеров СССР, которые проводили обстоятельные, длительные исследования и формулировали глубокие выводы, проверенные в кругах компетентных специалистов.

В 1960 – 1961 гг. в СССР были изготовлены шесть кораблей «Восток» для летной отработки их в беспилотном варианте. Уже в мае 1960-го и до окончания года были проведены четыре запуска, из них два с собаками на борту. Не все из запусков прошли успешно. Только третий прошел в полном соответствии и с планируемым графиком подготовки пуска и полета. Собаки Белка и Стрелка благополучно возвратились на Землю.

Прошли последние доработки корабля. Проводились конкретные меры по оперативной подготовке специальной поисковой службы Военно-воздушных сил, предназначенной для поиска, обнаружения и спасения возвращаемых аппаратов.

Эта группа оснащалась самолетами, вертолетами и вездеходами. Казалось, обстановка складывается радужно. Но статистика результатов натурных испытаний говорила об обратном. Результаты не могли удовлетворять планы и надежды по проведению пилотируемого полета. Расчетная надежность выполнения стоящих задач пилотируемого полета оценивалась только на 60%.

Поэтому в такой обстановке Правительство СССР, Военно-промышленная комиссия при Президиуме Совета Министров СССР и ее председатель Д.Ф. Устинов ставили очень жесткие условия перед учеными и конструкторами на отработку всех элементов качественной подготовки к полету, на тщательность изготовления всех приборов и агрегатов, а также всестороннюю проверку космических аппаратов.

Одна из главных задач в этот период была связана с подбором и обучением будущих космонавтов. Говоря откровенно, в стране на то время ведь никто не знал о профессии космонавта. Встали вопросы: кто такой космонавт, кто им может стать, какие требования к нему можно предъявлять, как его готовить к космическому полету и т.д.

И опять Правительство СССР, лично его глава Н.С.Хрущев, его заместитель Д.Ф.Устинов занялись разработкой, глубоким рассмотрением специального Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О медико-биологической подготовке человека для полета в космос».

Такое Постановление было утверждено 5 января 1959 года. После рассмотрения многих предложений по специалистам, которые могут подходить к будущей профессии, было принято решение, что космонавтом может стать человек с большим запасом технических знаний, с высо-

кими медицинскими показателями, с широким общим кругозором, и что лучше всего к пилотируемым полетам могут подходить военные летчики. Однако при рассмотрении всех основных категорий летчиков Военно-воздушных сил: летчиков-истребителей, летчиков-бомбардировщиков и летчиков-штурмовиков, остановились на летчиках-истребителях.

Обоснованием для этого были следующие обстоятельства: военные летчики-истребители лучше других подготовлены переносить физические, психологические и другие перегрузки, обучены квалифицированно пользоваться парашютом, способны и умеют быстро ориентироваться и принимать самостоятельные решения в самой сложной и экстремальной обстановке.

Наступил день, месяц и год для основания Центра подготовки космонавтов. В январе 1960 года впервые в нашей стране появился такой Центр. Его создание и практическая подготовка будущих космонавтов к пилотируемым полетам на всех типах космических аппаратов была возложена на Главнокомандующего ВВС и его Главный штаб.

Практическая работа по организации Центра подготовки космонавтов, их подбор, обучение легла на плечи советского летчика, одного из первых Героев Советского Союза – генерал-полковника авиации Н.П.Каманина, ближайшим и активным его помощником стал Герой Советского Союза генерал-майор авиации Л.И. Горегляд, а также специалист в области штурманской подготовки полковник В.А. Аристов. Рядом с ними был полковник Е.А.Карпов – видный специалист в области авиационной медицины.

Чтобы Центр действовал, для его работы были отобраны летчики, авиационные инженеры, специалисты авиацион-

ной медицины, преподаватели многих дисциплин, хозяйственники, технический персонал и рабочие. Реальную помощь оказывали ведущие специалисты, конструкторы НИИ и КБ промышленности – создатели космических аппаратов. Бросая взгляд на всех специалистов, руководителей, ученых, конструкторов, преподавателей, технику, оборудование, космические аппараты и географию регионов, откуда все поступало, можно сделать вывод – Центр подготовки космонавтов рождался как детище всей страны – СССР.

Уже в марте 1960 г. первые будущие космонавты начали заниматься и готовиться к осуществлению большой мечты – к космическим полетам.

Первыми приступили к занятиям Иван Аникеев, Павел Беляев, Валентин Бондаренко, Валерий Быковский, Валентин Варламов, Борис Воынов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Дмитрий Заикин, Анатолий Карташов, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Григорий Нелюбов, Андриян Николаев, Павел Попович, Марс Рафиков, Герман Титов, Валентин Филатьев, Евгений Хрунов, Георгий Шонин. Всего двадцать человек.

Отобранные в первый состав все были летчиками-истребителями, двенадцать из них осуществили космические полеты.

Через год учебы, в марте 1961 года, решался конкретно вопрос о полете первого человека в космос. До этого завершилась подготовка всех сил и средств, участвующих в осуществлении полета. Сам предстоящий полет не афишировался, а программа подготовки выполнялась на полную мощность. Шла подготовка техники, оборудования, их проверки, непрерывным потоком шли доклады с полигона о готовности служб, испытательного управления, отдельных испытательных частей (ОИЧ).

На заседаниях Совета Главных конструкторов рассматривались самые тонкие «детали», которые определяли успех полета и его безопасность. Дважды Д.Ф.Устинов докладывал на заседании Политбюро (в то время называлось Президиумом) ЦК КПСС. И в начале апреля 1961 г. было принято решение «разрешить осуществление запуска человека в космическое пространство».

Д.Ф.Устинов – первое ответственное должностное лицо в Советском Правительстве и государстве после Хрущева вечером в семье объявил, что он на день рождения (12 апреля) своей супруге готовит такой подарок, о котором узнает весь человеческий мир на земле. Жена – Таисия Алексеевна и другие члены семьи встретили эту информацию с интересом и любопытством, она заинтриговала людей, особенно молодых. Однако разговор состоялся, как бывало не раз в семье Устиновых, некоторые даже высказали разные предположения – возможно очередной искусственный спутник Земли будет запущен в Советском Союзе, или новые «Стрелки» и «Белки». И на этом догадки закончились...

А на самом деле после успешного завершения в марте двух контрольных запусков кораблей с манекенами и собаками началась завершающая подготовка к запуску пилотируемого корабля. На полигоне шли финишные подготовительные работы к событию мирового значения.

Они проводились под грифом «секретно» и «совершенно секретно». Однако от опытных глаз все не скроешь. Во-первых, на полигоне было очень многолюдно. На нем работали все главные конструкторы: С.П.Королев, Н.А. Пилюгин, В.П. Глушко, В.П.Бармин, М.С.Рязанский, В.И. Кузнецов, С.А.Косберг и А.Ф. Богомолов, академики М.В.Келдыш, А.Ю.Ишлинский, В.В.Парин.

Прибыли главные руководители центральных ведомств и учреждений. На ракетно-космическом полигоне находился Главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения Маршал Советского Союза К.С.Москаленко, начальник Главного управления ракетного вооружения генерал-лейтенант А.И.Семенов и его первый заместитель генерал-лейтенант А.Г.Мрыкин, начальник третьего управления ГУРВО полковник К.А.Керимов. На полигон прибыло несколько человек – будущих космонавтов во главе со своим руководителем Н.П.Каманиным.

Председателем Государственной комиссии по запуску первого человека в космическое пространство в то время был назначен Константин Николаевич Руднев, возглавлявший тогда Государственный комитет по оборонной технике*.

Об этих людях, как мне представляется, целесообразно в XXI веке сказать поименно, ибо в 1961 г. страна и мир широко узнали только фамилии Ю.А.Гагарина и С.П.Королева, а о других умалчивалось.

Государственная комиссия рассмотрела 25 марта результаты заключительных испытаний космического корабля «Восток», а также уровень подготовки объектов испытаний, средств полигона, командно-измерительного комплекса, поисково-спасательного комплекса (ПСК) и приняла решение о том, что к запуску человека в космическое пространство все готово. Вполне понятно: члены Государ-

ственной комиссии брали на себя величайшую ответственность за судьбу человека, отправляемого в «неизвестное плавание». Поэтому было обращено особое внимание на максимальную тщательность выполнения всех операций, безукоризненного контроля действий боевого расчета специалистами испытательного управления и разработчиками.

С 8 апреля каждый день и каждый час был расписан по конкретным мероприятиям с определением ответственных должностных лиц на самом высоком уровне. 8 апреля Государственная комиссия в узком составе решала вопрос об утверждении пилота – командира корабля и его дублера. Пилотом был назначен старший лейтенант Юрий Алексеевич Гагарин, а его дублером – старший лейтенант Герман Степанович Титов. Вечером состоялось вторичное заседание госкомиссии – в расширенном составе с участием киносъёмочной группы, где были оглашены назначения и утверждения пилота – командира космического корабля и его дублера. Был назначен час вывоза знаменитой ракеты на старт для запуска Гагарина – на 7 часов утра 10 апреля. На тот же день – 10 апреля назначались электрические испытания. Дата 11 апреля – была определена резервным днем.

Председатель Госкомиссии К.Н.Руднев предложил провести утром 10 апреля неформальную встречу с будущими космонавтами в узком кругу на берегу реки Сырдарья. Она прошла на открытой веранде, построенной на берегу реки на территории «маршальского нулевого квартала» (назывался он и просто – «нулевой квартал») десятой площадки. Потом указанная веранда называлась «беседкой Гагарина». Для встречи и товарищеской беседы с офицерами – будущими космонавтами на веранде стояли столы со скромной за-

* Государственным комитетом по оборонной технике стало называться в декабре 1957 года Министерство оборонной промышленности. До декабря 1957 года это министерство возглавлял Д.Ф.Устинов. Он же был председателем Государственной комиссии по проведению пусков стратегических ракет. В декабре 1957 г. и другие министерства перешли на новую организационно-штатную структуру и получили статус государственных комитетов.

куской и безалкогольными напитками. Во встрече приняли участие двадцать пять человек, в том числе шесть летчиков – будущих космонавтов.

Герман Степанович Титов рассказывал мне позднее, в период одной из командировок на Байконур:

– Вот здесь мы с Гагариным – старшие лейтенанты – сидели рядом с Маршалом Советского Союза Москаленко, председателем государственной комиссии Рудневым, главным конструктором Королевым, академиком Келдышем. Обстановка была доброжелательная, настроение у всех было оптимистическое, даже радостное. Все вели себя просто, казалось, что среди нас не было таких крупных государственных руководителей, разговор был «по душам». Конечно, каждый из нас, особенно молодых офицеров, – а мы все тогда были молодыми, – знали свое место в этой компании и старались не уронить своей чести и достоинства. Нам доверялось не просто многое, что-то большое-большое, что и измерить ничем было нельзя, нам было оказано доверие Родины, всего народа. А как измерить, с чем сравнить это доверие – никто не знал и не представлял.

– Думаю, – продолжал Г.С.Титов, – что и Королев, Руднев, Москаленко, Келдыш сами тоже не представляли, хотя Сергей Павлович несколько раз в разговорах обращался к Циолковскому, науке в целом, говорил о предстоящей ответственной задаче и готовности молодых людей совершить полет.

Сказали «Гагарин» в этой беседе, без напряжения, продуманно, от имени всех шести летчиков (еще без наименования космонавтов), спокойно, хотя волнения избежать было трудно. Но у всех присутствующих осталось удовлетворение и убежденность в правильности выбора

первого пилота – командира космического корабля.

Тем временем корабль и ракета-носитель готовились строго по графику. Испытательная часть ракетчиков и расчет испытателей трудились в тот день с подъемом и высоким настроением, действовали собранно, понимая смысл всех операций и команд, указанных в боевом графике. Они чувствовали свою причастность к великому свершению. Дело в том, что в РВСН в тот период было совсем немного таких отдельных испытательных частей. Помню, как мы – офицеры Главкомата Ракетных войск, приезжали на полигон, встречались с офицерским составом ОИЧ и убеждались в том, что офицеры-испытатели ракетно-космического полигона гордились своей профессией, принадлежностью к тем ракетно-космическим воинским частям, которым оказано такое высочайшее доверие – готовить космический корабль, стратегическую ракету для запуска человека в космос.

И все-таки психологически можно понять эту категорию людей: одно дело – готовить корабль и ракету для запуска манекенов, собак, а другое дело – заниматься подготовкой кораблей и ракет-носителей для запуска людей в космическое пространство.

Я улавливал разницу в этой работе, встречаясь с большими специалистами ракетно-космических войск непосредственно на полигоне, прямо на старте. Для этого были возможности и условия...

Потому можно было понять, почувствовать испытателей, которые готовились на встречу в резервный день – 11 апреля с Юрием Гагариным. Боевой расчет испытателей управления А.С. Кириллова и испытательной части полигона полковника В.Н.Юрина. В этой встрече участвовали также С.П.Королев, Н.П.Каманин, Е.А.Карпов, другие кандидаты в

космонавты. На встрече люди искренне, по-человечески от «всего» сердца заверяли Юрия Гагарина, что сделают все возможное для запуска и успешного полета.

Итак, 12 апреля 1961 г.

Командно-измерительный комплекс полностью готов к исторической работе. Он получил боевую задачу – через 10 минут после активного участка траектории определить с величайшей точностью параметры орбиты. Чтобы зарубежные страны убедились в результатах космического полета советского человека на борту космического корабля, руководство нашей страны посчитало целесообразным сообщение в эфир о первом полете советского космонавта дать через 25 минут после старта и намного раньше, чем завершится одновитковый орбитальный полет.

Кроме того, в этих же целях была скрыта реальная схема посадки космонавта, которая заключалась в катапультировании космонавта из корабля на высоте 4 км, дальнейшем спуске и приземлении на парашюте. Такой порядок был определен и отрабатывался в целях спасения космонавта в случае аварии или пожара при старте ракеты. При этом космонавт выбрасывался в сторону на специальную сетку, когда полет еще не начался, во втором случае – он спасался в

полете в начале активного участка траектории, если позволяли скорость и высота.

Заранее были подготовлены тексты сообщений о запуске Юрия Гагарина, согласованы с С.П.Королевым, председателем Государственной комиссии, и они находились на телевидении, радио, а также в Телеграфном Агентстве Советского Союза (ТАСС) в специальных запечатанных конвертах. Это было сделано для того, чтобы не терялось время для написания и передачи в СМИ. При успешном запуске и полете, выходе на орбиту Юрия Гагарина, эти пакеты по сигналу вскрывались, в содержание записывались только переданные по телефону параметры орбиты. После этого сообщение передавалось на всю планету и становилось предметом международной гласности.

Кроме этого, в качестве приложения были подготовлены еще два пакета с проектами сообщений в случае аварийного запуска на старте или аварии (катастрофы) в ходе космического полета.

И вот международное событие – 12 апреля 1961 года.

В 9 часов 7 минут с Научно-испытательного измерительного полигона был успешно проведен запуск космического корабля-спутника «Восток» с первым космонавтом на борту – Ю.А.Гагариным.

Мисловно не ограничава
лоцино на земно, но, въ
поглед за светлината и
просвещаването, станаха
рубко проникне за
предмети атмосфера,
а за всички забележув
себе все около самичката
просвещаване

К. Франклин

ЖИЗНЬ ДО ПОЛЕТА

Клушино

Юрий Гагарин:

– Я, Гагарин Юрий Алексеевич, родился 9 марта 1934 года в семье крестьянина-бедняка. Отец, Гагарин Алексей Иванович, родился в 1902 году... Мать, Гагарина Анна Тимофеевна, родилась в 1903 году...

В 1943 г. я пошел учиться в Клушинскую начальную школу...

Алексей Иванович Гагарин:

– Мы, Гагарины – народ веселый. Потому и фамилия у нас такая. Умеем мы пошутить. Стало быть, погагарить, если говорить по-деревенски. Ну а кто людей веселит, за того весь мир стоит.

После Юриного полета князья к нам в родню стали набиваться. Только вот ведь какая нескладница – в нашей фамилии отродясь бар-белоручек не было. Мы хотя и веселые, да не зубоскалы. Живем по пословице: смешки смешками, а дело делом. И Юра тоже – смеялся-веселился от души, но и дело делал от души. Погагарински.

Анна Тимофеевна Гагарина:

– Почему-то все пишут, что Юра в Клушине родился. Жили мы тогда в Клушине – это верно. Но Юру я родила в Гжатске. Как почувствовала я, что подходят сроки, Алексей Иванович выпросил у нашего колхозного председателя лошадку и отвез меня в город.

Дом, в котором родился Ю.Гагарин

Сдал меня мой благоверный с рук на руки врачам. Уехал. А я день лежу в больнице, другой лежу, третий – ничего. Вот и говорю врачу:

– Видно, рано вас, товарищ доктор, потревожила. Поеду-ка я домой. У меня там хозяйство и дети малые. Каково-то супругу одному?

А доктор не соглашается:

– Ничего с вашим супругом не случится. Пусть и он почувствует ответственность. А вы, мамаша, не спешите...

Так и не выпустили меня. А Юра только через неделю родился.

В Клушине мы жили на главной улице, и дом у нас был на загляденье справный – стоял не на кирпичном фундаменте, а на самородных камнях. Алексей Иванович и для людей-то строил так, чтобы не стыдно было потом в глаза глянуть заказчику, а уж для себя особенно постарался.

Пионер Ю.Гагарин

Он ведь плотник-золотые руки. Одно плохо: нога у него больная и со слухом туго. Потому без большой охоты брали его плотники в свою артель – кому нужна обуза? Вот и просидел он, почитай, всю свою жизнь в сторожах. А у сторожа какие капиталы? Словом, жили мы в большой бедности.

Пришла война – совсем невоготу стало. Из дома перебрались в землянку, а дом наш немецкие солдаты под постой забрали. Так что Юра с детства и холод, и голод узнал. Помню, по весне выползли Юра и Бориска из землянки и давай первую траву щипать. Нарвали полные кулачки – приносят:

– Мама, сварил...

Все живое-зеленое, что земля родит, мы тогда подбирали: ягоду, крапиву, щавель, грибы. А настоящее съестное отбирали немцы. Особенно нравилась им на-

ша картошка. Подчистую ее выгребали. Мы же брали из мерзлой земли, из-под снега, ту, у которой одна видимость картошки, а так – кожура-мешочек с крахмалом внутри. Но когда не до жиру, то и мороженая картошка – лакомство. Потрем, смешаем с чем найдется, вот и вышли «тошнотики».

Лихое было время. Только ребята они и есть ребята. Им хоть бы что.

Однажды Юра с Бориской возле немецкой автомашины игру затеяли. Я вожусь себе в землянке. Вдруг слышу – крики. Выскочила наружу и обмерла: держит немец Бориску на весу за шкурку, как щенка. Я к немцу:

– Что творишь, ирод? Малец ведь...

Отпихнул меня немец, подошел к яблоне и подвесил Бориску на сук за воротник пальтишка. Бориска плачет, тянет ко мне ручонки, а немец регочет. Тешился, пока ему не наскучило.

А потом новая беда: Валентина и Зояшку немцы в неволю угнали. Только после войны узнали мы, что наши солдаты освободили их из лагеря. Ну, да про это и в Юриной книге есть, и другие не раз писали.

Про Юру много пишут. Только не всегда правильно. В одной вот книжке я прочтала, что, мол, в детстве Юра очень сильно переживал из-за своего маленького роста. А я не помню такого за ним, да и сама не думала, что он у меня недоросток. Может, по писательским правилам и положено так писать про переживания, только Юра не переживал понапрасну. Не такой характер. Я так думаю, что с другим характером его бы и в космос не допустили.

Он был очень веселый, редко злился, не любил ссор, наоборот, шуткой и смехом всех мирил. И его все любили. Он общим баловнем был. Да вы посмотрите на Юрины фотографии – лицо у него всюду счастливое. Этим он и приметен...

А еще приметным в нем было с детских лет то, что он все сам старался делать, а понуканий не терпел. Потому я и норвила так подстроить, чтобы он своим умом догадался, за какое дело взяться.

Бывало, забудешься, прикрикнешь: «А ну за уроки!» – и пожалеешь: не в охотку ему занятия из-под палки.

Не любил Юра принуждения, но родителям старался быть в помощь, у иных людей слов о труде много хороших, а дети видят: говоришь сладко, а работаешь шатко... Из-под рук Алексея Ивановича ни одной вещи, плохо сделанной, не вышло. Хоть дом, хоть скворечня, хоть палочка-чижик. И Юрины игрушечные самолетики тоже долго жили. Он с детства все делал основательно и от задуманного – кол у него на голове теши! – не отступится.

Помню, едва снег сойдет, а соседки уже доносят:

– Ваш Юра с Валькой Петровым в Орешне купался...

Я к Юре:

– Верно?

А он – спокойно так:

– Верно, мама. Мы решили закаляться...

И тут уж ничего нельзя было с ним поделаться.

Гжатск

Юрий Гагарин:

– Кончилась война, и моего отца оставили в Гжатске отстраивать разрушенный оккупантами город. Он перевез туда из села наш старенький деревянный домишко и снова его собрал. Но я никак не мог позабыть наш обжитой домик в Клушине, окруженный кустами сирени, смородины и бересклета, лопухи и чернобыльник, синие медвежьи ушки – все то, что связывало меня с детством. Теперь мы стали жить в Гжатске, на Ленинградской улице. И школа у меня теперь была другая. Меня

Ю.Гагарин перед окончанием школы

приняли в третий класс Гжатской базовой школы при педагогическом училище.

Павел Демин, мастер строительного училища:

– Мы с Юрием жили неподалеку друг от друга. Из школы ходили вместе и уроки очень часто готовили за одним столом. У меня дома или у него. Юра увлекался физикой, математикой. А мне эти предметы давались со скрипом. То и дело приходилось обращаться к нему за помощью. И что примечательно: Юра, бывало, не успокоится, пока не убедится, что я понял урок.

Т.Ф.Синицина, преподаватель базовой школы при Гжатском педучилище:

– Упорный был мальчишка. Одно время не давался ему русский язык. Юра сам, без посторонней помощи, решил догнать товарищей. И он добился своего – тройки исчезли из его дневника. И вообще, Юра

Ю.Гагарин — капитан баскетбольной команды

учился радостно, с охотой, жадно брал все, что могла ему дать школа.

Лидия Тимофеева, ст. пионервожатая:

— В 1947 году Юра стал учеником пятого класса нашей средней школы. Класс, в котором он учился, был очень дружным. В этом была заслуга и Юры — старосты класса. Школа наша размещалась в двух небольших деревянных домах, стоявших на окраине разрушенного войною города. Но, несмотря на тесноту, у нас все же был пионерский уголок — крохотная комната, в которой повернуться-то было негде. Юру, как и других пионеров, это обстоятельство нисколько не смущало — наша пионерская комнатка никогда не пустовала. Здесь рождались номера стенной газеты, здесь живо обсуждались программы концертов художественной самодеятельности. Юра очень хорошо читал стихи. Учительница литературы часто ставила его в пример другим ребятам.

О.С.Раевская, классный руководитель, преподаватель литературы:

— Удручающее зрелище представлял собою Гжатск в первые послевоенные годы. Гитлеровцы, отступая, уничтожили почти все каменные здания и многие деревянные дома. Было разрушено прекрасное здание средней школы, больница, вокзал, электростанция, мост через реку Гжать. В городке не было ни театра, ни настоящего кино, ни хорошей библиотеки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что школа превратилась в основной центр культурной жизни Гжатска. Мы давали концерты не только учащимся, но и раненым в госпитале, выступали после торжественных собраний и конференций, ставили спектакли в пользу детского дома.

Оказывали дети посильную помощь и в восстановлении мирной жизни. Школьники расчищали развалины, во время каникул работали в пригородных колхозах — дергали лен, копали картошку, свеклу, морковь. И я не помню случая, чтобы ребята уклонялись от этих недетских, тяжелых даже для взрослых работ. Наоборот, если родители пытались удержать кого-

нибудь из них дома, ребята просили учитель воздействовать на отца или на мать.

Некоторые из наших учеников могли гордиться и боевыми заслугами, свидетельствами которых были ордена и медали – награды за участие в партизанской борьбе. Учились у нас и «сыны полков» – одетые в солдатское обмундирование воспитанники воинских частей.

Словом, сама жизнь помогала формировать характер будущего космонавта.

В трудных условиях жили дети, нелегко им было и учиться. Единственная на весь Гжатск средняя школа не имела специального здания. Под классы были приспособлены комнаты двух ветхих жилых домов. Несколькими учебниками обходился целый класс, писали ребята кто на чем мог, а вместо черновиков использовали записные книжки, сшитые из газет. Зимой в классах было до того холодно, что замерзали чернила в пузырьках, а заниматься приходилось в пальто. Сидели ученики не за партами, а за самодельными, сколоченными из длинных досок столами – по 5 – 6 человек за каждым столом. Чтобы выйти к доске, ученику нужно было нырнуть под стол или протиснуться за спинами товарищей.

Юра носил учебники в потертой полевой сумке. В школу он обыкновенно приходил в белой рубашке, подпоясанный широким солдатским ремнем с латунной пряжкой, на голове ладно сидела пилотка. Это был Юрин парадный костюм. Мальчик его очень берег и, возвращаясь из школы, переодевался в полосатую ситцевую рубашку, старые штанишки, снимал ботинки и до холодов бегал босиком.

Учился Юра очень хорошо. От других ребят его отличала необыкновенная живость. Он был очень непоседлив, энергичен, всегда рвался к доске и схватывал буквально на лету. Его хватало на все: и

на учебу, и на ребяческие проделки, и на участие в художественной самодеятельности. Помню его читающим с большим чувством стихи о Юрии Смирнове, декламирующим отрывок из романа «Молодая гвардия» – «Руки моей матери», лихо отплясывающим русский танец или Лявониху. Если ставилась пьеса, Юра непременно играл в ней. В общем, был он, как говорят, один во многих лицах.

Часто мы оставались после уроков, чтобы почитать вслух интересную книгу. Некоторые отзывы о прочитанном у меня сохранились. Среди них – отзыв Юры Гагарина. Он пишет, что ему понравилась книга «В открытом море», в которой рассказывается о героях-черноморцах, о борьбе моряков с врагами нашей Родины, о том, как, попав в плен, они не пали духом, а, совершив почти невероятное, вырвались на свободу.

Уроки и всевозможные школьные мероприятия отнимали у Юры много времени. Но это не освобождало его от домашних обязанностей. Я нередко видела Юру стоящим в очереди за хлебом, колющим дрова или вскапывающим огород. Дети послевоенной поры хорошо понимали смысл пословицы: «Делу – время, потехе – час».

Как классный руководитель, я часто бывала в семье Гагариных, а в школу, на родительские собрания, обычно приходила Анна Тимофеевна. Она тревожно справлялась:

– А мой-то как?

Я хвалила Юру за успеваемость, за активность и только делала замечание, что уж очень он всегда рвется вперед, так и кажется, все хочет сделать.

По всему было видно, что Юра крепко любил и уважал свою труженицу-мать. Семья Гагариных еле-еле сводила концы с концами. И задумал сам пробивать себе

дорогу в жизни. Я пыталась уговорить его кончить среднюю школу, и Анна Тимофеевна просила меня повлиять на сына, но Юра поступил по-своему: после шестого класса уехал в Люберцы, в ремесленное училище.

Люберцы

Юрий Гагарин:

– В 1949 году, когда мне исполнилось 15 лет, я решил оставить учебу в средней школе, чтобы быстрее начать помогать родителям. Цель была ясна: поступить работать на завод и потом уже продолжать учиться заочно. Многие гжатские ребята так и делали.

Конечно, и матери, и отцу не хотелось расставаться со мной. Им казалось, что я еще маленький, хотя сами в моем возрасте они уже работали по-взрослому. В конце концов решили, что я поеду в Москву, к дяде, который подскажет, как поступить дальше.

Дядя посоветовал мне пойти в ремесленное училище при заводе сельскохозяйственных машин в Люберцах – московском пригороде.

И.С.Шавкун, заместитель директора Люберецкого ремесленного училища:

– Специальность литейщика-формовщика – очень трудная, требующая выносливости, смекалки, ловкости и даже смелости. Не каждый может ею овладеть. И группа, в которой учился Юрий, была в училище самой малочисленной.

В то время Юрий вряд ли думал, что его жизнь впоследствии будет связана с авиацией, и с увлечением изучал литейное дело, радуя своими успехами руководителя группы Егора Алексеевича Прохорова, старого мастера, воспитавшего не одно поколение квалифицированных литейщиков.

Ю.Гагарин во время учебы в Люберецком ремесленном училище.

В архиве нашего училища сохранился отчет, составленный Прохоровым осенью 1949 года. Из отчета можно узнать, что в первой четверти 1949/50 учебного года ремесленник Гагарин выполнил производственное задание на 102,3 процента, что по специальной технологии, физике, математике, русскому языку у него отличные оценки. В длинном перечне учебных дисциплин только две четверки.

И.Н.Ровнов, преподаватель физкультуры:

– Юра одним из первых в училище начал крутить солнце на турнике. Он был душой баскетбольной и волейбольной команд. Трудно было друзьям угнаться за Юрой на лыжне, где он выполнил первый разряд.

Р.Б.Шайкина, врач училища:

– У Юры очень сильно было развито чувство товарищества. Помню, однажды поздно вечером ко мне домой прибежал взволнованный Юра и рассказал, что один из его товарищей плохо себя чувствует.

Кстати, сам Юра хотя и был со мной в дружбе, ни разу не был моим пациентом, а ребят, которые чуть что бежали в медпункт, даже на смех поднимал:

– Со спортом надо дружить, а не с пилюлями и мазями...

А.К.Исаева, кладовщица училища:

– В то время я работала кастеляншей. Забот много: то белье перенести, то кровати передвинуть, то еще что. Одной трудно управиться. Так Юра, бывало, подбежит, поможет разнести по комнатам матрацы, простыни. Я всегда к нему за помощью обращалась.

Тимофей Чугунов:

– На все ремесленное нас, смолян, было только четверо: я, Саша Петушков, Толя Новгородцев и Юра Гагарин. Известное дело: земляк земляка видит изда- лека, потому-то мы и сблизились с пер- вых же дней учебы и стали такими друзь- ями, что водой не разольешь.

Нас в училище и на заводе называли не иначе как «дважды два – четыре». Но лишь постороннему человеку могло пока- заться, что в нашей четверке все один к одному. А в действительности мы были очень разными. Про меня ребята говори- ли, что я себе на уме и большой упрямец; Саня Петушков был добродушным тихо- ней, доверчивым, как барашек; Нового- родцев, тот, наоборот, любил верхово- дить, показать себя, не задумываясь о по- следствиях своих поступков. А душой нашего землячества был Юра Гагарин.

Юра мне нравился многими своими качествами: и сообразительностью, и на- читанностью, и тем, что при всей своей мальчишеской непосредственности дей- ствовал всегда обдуманно, по-взрослому взвешивая все «за» и «против».

После первой полочки, помню, наша неразлучная четверка устроила в сквере на лавочке, неподалеку от заводской проходной, скоропалительную оператив- ку. На повестке дня: как истратить зара- ботанные деньги. Идей было хоть отбав- ляй – самых разных, но в основном серь- езных или несбыточных: получили-то мы с гулькин нос – по триста рублей на ста-

В литейном цехе Люберецкого завода сельскохозяйственных машин

рые деньги. Какие уж тут велосипеды, часы и шикарные костюмы: долгополый пиджак с «наваченными» плечами, широ- ченные клеши – в 1949 г. это было мод- но, – какие уж тут путешествия и «тулки» шестнадцатого калибра!..

Юра поначалу фантазировал с нами на равных, а потом вдруг замолчал. Когда мы, так ни до чего не доспорившись, ре- шили все же выслушать и его мнение, Юра твердо, как о чем-то обдуманном, окончательном, сказал:

– Вы, ребята, как хотите, а я половину денег отошлю маме...

Мы вернулись с неба на землю. Каж- дый вспомнил свою мать, своего отца, ко- торые, отказывая себе в самом необходи- мом, переводят нам по почте скопленные по рублю десятки, балуют нас продукто- выми посылками.

Кстати, о посылках. Юра никогда не прятал присланные из Гжатска гостинцы в тумбочку под замок, как это делали некоторые ремесленники. Получив посылку, он собирал товарищей и в нашем присутствии вскрывал ящик. А вот еще один штрих.

Был у нас лыжный кросс. Особенно азартно оспаривали первенство Новогородцев и Гагарин. Новогородцев лидировал, и разрыв между ним и Гагариным мало-помалу все увеличивался и увеличивался. Но тут случилось непредвиденное: при спуске с холма Новогородцев, вздумав набрать побольше скорости, слишком сильно оперся на палки, раздался треск, и одна из палок сломалась. Теперь для Юры было парой пустяков настигнуть соперника. Но каково было наше восхищение, когда Гагарин, догнав Новогородцева, прежде чем обойти его на лыжне, сунул в руку растерявшемуся конкуренту свою лыжную палку и с криком «догоняй!» вырвался вперед. Гагарин пришел тогда к финишу первым, но даже известный своей обидчивостью Новогородцев не был на него в обиде.

Вскоре после этого случая Юра решил вступить в комсомол. За рекомендациями он обратился ко мне и к Толе Новогородцеву. И Толя, и я, выступая как рекомендующие, на комсомольском собрании говорили о трудолюбии, честности, благородстве Гагарина. Комсомольцы дружно проголосовали за то, чтобы Юра был принят в ряды ВЛКСМ, 14 декабря 1949 года Ухтомский горком комсомола утвердил решение нашего собрания. Юра Гагарин стал комсомольцем.

Через много лет, вспоминая Люберецкое ремесленное училище, Юрий Гагарин скажет: «Самое полезное и положительное, что сейчас есть во мне, было заложено Ленинским комсомолом. Сами

посудите, что могло произойти с пятнадцатилетним парнишкой, который уехал за сотни километров от родителей в ремесленное училище и там был бы предоставлен самому себе. Но благодаря тому, что в училище была сильная комсомольская организация, я сразу почувствовал себя в кругу друзей. Меня вовлекли в комсомол, в активную комсомольскую работу. Как своего встретила меня дружная, крепкая рабочая семья литейщиков».

Но эти слова Юрий Гагарин произнесет в 1961 году, когда матери будут называть его именем новорожденных сыновей, когда девушки всего мира будут мечтать о том, чтобы у их любимых была такая же открытая улыбка, такой же располагающий к доверию взгляд, как у голубоглазого русского космонавта, а тогда, в 1949 году, Юра не думал ни о космосе, ни о самолетах, он усердно обучался литейному делу и так же, как мы, его друзья, жил заботами, радостями и огорчениями, которых всегда хоть отбавляй в повседневных буднях любого коллектива.

Впрочем, нельзя сказать, что мы не задумывались о своем будущем, что собирались жить по принципу – куда кривая вывезет. Очень скоро мы сообразили, что с нашими шестью классами далеко не уедешь, а потому решили с сентября 1950 года начать учиться в школе рабочей молодежи. Нелегкое это было дело – заниматься в училище, работать на заводе и еще взвалить на себя дополнительную ношу – учебу в вечерней школе. Нас бы не хватило на все, если бы не жертвовали мы редкими часами отдыха и не отказывались скрепя сердце от мальчишеских развлечений, но, как любил говорить наш мастер Е. А. Прохоров: «Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, а человек сильнее всего...»

Лидия Тимченко, выпускница Люберецкого ремесленного училища:

– Жили будущие литейщики прямо в училище, на третьем этаже. Воспитателем у них был Владимир Александрович Никифоров, человек строгий и несговорчивый. В 22 часа 15 минут он выключал свет во всех комнатах общежития. Хочешь не хочешь – ложись спать. А человек тридцать ремесленников, в том числе и Юра, учились в вечерней школе. Когда уроки делать, если с утра производственная практика на заводе, потом занятия в училище, а потом бежим сломя голову в школу рабочей молодежи?

Юра, помню, выскочит в коридор и упирается воспитателя:

– Владимир Александрович, разрешите часок позаниматься.

К просьбам Гагарина присоединяются Тимофей Чугунов и Саша Петушков, такие же, как Юра, жадные до учебы ребята.

Воспитатель в нерешительности: и ребят жалко – не выспятся, и отказать трудно – ведь не для развлечений просят. В конце концов разрешит: ладно, мол, занимайтесь. Ребята быстренько вытягивают стол из комнаты в коридор, где свет не выключался, и, не тратя времени, берутся за книги.

И. С. Шавкун:

– Юра не только отлично учился. Он выделялся общительностью, активностью: с увлечением занимался в драматическом кружке, пел в хоре. Училище он закончил по пятому разряду, и как отличника учебы мы направили его в Саратов, в индустриальный техникум, тем более что он одновременно закончил и школу рабочей молодежи. Из характеристики, выданной Гагарину дирекцией нашего училища: «Гагарин Ю. А. в течение двух лет был отличником учебы, заносился на Доску почета училища. Дирекцией училища Гагарину Ю. А. была объявлена два раза благодарность за отличную учебу».

за общественную работу. Кроме того, директором завода ему объявлена благодарность за хорошую работу в цехе.

Учащийся Гагарин был физоргом группы, добросовестно и точно выполнял все поручения комсомольской организации и администрации училища».

Саратов

Юрий Гагарин:

– Учителя, заметив, что я хочу учиться дальше, предложили поступить в Ленинградский физкультурный техникум. Ведь я среди рабочих завода зарекомендовал себя неплохим спортсменом – не раз занимал призовые места на соревнованиях. Прошел отборочные испытания в Мытищах, на пятерку сдал последний экзамен и вернулся в Люберцы. И тут мне сказали: можно поступить в Саратовский индустриальный техникум по своей литейной специальности.

А спортом, говорят, можно заниматься везде... И верно! Каждый спортсмен, каким бы он ни был мастером, должен иметь какую-то специальность и заниматься производительным трудом. Не человек для спорта, а спорт для человека!

Чугунов, Петушков и я отправились к директору ремесленного училища и попросили направления в Саратовский индустриальный техникум. Он душевно отозвался на нашу просьбу. Мы получили бесплатные билеты, сели в поезд и махнули на Волгу, где никто из нас еще не бывал.

Александр Петушков:

– В Саратов нас, троих друзей – меня, Тимофея Чугунова и Юрия Гагарина, привез воспитатель ремесленного училища Владимир Александрович Никифоров. С вокзала мы направились прямо в техникум, сдали документы, получили места в общежитии и, оставив чемоданы, поспешили в Саратов. По Радищевской улице

Ю.Гагарин у входа в техникум.

спустились вниз, и вот перед нашими глазами развернулась во всю ширь великая русская река. Долго мы любовались с крутого берега красавицей Волгой. Потом, сговорившись с каким-то рыбаком, мы заскользили на моторке по тихой воде к Зеленому острову. В общежитие мы вернулись, когда стемнело.

На следующее утро нам сказали в техникуме:

– У вас отличные оценки за семь классов, а поэтому экзамены вам сдавать не надо. А пока поезжайте в колхоз.

Работали мы в колхозе, кажется, в селе Бакуры, недели две. Возили зерно в Екатериновку на элеватор. Загорели, обветрились и в середине августа вернулись в Саратов.

В техникуме шли приемные экзамены, а нам нужно было только сдать пробу по специальности. Задание нам дали такое: под руководством мастера производственного обучения Анатолия Ивановича

Ракчеева отлить из чугуна фигурные решетки. Для нас, литейщиков-формовщиков, работавших по пятому разряду, это было нехитрым делом. Мастер хорошо оценил нашу работу, и нас зачислили в техникум. А решетки наши до сих пор стоят по саратовским паркам.

Виктор Порохня:

– Поначалу в нашей группе Л-11 было 35 учащихся. Но потом одни не выдержали нагрузки и ушли из техникума, других призвали в армию, и нас осталось всего тринадцать человек. Всех поселили в одну комнату.

Н.Е.Фоменко, комендант общежития:

– Жил Гагарин в девятой комнате первого общежития. Очень любил, чтобы в комнате был порядок, каждое утро занимался гимнастикой, приносил цветы. Кстати, когда после космического полета мы стали просматривать документы, оказалось, что Юрий не был выписан из общежития. Так его и оставили в домовой книге. Он наш почетный жилец.

– **Виктор Порохня:**

Одной из первых лекций, которой начался учебный год в техникуме, была физика. Этот предмет нам читал заслуженный учитель РСФСР Николай Иванович Москвин. Москвин не давал никаких поблажек тем, кто не знал его предмета. Он безжалостно ставил двойки и требовал их исправления. На таких же позициях стояли и другие преподаватели.

В начале учебного года мне не повезло. Увлечшись спортом, я забросил занятия и схватил несколько двоек по математике. Положение стало критическим. И тут мне на помощь пришел Юрий.

В нашей группе он, я и Женя Стешин, сталинградец, были самыми молодыми – им было по семнадцать лет. Хотелось покуражиться, порой все казалось нипочем. Но, когда надо мной нависла угроза исключения из техникума, всю браваду как рукой

сняло. Юра, хорошо знавший математику, быстро подчинил меня своему влиянию и стал регулярно со мной заниматься. Засиживались мы с ним иногда за полночь, но какова же была наша радость, когда все экзамены за первый семестр я сдал успешно!

Во втором семестре наш курс завязал дружбу со студентами пединститута, учебный корпус которого стоял против нашего общежития. Студенты-филологи организовали у нас кружок художественного слова. Юрий был одним из первых его участников.

На втором курсе Н.И.Москвин создал физический кружок, в основном в него вошли ребята нашей группы. Обстановка в кружке была очень творческая, часто вспыхивали споры. Особенно яростные дебаты разгорались у Москвина с Юрием. Юра, чтобы доказать свою правоту, перелистывал сотни страниц различных книг, ставил опыты в пределах возможностей нашего физического кабинета. Разумеется, правым в таких спорах оказывался Николай Иванович. Но ему нравились любознательность, целеустремленность, упорство Гагарина. И поэтому именно Юрия Москвин рекомендовал избрать старостой нашего кружка.

Н.И.Москвин:

– Среди учащихся я слыл строгим и требовательным педагогом, тем более что отличные оценки я ставил крайне редко. Гагарин был в числе счастливых. И не потому, что я благоволил к нему или предвидел, что имею дело с будущим героем. Просто Гагарин по-настоящему увлекался физикой, был активистом физико-технического кружка, на заседаниях которого он выступил с тремя тщательно подготовленными докладами. За это ему была объявлена благодарность с занесением в личное дело.

Виктор Порохня:

– Мы много читали, особенно советских писателей – Алексея Толстого, Михаила Шолохова, Александра Фадеева, Бориса Полевого. Преподаватель литературы и русского языка Нина Васильевна Рузанова, видя нашу тягу к книгам, организовала литературный кружок. Была у нее и еще одна цель – научить нас правильно говорить по-русски, так как речь многих ребят была очень засорена. В кружке мы обсуждали прочитанные книги. Первый диспут был посвящен «Повести о настоящем человеке». Самыми интересными были выступления Жени Стешина и Юрия Гагарина.

– Я любил Овода, – сказал Гагарин, – но Маресьева полюбил сильнее. Он мой современник.

Н.В.Рузанова:

В своей группе Юра был первым учеником по литературе. Обычно, затрудняясь с ответом, ребята говорили:

– Спросите Гагарина, он-то знает наверняка...

Юра много читал. В его библиотечном формуляре можно было увидеть произведения Чехова, Толстого, Пушкина, Гоголя, Фадеева, Островского. Юра любил повторять слова Корчагина о том, что жизнь надо прожить так, чтобы потом не было стыдно за бесцельно прожитые годы.

Уроки Юра выполнял очень аккуратно, и только однажды пришел он на занятие с небрежно выполненной работой по русскому языку. Я удивилась: такое было впервые. Пришлось сделать Юре серьезное внушение. Он же, выслушав меня, сказал:

– Больше этого не повторится. Работу я переделаю.

Слова своего Юра не нарушил.

А.П.Акулова, преподаватель:

– Юра был отличным учащимся, актив-

Ю.Гагарин среди учащихся Индустриального техникума в Саратове

ным общественником, душой группы. Разносторонний спортсмен, он и по лыжам имел разряд, и плавал хорошо, и легкой атлетикой занимался. Но особенно любил он баскетбол, по которому получил сначала третий, потом второй и наконец первый разряд. Его меткие броски вызывали горячее одобрение болельщиков, а баскетбольная команда техникума, капитаном которой был Юра, была бессменным чемпионом города.

Товарищи очень любили Юру, а нас, преподавателей, поражала разносторонность его интересов. Он отлично знал математику, увлекался физикой и литературой, выступал с политинформацией, участвовал в литературных диспутах и математических олимпиадах, охотно помогал отстающим, был секретарем ДСО «Трудовые резервы» и комсоргом литейного отделения.

Мне он запомнился подтянутым, всегда чрезвычайно опрятным, в отлично отутюженной форме и непременно в белоснежной рубашке.

Виктор Порохня:

– Анна Павловна была нашим классным руководителем. На первом курсе, когда полгруппы носило за плечами изрядный багаж доек по математике, мы считали ее сухой, замкнутой, вредной. Но, когда дела поправились, и знания по математике начали помогать нам осваивать другие технические дисциплины, завышенная требовательность Анны Павловны стала нам просто необходимой.

У Анны Павловны сложились с Юрой самые добрые отношения. Она настолько верила Юре, что всегда по ключевым вопросам давала ему первое слово. Доверие это Гагарин ценил и оправдывал. Здесь уместно вспомнить один эпизод, связанный с театром.

В нашей группе было много заядлых театралов. Начало этому увлечению положил техникумовский профком, купивший как-то билеты в Театр оперы и балета имени Н.Г.Чернышевского. В числе обладателей билетов были и мы с Юрием. С тех пор Юрий, Женя Стешин, я и

другие ребята из нашей группы стали завсегдатаями театра. Мы ходили слушать «Ивана Сусанина», «Кармен», «Пиковую даму», с большим удовольствием смотрели мы и многие пьесы в Драматическом театре имени Карла Маркса. С этим театром как раз и связан эпизод, о котором я хочу рассказать.

Однажды мы собрались на спектакль «Девушка с кувшином». В этот вечер муж Анны Павловны, преподаватель суворовского училища, дежурил, и мы, зная об этом, решили пригласить Анну Павловну в театр. Пьеса нам понравилась, вечер прошел чудесно.

Зато утро следующего дня для некоторых из нас оказалось мрачноватым. На занятиях по математике Анна Павловна вдруг стала вызывать по очереди к доске всех театралов. Это было для нас полной неожиданностью. Из-за культпохода никто за учебник алгебры не брался. Жалкое зрелище мы представляли. Саша Осадчий, Женя Стешин, Коля Тезиков и я получили двойки.

Последним к доске Анна Павловна вызвала Гагарина. Ну, думаем, и Юра наш влип. Но Юра спокойно взял мел и спокойно вывел формулы логарифмов корня и степени. В этом эпизоде проявились самые существенные, на мой взгляд, черты его характера: целеустремленность, сосредоточенность, сознание ответственности.

Все чаще задумывались мы о своем будущем. Для наших «стариков» все было ясно: почти все они отслужили положенный срок в армии, некоторые по состоянию здоровья не подлежали призыву. Наша же перспектива после окончания учебы – служба в Вооруженных силах. Юра все больше склонялся к тому, что она должна начаться в авиации. Женя и я были его единомышленниками.

Когда в наших зачетках были проставлены последние оценки за второй курс, мы узнали, что Краснокутское училище ГВФ производит набор курсантов. Ребята тут же забросили меня в Красный Кут. Однако посвящение в авиаторы не состоялось: в училище принимали только с десятилеткой или с законченным средне-специальным образованием.

А.И.Ракчеев, мастер производственного обучения:

– Юрий Гагарин занимался много, терпеливо, упорно. Припоминается такой случай. Однажды формовали мы маховик для пресса. Но формовка все никак не давалась. Другие учащиеся разошлись, а мы с Юрием бились над этим злополучным маховиком до глубокой ночи, до тех пор, пока не сработали все в лучшем виде.

Успехи в учебе дали Гагарину уверенность в своих силах, и он все чаще думал о том, чтобы поступить еще и в аэроклуб. В 1954 году, когда Юрий был уже на четвертом курсе, он обратился к дирекции за разрешением заниматься одновременно в аэроклубе. Его желание научиться летать было серьезно, а сомневаться в его способностях оснований не было, и разрешение ему было дано.

В.Каштанов, старший инструктор Саратовского аэроклуба:

– Я не помню случая, чтобы Гагарин пропустил занятия. Правда, иногда мне казалось, что он меня не слушает. Смотрит отстраненно, вроде бы думая о своем. Но ни разу я не застал его врасплох. Какую бы сложную тему по аэродинамике мы ни изучали, курсант Гагарин неизменно был готов к ответу. И обычно он не просто повторял то, что услышал на предыдущем занятии: чувствовалось, что Юрий поработал и над дополнительной литературой. И когда только он успевал это делать?

Борис Монастырский, преподаватель аэроклуба:

– Я знакомил курсантов с устройством самолета ЯК-18, на котором им предстояло подняться в воздух. Попадались курсанты, относившиеся к моему предмету пренебрежительно. Их, мол, дело управлять машиной, а для материальной части есть техники. Что же касается Гагарина, то его отличали исключительная добросовестность и обстоятельность. Когда я перечислял марки стали и других металлов, из которых изготовлен самолет, Юрий непременно интересовался запасом их прочности. Он не оставлял невыясненным ни одного вопроса и аккуратно вел конспект. Кое-кто над ним подтрунивал, но в трудную минуту шутники шли к нему на поклон:

– Одолжи, Гагара, свою тетрадку на денек...

Гагарин никогда не отказывал.

Заметив его добросовестность, руководство аэроклуба назначило Гагарина старостой группы, и он очень ответственно относился к этой обязанности.

Зачеты по теоретическим дисциплинам Гагарин сдал отлично и был допущен к полетам.

Сергей Сафронов, летчик:

– В звене, которое я возглавлял, было четыре группы курсантов. В одной из них под руководством летчика-инструктора Дмитрия Мартьянова должен был освоить пилотирование двадцатилетний учащийся индустриального техникума Юрий Гагарин. Общительный, упорно стремящийся стать летчиком, Юрий пользовался уважением ребят, был из тех людей, о которых обычно говорят «заводила».

Нам, преподавателям клуба ДОСААФ, хотелось, чтобы увлечение авиацией у наших курсантов крепло от полета к полету, чтобы они связали свою жизнь с авиацией. Мы считали, что для многих аэро-

клуб – ступенька к летному училищу. Именно поэтому очень большое значение мы придавали летной практике. Но когда в мае 1955 года наши курсанты выехали в лагерь, Юрий Гагарин вдруг подал рапорт с просьбой на время освободить его от занятий, так как ему нужно защищать диплом в техникуме. Я стал было говорить ему, что он может отстать от своих товарищей, но Гагарин горячо заверил меня, что он во что бы то ни стало наверстает упущенное.

Виктор Порохня:

– В мае состоялось распределение выпускников. Пятерым ребятам из нашей группы руководство техникума предложило поехать мастерами производственного обучения в ремесленные училища: мне – в Донбасс, Жене Стешину – в Свердловск, еще двум ребятам – на Алтай, а Юрию Гагарину – в Томск.

В июне 1955 года мы предстали перед государственной комиссией. Один за другим отчитывались выпускники. Шесть человек получили дипломы с отличием. В их числе и Юрий Гагарин.

На следующий день мы всей группой, пригласив с собой и преподавателей, отправились на Казачий остров. Дружеским, задушевным было наше прощание. Вспоминали прошлое, делились планами на будущее. У каждого из нас была теперь своя жизненная дорога, начинавшаяся с географической точки, указанной в направлении. Один лишь Юра сказал, что в Томск он не поедет, так как решил связать свою судьбу с авиацией. Впрочем, мы и сами видели, как Гагарин на наших глазах перерождается из литейщика в авиатора.

В конце июня наша группа прекратила свое существование. Ребята разъезжались на месячный отдых по домам, после которого каждого из нас ожидала работа по месту назначения.

В Саратове остался только Юрий Гагарин. Ему надо было завершить учебу в аэроклубе.

Михаил Соколов, курсант аэроклуба:

– Летный лагерь располагался в дубовой роще. Оживал он рано – в половине четвертого утра: каждая минута была у нас на счету, так как учебная программа отличалась большой напряженностью. Но в ритм полевой жизни мы вошли быстро – ведь все хотели летать, любили небо.

Как-то раз, прыгая с парашютом, неудачно приземлился один из наших курсантов. Среди тех, кто в числе первых прибежал на место приземления, был Юрий Гагарин. Он взвалил на себя товарища и принес его в лагерь.

Понятное дело, что подобные ЧП были редкостью, но каждое из них являлось для нас как бы испытанием на прочность. И Юрий такие экзамены выдерживал с честью.

Полеты и подготовка к ним отнимали много времени, но мы успевали и читать книги, и встречаться с летчиками, и ходить в кино.

По воскресеньям мы уезжали в Саратов, в увольнение. Каждый выходной старались проводить по-разному: то на рыбалку поедем, то в пионерский лагерь наведаемся – там работала сестра нашего курсанта, то в кино ходим. А однажды я предложил Юрию съездить в Аткарск к моему дяде, у которого был хороший сад. Я только что окончил десятилетку, Юрий уже распрощался с техникумом. Словом, денег у нас было негусто – и мы поехали на товарняке. Возвращались мы тем же способом. Но на станции Татищево нас как зайцев ссадили с поезда и привели к дежурному. Мы выслушали от дежурного нотацию, поделились с ним яблоками и снова сели на свой поезд. А он все стоит и стоит. Так и загорали несколько часов. Утром пришли к аэроклубу, чтобы ехать на

аэродром, ребята стали подшучивать над нашим помятым и сонным видом, но от предложенных яблок не отказались.

М. И. Соколова:

– На выходной курсантов отпускали из лагеря в увольнение. У Юры родных в Саратове не было, так он ночевал у нас – на диване в маленькой комнате. Я спрашивала, удобно ли ему, извинялась за тесноту, а он отвечал, что привык к тесноте, что у него никогда еще не было своей комнаты, что никогда он не спал один.

Паренек он был хозяйственный и аккуратный. Сам себе стирал трусы, рубашки, платки, майки. Были-то у него всего одни выходные брюки да «шведка» красная с «молнией», но он все вычистит, отутюжит – любо-дорого посмотреть. Сколько раз говорила я сыну: «Вот с кого, Миша, пример бери...»

А.Сидоров, курсант аэроклуба:

– В лагере Гагарин был старостой группы и ее комсоргом. Он умел очень тактично, не навязывая свою волю, повлиять на каждого из нас, без просьб и напоминаний приходил на помощь.

По разным причинам я пропустил много занятий, а поэтому в первом полете сделал много ошибок. Инструктор отчитал меня и предупредил:

– Будешь так летать, прогоню с аэродрома. Вернувшись в палатку, я сказал ребятам:

– Выгоняет меня инструктор, так что помогите собрать вещички...

Вот где мне досталось! А больше всех наседал Гагарин. Он заставил меня весь вечер заниматься, а потом я перед всем коллективом отчитывался, как перед строгой комиссией. Ребята по косточкам разобрали весь полет.

Очень ревностно следил Юрий за тем, чтобы в палатке был полный порядок. Он терпеть не мог нечистоты и грязнуль. Сперва

усоветствует по-дружески. Не поможет – потребует. Самым сильным выражением его недовольства был переход на «вы».

А кого Гагарин совсем не терпел, так это нарушителей летной дисциплины.

Однажды курсант Книшевский не выполнил точно задание, полученное от инструктора. Как только Книшевский приземлился, Гагарин собрал комсомольцев. И тут уж разговор был не тот, что со мной.

– Книшевский, мы вас предупреждаем, – сказал Гагарин, – еще одно нарушение – и вы с треском вылетите из аэроклуба...

Д.П.Мартьянов, летчик-инструктор:

– Теоретически Гагарин был подкован хорошо, и все-таки летчик рождается в воздухе. Я знаю, как много значит первый вывозной полет, и поэтому тщательно готовил к нему курсанта Гагарина.

Первый полет прошел нормально. Я пилотировал машину, а Гагарин знакомился с воздушной обстановкой, следил за приборами, отвечал на вопросы. Когда мы после посадки зарулили на линию старта, я сказал Юрию:

– Ну а теперь давай учиться летать. Проси разрешения на взлет.

– «Ракета»! Я ноль-шестой, разрешите взлет! – взволнованно выкрикнул Юрий.

– Ноль-шестой! Взлет разрешаю! – донеслось с командного пункта.

Юрий слишком уж энергично нажал на сектор газа. Мне подумалось: «Не терпит парню побыстрее взлететь».

– Не торопись, газ надо давать плавнее, – сдержал я его порыв.

После полета Юрий обратился ко мне:

– Разрешите получить замечания!

– Для первого раза нормально, – ободрил я курсанта. Гагарин недоверчиво посмотрел на меня.

– А мне показалось, что допустил очень много ошибок...

– Ошибок хватало, – усмехнулся я. – А вы что же, хотели с первого раза без ошибок? Так не бывает...

– Знаю, что не бывает, – ответил Гагарин, – потому и жду ваших замечаний...

Я похлопал его по плечу:

– Будешь летчиком. Только за небо надо драться...

Н. И.Новиков, летчик-инструктор:

– Я был назначен руководством аэроклуба принимать зачет по пилотированию у курсантов из группы Мартьянова.

Первым инструктор представил Ю. Гагарина. Я поинтересовался, как учился курсант Гагарин, как выполнял зачетные полеты по кругу.

– Отлично, – ответил Дмитрий Павлович.

Весь полет до зоны Гагарин выполнил по всем правилам курса. Когда же он начал работать в зоне, я был поражен четкостью его действий. Можно было подумать, что машину ведет не выпускник аэроклуба, а профессиональный пилот. Захотелось проверить, не обманчивое ли это впечатление. После того как Гагарин завершил пилотаж, я попросил его снова набрать высоту и повторить левый комплекс. В него входили: переворот, петля Нестерова и полупетля. Гагарин, как и в первый раз, все выполнил отлично. Я понял, что это не случай помог курсанту, что Гагарин – человек больших способностей.

А в конце сентября 1955 года Гагарин вместе с другими выпускниками аэроклуба стоял перед выпускной комиссией. Начальник аэроклуба Герой Советского Союза Г.К.Денисенко зачитывал вслух «Ведомость индивидуальных оценок» пилотов первоначального обучения, окончивших Саратовский аэроклуб ДОСААФ. Ребята внимательно слушали, многозначительно переглядывались время от времени, каждый с волнением ждал, когда же прозвучит его фамилия.

Тридцать четвертым в этой ведомости был Гагарин.

– «Гагарин Юрий Алексеевич, – читал Денисенко, – 1934 года рождения, по национальности – русский, образование – среднетехническое, член ВЛКСМ. Окончил аэроклуб со следующими оценками: самолет ЯК-18 – отлично, мотор М-11-ФР – отлично, самолетовождение – отлично, аэродинамика – отлично, радиосвязь – отлично, наставление по производству полетов – отлично». И наконец, общая оценка выпускной комиссии, – Григорий Кириллович сделал паузу и под аплодисменты друзей закончил: – Тоже отлично.

Затем начальник аэроклуба поздравил выпускников и объявил, что лучшие из них будут рекомендованы в авиационные училища. В числе этих лучших был назван и Юрий Гагарин.

– Будущее принадлежит вашему поколению, – напутствовал ребят испытанный войною летчик Мартьянов, – вы еще полетите на таких машинах, которые нам и не снились...

Юрий Гагарин:

– Я получил направление в Оренбургское авиационное училище. Ехал туда не один, с товарищами. Все они были ловкие, смелые парни, способные на решительные поступки. Все самозабвенно любили авиацию, летное дело.

Оренбург

Юрий Гагарин:

– Итак, началась моя военная жизнь! Нас всех, как новобранцев, подстригли под машинку, выдали обмундирование – защитные гимнастерки, синие бриджи, шинели, сапоги.

На плечах у нас заголублили курсантские погоны, украшенные эмблемой летчиков – серебристыми крылышками. Я

Курсант Оренбургского училища

нет-нет да и скашивал глаза на них, гордась и радуясь, что приобщился к большой семье Советской армии. Училище жило веселой жизнью молодых, здоровых людей, стремящихся к одной цели.

Нас разбили по эскадрильям, звеньям, экипажам... Все теперь определялось уставами: за проступок – взыскание, за усердие – поощрение, за отвагу – награда.

Валентин Палехин, летчик-инструктор Оренбургского высшего военно-авиационного училища:

– Юра был командиром нашего классного отделения. Частенько мы вместе коротали досуг, ломали головы над учебниками, вместе поднимались на истребителе.

Ростом он был невысок – примерно метр шестьдесят три, самое большее – метр шестьдесят пять. Весом тоже невелик – килограммов шестьдесят. Зато коренаст, крепок, мускулист. Был заядлым спортсменом. Отстаивал честь училища в

Ю.Гагарин — курсант Военного училища

гимнастике, легкой атлетике, баскетболе, волейболе. Пел в хоре, танцевал. Большую нагрузку нес по комсомольской работе. Товарищем он был замечательным, отзывчивым. Мы считали Юрия сильным в теории и часто обращались к нему за помощью. Он никогда не отказывал.

А. Колосов, летчик-инструктор:

– Надо сказать, что Гагарину летная программа давалась не без труда, особенно тяжело ему пришлось, когда мы начали осваивать реактивные машины. Но благодаря своему упорству, физической выносливости, он сумел преодолеть затруднения, и, овладев летной техникой, Гагарин стал летать отлично, превосходно выполняя высший пилотаж.

А. Резников, преподаватель училища:

– Однажды, войдя в класс, я увидел плотный табачный дым. Курить в классе, конечно, запрещалось. Еще минуту назад что-то оживленно обсуждавшие курсанты мгновенно смолкли. У стола стоял Гагарин с зажженной папиросой и небольшим агрегатом двигателя в руках.

– Что это значит? – строго спросил я. Гагарин покраснел. Но не от смущения. Он был похож на увлеченного чем-

то человека, которого вдруг ни с того ни с сего оторвали вдруг от дела.

– Разрешите доложить, товарищ подполковник! Я изучаю топливный насос двигателя...

– Я спрашиваю не об этом...

– Так ведь здесь полно каналов на сверлено. Они идут во все стороны, а куда и как, понять мудрено. Приходится запрещенными методами действовать, чтобы яснее было. В одно отверстие дунешь и сразу видишь, откуда дым выходит...

Тон у Гагарина был явно обиженный.

Я почувствовал себя в трудном положении. С одной стороны, довод был довольно обоснованным, но с другой – формально прав был я.

Курсанты с любопытством ждали, чем кончится этот неожиданный диалог.

– Ну вот что, курсант Гагарин! – нашелся я. – Если вы уж изобрели новый способ изучения предмета, то в следующий раз отправляйтесь вместе с топливным насосом в курилку.

– Слушаюсь, товарищ подполковник! – усмехнулся Гагарин. Гагарину вообще было свойственно любой ценой докопаться до истины, разобраться в каверз-

ном вопросе. Над его дотошностью курсанты даже подшучивали. И вместе с тем он вовсе не был похож на зубрилу или сухаря, старающегося во что бы то ни стало выцарапать пятерку. Он любил и понимал шутку, а неудачи и промахи переносил с удивительной стойкостью.

Никогда не забуду, как Гагарин получил тройку по реактивным двигателям. Порядок был таким, что с тройкой курсантов не допускали к учебным полетам. Расстроенный за него, я ждал, что же он будет делать. Ведь это была первая его тройка за все время пребывания в училище. Юрий не пошел по проторенной дорожке – не стал бегать за преподавателями, упрашивая «еще разочек» его проэкзаменовать. Он засел за теорию, и преподаватель сам предложил ему исправить оценку. Экзамен Юрий сдал с блеском.

Валентина Гагарина:

– Познакомилась я с Юрой на вечере танцев в училище. Юра вел себя очень просто: непринужденно рассказывал о себе, непринужденно расспрашивал. Уже через полчаса мне казалось, что мы давным-давно знаем друг друга.

Позднее, когда я лучше узнала Юру, мне стало ясно, что это одно из самых примечательных свойств его характера. Юра легко и свободно сходилась с людьми, быстро осваивался в любой обстановке, и, какое бы общество ни собралось, он сразу же становился в нем своим, чувствовал себя как рыба в воде.

Много было у нас встреч, много разговоров по душам, долго мы приглядывались друг к другу, прежде чем, объяснившись в любви, приняли решение связать навсегда свои жизни и судьбы.

– Любовь с первого взгляда – это прекрасно, – говорил Юра, – но еще прекраснее – любовь до последнего вздоха. А для такой любви мало одного сердечного влечения. Валя, – продолжал он, – давай

Юрий и Валентина

действовать по пословице «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

Я понимала, что такое его серьезное отношение к решающему жизненному шагу не имеет ничего общего с осмотрительной расчетливостью. Юре был чужд эгоизм. Он думал обо мне: не пожалею ли я, не спохвачусь ли, когда будет уже поздно передумывать?

Юра вообще больше думал о других, чем о себе. Это его душевное качество открылось мне еще задолго до того, как мы стали мужем и женой.

В нашем семейном альбоме есть фотокарточка, которую я подарила когда-то Юре. Многие журналисты цитировали слова, написанные на ее обороте. Слова о том, что кузнецы своего счастья мы сами и что перед судьбою не надо склонять головы. Только почти никто не обмолвился, почему появилась такая надпись.

А случилось так: Юра пожалел, что поступил в училище.

Родителям его жилось тяжело, они едва сводили концы с концами. Но чем им мог помочь Юра, получавший копеечное курсантское жалованье? Лучше бы, говорил он, после техникума вернуться к родителям в Гжатск, поступить там работать по специальности.

Юру утешали товарищи. Юру утешала и я. Мы убеждали его, что время учебы пролетит быстро, а там он станет офицером и тогда сможет помогать родителям. Убедили мы его с трудом. Вот так появилась надпись на фотографии, которую я подарила Юре в день его рождения, 9 марта 1957 года. Юра очень хотел стать летчиком, но ради близких ему людей он готов был пожертвовать даже любимым делом.

Таким он был в большом и в малом. Ему предлагали после окончания училища остаться в Оренбурге, а он попросился на Север. Ему очень хотелось, чтобы я поехала с ним, но это означало бы, что я не получу диплома фельдшера. Я уже решила для себя, что оставляю медицинское училище и поеду с Юрой, но он уговорил меня не делать этого.

В. Моргунов, военный летчик:

– Нашему училищу всегда везло на асов. Из его стен вышли Валерий Чкалов и Анатолий Серов, здесь воспитывался первый дважды Герой Советского Союза Сергей Грицевец. Выпускник училища Григорий Бахчиванджи первым в нашей стране поднял в воздух реактивный самолет.

– Никогда не забывайте, чьи вы наследники, – говорил председатель государственной экзаменационной комиссии полковник Кибалов, напутствуя группу выпускников, в которой был и Юрий Гагарин.

В аттестации выпускника училища лейтенанта Юрия Алексеевича Гагарина записано следующее:

«За время обучения в училище Гагарин Ю.А. показал себя дисциплинированным, политически грамотным курсантом. Уставы Советской армии знает и практически их выполняет. Строевая и физическая подготовка хорошая. Теоретическая – отличная. Летную программу усваивает успешно, а приобретенные знания закрепляет прочно.

Летать любит, летает смело и уверенно. Государственные экзамены по технике пилотирования и боевому применению сдал с оценкой “отлично”. Материальную часть самолета эксплуатирует грамотно. Училище окончил по первому разряду. Делу Коммунистической партии и социалистической Родине предан».

С такой аттестацией отправился Юрий Гагарин на Север. Вместе с ним ехали друзья – Валентин Злобин, Юрий Дергунов и Николай Репин.

Север

Юрий Гагарин:

– Свирепствовал лютый январь. Непогодная ночная темень придавила землю, засыпанную глубоким снегом. Но над взлетно-посадочной полосой не затихал турбинный гул. Летали те, кто был постарше. Так как у нас не было опыта полетов в ночных условиях, мы занимались теорией и нетерпеливо ожидали первых проблесков солнца, наступления весны. Жили дружной, спаянной семьей, наверное, так же живут и моряки, сплоченные суровыми условиями корабельного быта. Мы знали друг о друге все, никто ничего не таил от товарищей. Если приходило письмо, оно становилось общим достоянием. Его читали вслух, как, по рассказам фронтовиков, это бывало на войне...

Летать мы начали в конце марта, когда во всем уже чувствовалось дыхание весны, и длинная полярная ночь стала уступать такому же длинному полярному дню.

Л. Васильев, военный летчик:

– Первая проверка показала хорошую подготовку молодых летчиков. Особенно успешно сдал зачеты Гагарин. Материальную часть МиГа он знал так, словно пролетал на этой машине несколько лет.

Полеты начались на исходе полярной ночи. Вначале знакомились с районом

аэродрома. Местность вокруг была гористая. Сопки достигали полукилометровой высоты, и это затрудняло полеты в пасмурную погоду. Четвертый разворот при заходе на посадку надо было делать на высоте не менее четырехсот метров.

У Гагарина был хороший глазомер. Расстояние до земли он определял безошибочно, но однажды погода и ему устроила ловушку.

Возвращаясь с задания, он точно рассчитал посадку и приземлился в положенном месте. Казалось, все в порядке, а самолет, вместо того чтобы остановиться, все катится да катится и не слушается тормозов. Гагарин резко нажал на тормоза. И тут-то произошло непредвиденное – машина пошла юзом, да так, что с колес сорвало покрышки. Оказалось, полосу покрыл гололед, а при гололеде резкое торможение разворачивает машину и, как правило, летят покрышки.

Гагарин, знавший об этом лишь по рассказам старых полярников, очень переживал свою неудачу.

Н.Вильямский, военный летчик:

– Я был первым инструктором Гагарина в авиационной части, в которую он вместе с группой других молодых летчиков прибыл осенью 1957 г.

Невысокого роста, ладно сложенный офицер удивительно быстро расположил к себе сослуживцев, покоров их своим трудолюбием, уравновешенностью, добротой и отзывчивостью. И летчиком Ю.Гагарин был незаурядным. Не раз летали мы с ним в паре в сложных условиях Заполярья, на больших и малых высотах, ходили на перехват «вражеских» истребителей. Гагарин быстро схватывал и усваивал самые трудные элементы воздушного боя, действовал бесстрашно, находчиво, инициативно.

А на досуге Гагарин буквально преображался: веселый, жизнерадостный, он

Служба в авиационном полку

заражал всех своим оптимизмом. Мы часто ходили с ним на охоту, на рыбалку, и тогда перед нами во всей своей красоте раскрывалась его широкая душа.

Валентин Гагарин:

– В начале пятьдесят девятого года пришли к нам одна за другой две радостные вести. Во-первых, Юра стал кандидатом в члены партии. А во-вторых, у наших «полярных» Гагариных родилась девочка. Назвали ее Леной. Мы сообща сочинили поздравительную телеграмму, и мама, никому не доверив, сама понесла ее на почту. Всем знакомым, встреченным на улице, – а знаком ей был, почитай, весь Гжатск – рассказывала:

– У Юры с Валею дочка родилась.

Отец прокомментировал эту весть по-своему:

– Опять девка!

Дело в том, что к тому времени у ме-

ня уже росли три девочки, и у Зои первенцем была дочь. Но мы-то знали, что отец очень доволен: к семейным людям он относился с уважением, однако семьи, в которых не было детей, ни в грош не ставил.

А мама жила теперь мечтой о том времени, когда она сможет наконец взять на руки свою внучку -северяночку.

У отца, как у многих пожилых людей, есть привычка аккуратно прибирать всякого рода бумажки, имеющие значение документов: налоговые квитанции, извещения, жировки... Благодаря этой его привычке и остались от тех лет бланки денежных переводов – на двести, на двести пятьдесят, на пятьсот рублей. Сколотые канцелярской скрепкой листки с двумя адресами: Гжатск Смоленской области и обратный – Юрин.

Теперь я смотрю на эти бланки и думаю: почерк у Юры с годами мало менялся, оставался почти тем же, каким он был в те дни, когда Юра пятиклассником писал отзыв на книгу Всевожского «В открытом море». Разве что очертания букв с годами стали тверже, уверенней. Взрослее, что ли...

Перебираю бланки: январь, февраль, март, апрель... Юра не пропустил ни одного месяца.

Валентина Гагарина:

– Никогда не забуду я жизнь в популярном далеком гарнизоне. Военная служба отнимала у Юры очень много времени, но и тогда, когда мы были молодоженами, и позже, когда родилась Леночка, он старался выкроить час-другой для меня, для дома, для семьи. Придет, бывало, вечером домой и, какой бы ни был тяжелый день, весело кричит с порога:

– Принимай помощника!

И если не надо наколоть дров, сбегать за продуктами в магазин или принести

воды, сразу направляется к детской кроватке. А только Леночка заснет, Юра за книгу. Читал он обычно вслух. Ему было приятно, когда я смеялась вместе с ним, слушая веселые чеховские рассказы, когда я вздыхала, узнавая его и себя в героях «Ночного полета» Антуана де Сент-Экзюпери.

Помню, очень сильно переживал Юра смерть своего тезки – Юрия Дергунова. Они подружились еще в училище и, когда пришло время распределения, настояли, чтобы их направили в один и тот же авиационный истребительный полк. И вот Юра лишился ближайшего друга. Несколько недель он ходил как потерянный, не спал целыми ночами напролет. Я понимала, что ему не помогут ни валерьянка, ни снотворное, и если предлагала ему лекарства, то лишь для того, чтобы хоть на минуту отвлечь его от тяжелых мыслей. Однажды Юра пришел озабоченный:

– Вызывают в Москву.

Из командировки он возвратился воспрянувший духом.

– Знаешь, Валюша, – сказал он, – мне предлагают новую работу. – И тут же добавил: – Правда, это пока неточно...

Прошел еще месяц. Юру снова вызвали в Москву. А когда он вернулся, стоило ему открыть дверь, как я догадалась по его виду: пора собираться в путь-дорожку дальнюю.

Было это как раз 8 марта. Назавтра уезжать, а у Юры день рождения. 26 лет исполнялось ему.

Собрались мы быстро – нехитрую нашу мебель раздали соседям, а вечером сошлись друзья. Попрощаться.

– Буду летчиком-испытателем, – как бы оправдываясь, говорил товарищам Юра, – налетаюсь вволю!..

Я знала: это его давняя мечта – как можно больше летать. И не только на се-

рийных машинах. Самолеты Юра очень любил. Он не мог равнодушно смотреть на пролетающий над головой самолет. Одно только упоминание о предстоящем полете всегда приводило его в состояние возбуждения.

Юрий Гагарин:

– В последний раз поехали мы с Валей на берег моря, окантованного кружевом прибоя, поглядели на белых птиц, круживших над гранитными скалами, затем сходили на кладбище, долго стояли у могилы Юрия Дергунова... Мы положили ветви сосны на могилу товарища и с грустью отправились домой.

Вечером вся наша небольшая семья, провожаемая друзьями, покинула северный военный городок. Что ждало нас? На этот вопрос никто не мог ответить.

Событие, потрясшее мир

Юрий Гагарин:

– Как все сложится в дальнейшем? – думал я, поглядывая на залитое серебристо-зеленоватым светом луны высокое небо. Подумать только – наш первый спутник тысячу четыреста раз облетел вокруг Земли, а второй сделал почти на тысячу оборотов больше, пройдя путь свыше ста миллионов километров.

Артур Кларк, английский писатель :

– Широкая публика впервые узнала об идее космических полетов как о реальной возможности в 20-х гг., из газетных сообщений о работах американца Роберта Годдарда и румына Германа Оберта (намного более ранние исследования Циолковского тогда были мало известны за пределами России). Когда идеи Годдарда и Оберта, как обычно, искаженные прессой, просочились в мир науки, они были встречены с издевкой. Один из шедевров критических выступлений, с которыми пришлось столкнуться пионерам космонавтики, я представляю на суд чита-

теля. Вот что говорил в одной из своих статей (1926 г.) некий профессор А.У. Бикертон (рекомендую вчитаться в этот непревзойденный образец интеллектуального чванства тех времен): «Глупейшая идея выстрела на Луну – пример тех предельных абсурдов, до которых в результате порочной узкой специализации доходят ученые, работающие в “мыслепроницаемых отсеках”, в полной изоляции друг от друга. Попытаемся критически проанализировать это предложение. Для того чтобы снаряд полностью преодолел силу притяжения Земли, ему нужно сообщить скорость 11 км/сек. Эквивалентная тепловая энергия грамма топлива составляет при такой скорости 15180 калорий... Энергия нитроглицерина – наиболее бризантного взрывчатого вещества, которым мы располагаем, – равна менее 1500 калорий на грамм. Следовательно, само это взрывчатое вещество располагает лишь одной десятой той энергии, которая необходима ему, чтобы оторваться от Земли, даже если у него не будет никакой дополнительной нагрузки... Отсюда явствует, что это предложение неосуществимо в самой своей основе...»

Негодующие читатели публичной библиотеки города Коломбо стали сердито указывать на табличку «Соблюдайте тишину», когда я обнаружил вышеприведенный перл...

В качестве примечания к сказанному я могу добавить, что среди книг, написанных профессором Бикертонем, который был активным популяризатором науки, есть одна под названием «Бедствия, угрожающие пионеру». Но среди бедствий и опасностей, подстерегающих любого первопроходца, трудно найти более тяжкие, нежели те, которые могут быть уготованы ему такими вот бикертонями.

В течение 30 – 40 гг. многие видные ученые неустанно издевались над пионерами ракетных полетов. Любой человек, имеющий доступ к публичной университетской библиотеке, может обнаружить там на страницах январского номера почтенного «Философского журнала» от 1941 г. – сохраненный для потомства образчик, достойный того, чтобы стать в один ряд с только что процитированным мною.

Это статья выдающегося канадского астронома профессора университета провинции Альберта Дж.У.Кемпбелла, озаглавленная «Полет ракеты на Луну». Начав свою статью цитатой из работы Эдмонта (1938 г.): «...полет ракеты на Луну представляется ныне менее отдаленным, чем было телевидение сто лет назад», профессор приступает к математическому анализу проблемы. После нескольких страниц вычислений он приходит к заключению, что для вывода на орбиту полезного груза в 1 км взлетный вес ракеты должен достигать нескольких миллионов тонн... В чем же ошибся профессор?

Всего лишь в своих исходных посылах, которые были безнадежно оторваны от действительности. Он избрал для ракеты траекторию вывода на орбиту, фантастически расточительную в энергетическом отношении; он воспользовался величиной ускорения столь низкой, что большая часть горючего тратилась на малых высотах – на преодоление гравитационного поля Земли. Это было все равно что при расчете скорости движения автомобиля предположить, что он должен двигаться с заторможенными колесами. Поэтому ничуть не удивительно, что Кемпбелл пришел к следующему выводу: «Хотя давать отрицательный прогноз всегда рискованно, мы все же считаем чересчур оптимистическим утверждение,

что ракетный полет в настоящее время кажется менее отдаленным, чем телевидение сто лет назад».

Я убежден, что многие подписчики «Философского журнала», читая тогда, в 1941 году, эти слова, подумали: «Ну, теперь-то уж эти полоумные ракетчики будут знать, где их место!»

Между тем правильные расчеты были опубликованы Циолковским, Обертом, Годдардом задолго до этого. Правда, труды первых двух авторов в то время трудно было достать, но работа Годдарда «Способ достижения предельных высот» уже считалась классической и была издана Смитсоновским институтом – учреждением, которое никак не назовешь малоизвестным.

Если бы профессор Кемпбелл только заглянул в нее – или, в конце концов, в работу любого автора, компетентного в данном вопросе (а такие были даже тогда, в 1941 году!), – он не ввел бы в заблуждение ни себя, ни своих читателей.

Давным-давно, еще в незапамятные времена 1935 года, основатель Английского общества межпланетных сообщений П.И.Клитор имел неосторожность написать и опубликовать первую в Англии книгу по астронавтике... К моему немалому удивлению, почтенный научный журнал «Природа» в номере от 14 марта 1936 года поместил рецензию на эту книгу, которая заканчивалась нижеследующим выводом: «Необходимо сразу сказать, что весь процесс, схематически рассмотренный в рецензируемой книге, сопряжен с трудностями столь решающего характера, что мы вынуждены отвергнуть эту идею как неосуществимую в своей основе, невзирая на настойчивые призывы автора отбросить предубеждения и вспомнить, что полет на аппаратах тяжелее воздуха тоже считали невозможным, пока он не был осуществлен на практике. Подобные

аналогии могут быть ошибочными, и мы полагаем, что именно так обстоит дело в данном случае...»

Теперь-то весь мир знает, насколько ошибочной была эта аналогия, хотя рецензент, опознанный только по нескольким необычным инициалам – Р. в. д. В., в то время, конечно, имел полное право на такое мнение.

Ровно через 20 лет – после провозглашения президентом Эйзенхауэром американской программы запуска спутников – в Англию прибыл для вступления в свою должность новый королевский астроном. Пресса попросила его высказать свое мнение о возможности космических полетов. Доктор Ричард ван дер Вулли не видел оснований менять свою точку зрения по прошествии двух десятилетий. «Космические полеты, – заявил он презрительно, – это совершеннейшая чепуха!»

Газеты не позволили ему забыть об этих словах, когда уже в следующем году в космос взлетел первый советский спутник. А сейчас – вот уж поистине одна ирония громоздится на другую! – доктор Вулли по своему положению, как королевский астроном, является одним из влиятельных членов комитета, консультирующего правительство Англии по проблемам космоса. Нетрудно представить себе чувства, испытываемые людьми, которые на протяжении жизни целого поколения пытались внушить Англии интерес к космосу.

Ежи Зелиньский, журналист:

– Первый спутник произвел на Западе впечатление разорвавшейся бомбы. Оказалось, что русские дали американцам сто очков вперед. Оказалось, что еще в 20-е и 30-е годы, когда США были уже экономически мощной державой, в далекой России группа энтузиастов создавала первые советские ракеты. Оказалось, что в 50-е

С.П.Королев

годы один из соратников Цандера – Сергей Королев – стал первым Главным конструктором космических кораблей.

Академик С. П. Королев:

–Я пришел в ракетную технику с надеждой на полет в космос, на запуск спутника. Но долго не было реальных возможностей для этого, о первой космической скорости можно было лишь мечтать. С созданием мощных баллистических ракет заветная цель становилась все ближе. Мы внимательно следили за сообщениями о подготовке в Соединенных Штатах Америки спутника, названного не без намека «Авангардом». Кое-кому тогда казалось, что он будет в космосе первым.

Я попросил подобрать мне материал об этом будущем спутнике. Мне приготовили. Мы посчитали и убедились, что американские ракетчики могут вывести на орбиту... апельсин.

Все было ограничено у них до предела. Главное, что их сковывало, – это ракета. Ее тяга такова, что не дает никаких резервов и предъявляет огромные требования к точности, к разъединению ступеней. Посчитали и мы, чем располагаем. Убедились: можем вывести на орбиту добрую сотню килограммов. Обратились в Центральный Комитет партии. Там сказали: «Дело заманчивое. Но надо подумать...»

Летом 1957 года вызвали в ЦК. Было дано доброе напутствие нашим планам.

Так на строгом расчете родился наш первый спутник. Прошел на орбиту без пропусков. С первого раза!

Академик А.А.Благодоров:

– В дни запуска первого спутника я находился в Соединенных Штатах Америки. Меня там ученые буквально засыпали вопросами: как это СССР опередил США? Значит, межконтинентальная баллистическая ракета у вас не блеф? Не вкралась ли опечатка в цифру веса вашего спутника – 83 кг, ведь наш первенец будет весить всего несколько фунтов?

Как мог, я пытался разъяснить заблуждения американских коллег. Нет, опечаток не было. Более того, уже готовился второй спутник весом в полутонну.

Французский журнал «Пари-матч»:

«5 октября 1957 года Вашингтон был потрясен циклоном, который срывал вывески, сваливал столбы, вырывал с корнями деревья, поднимал к небу тучи опавших листьев и в конечном счете обрушил на столицу наводнение. Но поспешно собравшиеся ученые, специалисты и политические деятели думали о другой буре – о буре, которая поднималась в общественном мнении. Русские только что достигли того, что американцы столь часто преждевременно описывали: запустили первый искусственный спутник

Земли. Это было чудо! Рухнула догма о техническом превосходстве Соединенных Штатов.»

Английский журнал «Трибюн»:

– Как сумели советские люди уйти вперед в освоении космоса?.. Как удалось им подготовить необходимые кадры ученых, техников и инженеров для этого колоссального технического достижения? Ответ следует искать не только в русской традиции, которая восходит к отцу русской космической науки К.Э. Циолковскому, и не в тесной связи науки с правительством... Советский коммунизм применяет иные методы просвещения, нежели мы.

Академик Б.Н.Петров:

– В те знаменательные дни человечество устами своего великого сына Фредерика Жолио-Кюри восторженно воскликнуло: «Человек больше не прикован к своей планете!» Так подтвердилось предвидение другого великого сына земли – Константина Эдуардовича Циолковского: «Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели... Человечество не останется вечно на Земле».

Наша страна – родина космонавтики. В ней родились первые идеи освоения космоса и были осуществлены первые важнейшие шаги в покорении космического пространства.

Эти исторические свершения стали возможными только благодаря тому, что в нашей стране была создана мощная индустрия, благодаря тому, что советская наука, по многим направлениям заняв ведущее место в мире, достигла невиданного расцвета.

Прогресс науки и техники в молодом социалистическом государстве восходит к знаменитому «Наброску плана научно-технических работ», написанному В.И. Лениным еще в апреле 1918 года. За на-

броском последовали конкретные меры, способствовавшие развитию научной деятельности в нашей стране. Именно в те первые годы Советской власти В.И. Ленин подробно ознакомился с идеями К.Э. Циолковского, который заложил теоретические основы космонавтики, выдвинул идеи современного ракетного двигателя, многоступенчатых ракет, орбитальных станций и межпланетных сообщений. 9 ноября 1921 г. Совет народных комиссаров принял постановление, в котором говорилось: «Ввиду особых заслуг ученого-изобретателя, специалиста по авиации, назначить К.Э. Циолковскому пожизненную пенсию...» Подписал это постановление В.И. Ленин. Известно, что Владимир Ильич интересовался и трудами другого замечательного ученого – Фридриха Артуровича Цандера, ближайшего последователя Циолковского.

Забота Советского правительства о «калужском мечтателе», внимание к его трудам способствовали популярности К.Э. Циолковского. В начале 20, а затем в 30 гг. в нашей стране появились первые организации, объединившие сторонников этих идей, возникли научно-исследовательские центры, реализующие эти идеи, в посильном для своего времени объеме. Это были Газодинамическая лаборатория в Ленинграде и Группа изучения реактивного движения в Москве. В 1933 г. был организован Реактивный научно-исследовательский институт.

Наибольший размах работы в области ракетной и космической техники получили в послевоенные годы. Создавались конструкторские организации, научные лаборатории, испытательные базы, готовились специалисты. Все это дало возможность в короткий срок провести комплексные исследования, позволившие со-

здать первоклассную ракетную и космическую технику.

Именно тогда во всей полноте проявился выдающийся талант советского конструктора и организатора Сергея Павловича Королева, других ученых и инженеров, заложивших основы ракетно-космической техники в стране, а затем обеспечивших ее интенсивное развитие. Их работа установила приоритет Советского Союза на основополагающих этапах проникновения человека в космос.

Владимир Орлов, публицист:

– Полеты в космос стали важными вехами истории человечества, обозначив и высветив дороги к неизвестным мирам вселенной, как когда-то в эпоху великих географических открытий обозначены были пути к неизведанным материкам. Как наследники дерзких каравелл, проплывают в межпланетном пространстве, подчиняясь не причудам ветров, а влечениям сил всемирного тяготения, разнообразные советские космические аппараты неожиданной и странной формы, не похожие вовсе на стреловидные звездолеты с иллюстраций к фантастическим повестям, но скорей напоминающие семена растений в поле зрения микроскопа. Словно это и впрямь семена земли.

Множатся небесные тела, искусственно созданные человеком, подчиняющиеся законам движения, обязательным для всех небесных светил, обладающих своим, только им присущим тепловым режимом, силой тяжести, ритмом смены дня и ночи, климатическими условиями, отличающимися от земных, но приемлемыми для человеческого существования...

Даже самые революционные изобретения предыдущих общественных формаций зарождались как плоды стихийного развития общества, возникая подчас под воздействием обстоятельств, независи-

мых от сознания людей, созревали в обстановке корысти, косности, неверия; историческое, преобразующее, революционизирующее их значение понималось потом.

В принципиально иной обстановке рождаются великие изобретения в условиях социализма. Революционизирующее их значение осознано и провозглашено самой философией марксизма-ленинизма. Они являются естественным плодом планомерной, организованной в масштабе целого общества, совместной исследовательской, изобретательской, производственной работы громадных коллективов людей...

Революционизирующие изобретения у нас находятся в руках революционеров и сознательно подчинены революционным идеям: гул ракет на космодроме Байконур раздается как многократное эхо знаменитого выстрела «Авроры». Потому так велико и не сравнимо ни с чем в прошлом историческое влияние новых советских изобретений, принесших победы в космосе, на социальное и политическое развитие народов и государств, на отношения между ними, на судьбы всей планеты.

Объясняя свое отставание в запуске спутника, американцы цинично заявляли, что главная их задача – это создание боевой трансконтинентальной ракеты, а что спутник – всего лишь «отход производства». События показали, по каким направлениям двигалась ракетная техника в послевоенные годы в Советском Союзе. Создание искусственных спутников Земли было конечной целью изобретателей, а работа над ракетным оружием, очевидно, подчиненным, продиктованным внешней обстановкой делом.

Но спутник промыл глаза тем, кто в слепоте или злобе своей не видел, как далеко продвинулись вперед на могучей

волне социалистической индустриализации прямые ученики и наследники Циолковского в Советской стране, где идеи революции победили. Высота и скорость полета спутника обнаружили территориальную близость континентов и государств и со всей определенностью подчеркнули необходимость их мирного сосуществования, а его внушительный вес пошатнул иллюзии политиков «с позиции силы». Само слово «спутник», вошедшее во все языки, стало символом мира и созидания.

Юрий Гагарин:

– Первые советские успехи в завоевании космоса совпали с годами моей учебы в Оренбурге. После запуска искусственного спутника в ленинской комнате училища у радиоприемника разгорелись жаркие споры:

– Теперь скоро и человек полетит в космос...

– Скоро? Больно ты быстрый! Лет через 15 – 20... Тебя к тому времени уже спишут из авиации!

– Первым, конечно, на спутнике полетит ученый. Это же корабль-лаборатория...

– Совершенно необязательно. Потребуются человек с железным здоровьем. Как у водолаза или летчика-испытателя.

– А по-моему, для первого полета в космос выберут врача. Ведь главное – проверить, как реагирует человеческий организм.

Конечно, к единому выводу мы никогда не приходили. И даже набрасывая чертеж будущего космического корабля, все представляли его по-разному. Рисовал и я. Как мой тогдашний проект не похож на «Восток», с борта которого через три с половиной года я увидел Землю из космоса!

Готовятся ли к полету в космос летчики?

Юрий Гагарин:

– 3 ноября 1957 года в небо взлетел еще один советский искусственный спутник Земли. За первым – второй! Он был во много раз крупнее и тяжелее; на его борту в герметической кабине находилась собака Лайка...

Читая в те дни газеты, описывающие полет 2-го искусственного спутника Земли, я размышлял: «Раз живое существо уже находится в космосе, почему бы не полететь туда человеку?» И впервые подумал: «Почему бы мне не стать этим человеком?» Подумал и испугался своей дерзости: ведь в нашей стране найдутся тысячи людей, подготовленных к этому лучше, чем я. Мысль мелькнула, обожгла и исчезла. Стоило ли думать о том, что совершится, наверное, не очень скоро.

В.Павлов, профессор:

– После запусков первых спутников ученые и инженеры начали подготовку к полету в космос человека. Дело это было для всех новое, необычное, многие медико-биологические и технические вопросы были неясны, много загадок таил в себе и космос.

Предстояло решить такие основные комплексные проблемы, как обеспечение безопасности и нормальных условий жизнедеятельности космонавта на всех участках полета, возвращение его на Землю, обеспечение надежности всей ракетно-космической системы.

За решение этих проблем взялись крупнейшие специалисты в самых различных областях науки и техники: двигателисты, физики, специалисты радиоэлектронной промышленности, энергетики, оптики, медики – всех не перечислишь. Начала создаваться новая промышленная отрасль – космическая индустрия.

Руководила всеми работами группа видных ученых во главе с академиками Королевым и Келдышем.

Е.А.Карпов:

– Совещание, которое состоялось в начале 1959 года, очень напоминало совет полководцев, предшествующий массированному удару на главном направлении. На это совещание собрались видные ученые, представители различных министерств и ведомств. На повестке дня – подготовка первого полета человека в космос.

На этом совещании мне посчастливилось впервые увидеть Сергея Павловича Королева. Я узнал его с первого взгляда, потому что люди, знавшие его лично, не раз описывали мне колоритную внешность Главного конструктора.

Сергей Павлович живо о чем-то переговаривался с несколькими собеседниками. Голос у него был грудной, глуховатый. Речь свою он дополнял четкими и ясными жестами. Королев не курил и откровенно высказывал недовольство «курцами», которых вокруг было великое множество. Внешний облик свидетельствовал об огромной внутренней силе этого, по-видимому, и физически крепкого человека, о его воле, решимости, твердости.

Собравшиеся говорили о том, каким они представляют себе человека, который смог бы после соответствующей подготовки успешно справиться со всем, что ожидает его в космическом полете. Уже многие специалисты высказали свое мнение, когда председательствовавший на совещании академик Мстислав Всеволодович Келдыш предоставил наконец слово Сергею Павловичу.

– Все правильно говорилось здесь, – начал Королев, – создается впечатление, что из различных суждений напрашивается единственно разумный вывод. Вопрос, который Келдыш задал в тот день на со-

вещании: «Готовятся ли к полету в космос летчики?» – действительно не случаен. Наиболее подходящим контингентом специалистов, годных для полетов в космос, на мой взгляд, располагает авиация. Это летчики...

Сергей Павлович убедительно пояснил, почему именно на летчиков падает выбор. Дело в том, что качеств, которые вырабатываются в человеке «земными специальностями», недостаточно, чтобы в короткое время стать полноценным космонавтом. Человек, не способный безошибочно и мгновенно ориентироваться в обстановке, не сможет управлять в полете сложной космической техникой. Для космонавта должна быть привычной работа в трудных, а порой и в аварийных условиях. Академик напомнил и о том, что первые командиры космических кораблей должны быть универсальными специалистами – ведь на первых порах им придется летать в одиночку.

– Для такого дела, – развивал свою мысль Сергей Павлович, – лучше всего подготовлены летчики. И в первую очередь летчики реактивной истребительной авиации. Летчик-истребитель – это и есть требуемый универсал. Он летает в стратосфере на одноместном скоростном самолете. Он и пилот, и штурман, и связист, и бортиженер. То есть в авиационном смысле «и швец и жнец, и на дуде игрец». Немаловажно и то, что он – кадровый военный, а значит, обладает еще и такими необходимыми для будущего космонавта качествами, как собранность, дисциплинированность и непреклонное стремление к достижению поставленной цели.

Точка зрения Сергея Павловича была поддержана большинством. На том же совещании были намечены главные принципы отбора кандидатов в первую учебную группу космонавтов. Было решено,

что в первую очередь надо брать в расчет идейную убежденность, моральную стойкость, глубокую сознательность, интеллектуальный кругозор и физическую выносливость тех, на кого падет выбор.

Что касается принципов отбора будущих космонавтов, то участники совещания пришли к выводу, что самое верное – воспользоваться опытом врачебно-летних комиссий и авиационных врачей, наблюдающих за состоянием здоровья летчиков. Конкретный план было поручено разработать группе специалистов и медикам. О том, как у них движется дело, им предлагалось регулярно информировать президента Академии наук СССР и Главного конструктора «Востока», то есть Мстислава Всеволодовича Келдыша и Сергея Павловича Королева.

Заседание подходило к концу. Как и большинство его участников, Сергей Павлович был в очень хорошем, приподнятом настроении. Он шутил и, в частности, советовал врачам каждую пробу, предназначенную для будущих космонавтов, предварительно испытывать лично на нем. Его оптимизм и глубокая вера в успех начатого дела были неиссякаемы.

«Стратосфера для вас не предел»

Юрий Гагарин:

– Комиссия оказалась придирчивой. Все было совсем не так, как при наших ежегодных летных осмотрах. К ним авиаторы привыкли и ничего страшного в них не видели. А тут, начиная с первого же специалиста – а им оказался врач-окулист, – я понял, насколько все серьезно. Глаза проверяли очень тщательно. Нужно было иметь «единицу» по зрению, то есть свободно и уверенно прочитать всю таблицу букв и знаков от начала до конца, от крупных до самых мелких. Придирчиво искали скрытое косоглазие, проверяли

ночное зрение, тщательно исследовали глазное яблоко. Пришлось не один, как обычно, а семь раз являться к окулисту, и всякий раз все начиналось сызнова: опять таблицы букв и знаков, проверка цветоощущения; взгляните правым глазом, взгляните левым, посмотрите туда, посмотрите сюда... Одним словом, работал доктор по известной поговорке: «Семь раз отмерь – один раз отрежь». Искал он, искал, но ни сучка ни задоринки в моих глазах не нашел.

Проводилась проверка способности работать в усложненных условиях. Предлагалось производить арифметические действия с цифрами, которые вначале нужно было найти в специальной таблице. При этом учитывались и скорость работы, и правильность ответов. На первый взгляд решение задачи было простым. Но неожиданно включался репродуктор, из которого монотонный голос подсказывал решение. Однако вместо помощи голос сильно мешал сосредоточиться. Внимание начинало рассеиваться, и требовалось заставить себя продолжать работу, не обращая внимания на «услужливого друга». Было трудно. Впрочем, это были только цветочки – ягодки были впереди.

Врачей было много, и каждый строг, как прокурор. Приговоры обжалованию не подлежали – кандидаты в космонавты вылетали с комиссии со страшной силой. Браковали терапевты и невропатологи, хирурги и ларингологи. Нас обмеряли вкривь и вкось, выстукивали на всем теле «азбуку Морзе», крутили на специальных приборах, проверяя вестибулярные аппараты... Главным предметом исследования были наши сердца. По ним медики прочитывали всю биографию каждого. И ничего нельзя было утаить. Сложная аппаратура находила все, даже минимальные, изъяны в нашем здоровье.

Руководил комиссией опытный авиационный врач Евгений Анатольевич – человек большой эрудиции. Красивый, синеглазый, остроумный, он сразу расположил к себе нашу группу, и даже те, кто уже отчислялся по состоянию здоровья, уезжали с хорошим чувством к нему.

– На медицину не сердитесь, ребята, – провожая их, шутил он. – Продолжайте летать, но не выше стратосферы.

Отсев был большой. Из десяти человек оставляли одного. Но и он не был уверен, что его не спишет следующая комиссия, которую каждому сулил на прощание Евгений Анатольевич. Готовиться к такой комиссии он советовал и мне.

Первый этап был пройден, и у меня появилась надежда. Я вернулся в полк, и потянулись дни ожидания... И когда я совсем отчаялся, когда, казалось, уже не осталось никаких надежд, пришла бумага: меня снова вызывали на комиссию. Я поехал и опять не сказал Вале, куда и зачем меня вызвали.

Все повторилось сначала. Но требовательность врачей возросла вдвое. Все анализы оказались хорошими, ничего в моем организме не изменилось. Евгений Анатольевич был доволен.

– Стратосфера для вас не предел, – обнадежил он.

Это были самые приятные слова, слышанные мной когда-либо.

Клинические и психологические обследования, начатые первой комиссией, продолжались. Помимо состояния здоровья, врачи искали в каждом скрытую недостаточность или пониженную устойчивость организма к факторам, характерным для космического полета, оценивали полученные реакции при действиях этих факторов. Обследовали при помощи новейших биохимических, физиологических, электрофизиологических и психоло-

гических методов и специальных функциональных проб. Нас выдерживали в барокамере при различных степенях разреженности воздуха, крутили на центрифуге, похожей на карусель. Врачи выявляли, какая у нас память, сообразительность, сколь легко переключается внимание, какова способность к быстрым, точным, собранным движениям.

При отборе интересовались биографией, семьей, товарищами, общественной деятельностью. Оценивали не только здоровье, но и культурные и социальные интересы, эмоциональную стабильность.

Для полета в космос искали горячие сердца, быстрый ум, крепкие нервы, негибаемую волю, стойкость духа, бодрость, жизнерадостность. Хотели, чтобы будущий космонавт мог ориентироваться и не теряться в сложной обстановке полета, мгновенно откликаться на ее изменения и принимать во всех случаях только самые верные решения. Все это заняло несколько недель. Вновь отсеялось немало ребят, Я остался в числе отобранных летчиков – кандидатов в космонавты.

Борис Олесюк, военный летчик:

– В тот январь 1960 года в авиационном госпитале, где обычно проходили медицинскую комиссию летчики строевых частей, было многолюдно. И, видимо, поэтому как-то выделялась группа молодых пилотов, к которым медики слишком уж «придирались». Да и сами эти молодые крепкие парни держались в первые дни несколько обособленно, вели себя подчеркнуто дисциплинированно.

С одним из этих летчиков, Павлом Поповичем, я был знаком: некоторое время мы служили с ним в одном гарнизоне. Неистощимый выдумщик, острый на язык, Павел и в госпитале, как и раньше в части, был в центре внимания. Расскажет какую-нибудь байку и сидит с серьезным, как на занятиях, видом, а вокруг – хохот.

Сначала молодежная, как мы ее называли, группа была сравнительно большой. Но с каждым днем она таяла – сказывался сверхстрогий подход медицинской комиссии к «молодым людям». Как я узнал позже, отбирали ребят для специальной подготовки к полетам в космос.

В числе выдержавших придирчивый экзамен был обаятельный, жизнерадостный и приветливый летчик. Товарищи называли его Юрой, Юриком. Судя по тому, как тепло они к нему относились, чувствовалось, что Юрий – всеобщий любимец.

Зима в том году выдалась суровая и снежная. Как-то во второй половине воскресного дня разгулялся сильный ветер, небо завесило сплошной пеленой. Послеобеденную прогулку, обычную в моем дневном распорядке, пришлось отставить.

Я сидел в палате, читал книгу. Внезапно раздался легкий стук в дверь. Я оторвал глаза от книги и увидел Гагарина, Он улыбнулся, чуть замялся и спросил:

– У вас не найдется сигареты с фильтром?

Я протянул пачку.

Выпуская струйку дыма, Юрий сказал:

– Вообще-то, я не курю. Вернее, бросил... А вот сегодня не выдержал.

Я больше недели не видел его в столовой и спросил, где он пропадал.

– Проходил один любопытный эксперимент, – ответил он.

Понемногу мы разговорились. Гагарин оказался очень интересным собеседником, и мы не заметили, как промелькнул вечер. Попрощались уже после «Последних известий».

На следующий день метель улеглась, и я после обеда вышел прогуляться. На одном из поворотов уходящей в глубь парка аллеи мне повстречался Гагарин.

Поздоровавшись, мы некоторое время шли молча.

– Хорошо бы сейчас пробежаться на лыжах, – вздохнул вдруг Юрий.

– А каким спортом увлекаешься? – поинтересовался я.

– Люблю лыжи, коньки, а летом плавание, баскетбол.

Слово за слово, разговор перешел на космическую тему. Я тогда, по правде сказать, не очень-то верил, что человек скоро полетит в космос, и поделился своими сомнениями с Гагариным.

Юрий сразу стал серьезным.

– Полет в космос – трудное и опасное дело, – сказал он, пристально посмотрев на меня. – Но время такого полета уже на подходе.

Когда мы возвратились с прогулки, Гагарин заспешил к телефону.

– Надо позвонить жене.

Госпиталь мы покидали в один и тот же день. Мне надо было явиться к месту прохождения службы, а Гагарину предоставили пятнадцатидневный отпуск.

– А все-таки очень скоро человек будет в космосе, – сказал он мне на прощание и широко улыбнулся.

Алексей Леонов:

– В палату вошел молодой парень. По внешнему виду примерно мой ровесник. Вошел до того уверенно, словно был он не новичком, а отлучившимся ненадолго старожилом. Протянув мне руку, он по-свойски представился:

– Юра... Гагарин.

Так мы познакомились. А в скором времени и подружился. Быстрому сближению очень способствовало то, что нас направляли на прием к одним и тем же врачам, и мы ходили, как те две подружки из известного стихотворения Агнии Барто. «Мы с Тamarой ходим парой...» – помните?

Гагарин оказался человеком с душой, что называется, нараспашку, и уже через день – другой я узнал всю его подноготную. К нашей обоюдной радости выяснилось, что Юрина и моя биографии очень схожи, что даже летаем на машинах одного типа. Но нашлось и существенное различие: я еще ходил в холостяках, а Юра, как он выразился, был «мужем и папой». Он рассказал мне, что его жену зовут Вале́й и что Валя очень его ждет, что у них с Вале́й есть дочка Леночка, которая тоже его очень ждет, хотя ей всего девять месяцев. – И вообще, – говорил он, – мне нужно поскорее разделаться с комиссией и вернуться домой – там жена, там дочка, там самолеты.

В голосе Гагарина звучала озабоченность, однако кончики губ были у него расположены так, что даже тогда, когда он был совершенно серьезен, все равно создавалось впечатление, что он улыбается.

Я понимал Юрия. Мне тоже до чертиков хотелось летать. Легче заядлому курильщику обойтись без табака, чем классному летчику заглушить неумолчный зов неба.

А медицинские барьеры тем временем было брать все труднее – врачи становились все придирчивее и придирчивее. И тут уж в нас заговорило профессиональное самолюбие: разве может истинный летчик уронить себя в глазах медиков, которые любой ценой хотят заставить тебя совершить вынужденную посадку? Чтобы удержаться на высоте, нужно было, как говорится, пройти огонь, воду и медные трубы.

И мы их прошли. Мы стали кандидатами в космонавты.

Равнение на космос

Юрий Гагарин:

– Мы поселились под Москвой, в месте, которое сейчас принято называть

Звездным городком. Быстро пришлось убедиться: предстоит немало трудиться и учиться. И главное, впереди было не так уж много времени: ученые и конструкторы заканчивали все необходимые приготовления.

Николай Каманин:

– Это сейчас есть в Подмоскowie городок с символическим названием Звездный. А в то время, когда мы начинали, здесь лишь ветер шумел в верхушках берез, елей и сосен. Обычный подмосковный лесной массив: с опушками в цветах, с лосиными тропами и даже с участками садоводов. Расположенный вдали от оживленных магистралей, от промышленных предприятий и городов-спутников столицы, этот участок, наполненный свежим воздухом, запахами леса, светлый и тихий, нам сразу понравился.

Мы – это небольшая группа, которой было поручено выбрать место для основания Звездного – городка космонавтов.

И вот лесная тишь была растревожена тархтением тракторов, рокотом бульдозеров, грохотом бетономешалок. Под сенью вековых сосен стали расти стены будущих зданий – гостиницы, столовой, учебного корпуса.

Энтузиастов создания Звездного городка нашлось предостаточно. Люди шли на новое дело с большим желанием.

Нужно было подумать о том, кто, возглавив группу будущих летчиков-космонавтов, одновременно будет и воспитателем, и экспериментатором. На эту должность предлагалось несколько кандидатур. В конце концов выбор пал на хорошего специалиста в области авиационной медицины Евгения Анатольевича Карпова.

Е.А.Карпов стал одним из самых активных участников подготовки космонавтов к полету.

В марте 1960 года в Звездный прибыла первая группа будущих космонавтов:

Юрий Гагарин

Герман Титов

Андрей Николаев

Павел Попович

Валерий Быковский

Владимир Комаров

Павел Беляев

Алексей Леонов

Борис Волинов

Евгений Хрунов

Георгий Шонин

Виктор Горбатко

Павел Попович:

– В отряд космонавтов мы принесли правила летной службы: взаимное уважение, товарищескую поддержку и выручку. Никто никогда не отказывался от любой работы, и я ни разу не слышал высокомерных фраз вроде: «Мое дело – полеты в космос, а не переноска мебели, посадка деревьев и тому подобное...» А ведь начинали мы именно с таких простых дел.

Я приехал в отряд первым. Никого и ничего не знал. Мне было поручено заниматься устройством прибывающих. Познакомился с комендантом, получил ключи, составил список мебели и с утра до вечера только тем и занимался, что расквартировывал новичков. Приехали Юрий Гагарин, Андрей Николаев, Валерий Быковский, Герман Титов, а следом за ними и другие. Устраивались надолго, удобно. Учитывалось, у кого семья, дети, а кто холостяк. Когда нужно было кого-нибудь перебросить в другой дом, шли все, и за полчаса мебель, домашние вещи целой семьи уже в новой квартире.

На первых порах меня засыпали вопросами «когда? где? кто? куда?». Но чаще всего – «когда начнем?». А я только смеялся да пожимал плечами, потому что знал столько же, сколько новые мои товарищи.

Это они были первыми. Первый отряд кандидатов в космонавты

Мы понимали, что на всех нас лежит необычная, не укладывающаяся с первой минуты в сознании ответственность: кто-то из нас станет первым человеком, который пойдет в космос.

Меня выбрали тогда секретарем партийной организации, а Андрияна Николаева – заместителем. Герман Титов стал комсоргом отряда космонавтов.

В словаре я как-то прочел: «Коллектив – это группа лиц, объединенных общей работой, общими интересами». Для нас слово «коллектив» означало большее. Мы понимали – мало иметь только общую работу. Надо иметь общую цель. А цель нашей работы – благородная и великая. Чтобы достичь ее, надо быть духовно богатым, честным, самоотверженным человеком.

Разумеется, никто не стремится к тому, чтобы индивидуальности шлифовались на одном оселке. Я не люблю муштру и не доверяю людям уж «очень правильным», которые якобы никогда не ошибаются и не сомневаются.

По-разному каждый из нас привыкал к невесомости, по-своему реагировал на перегрузки, термокамеру, на испытание

тишиной. Не сразу – и к каждому своим путем – приходили мастерство, уверенность. Но ведь и сама школа космонавтов родилась не сразу.

Андриян Николаев:

– Вместе с новыми друзьями я начал учиться и тренироваться. Я проникся большим уважением ко всему, что связано со словом «космос», и к своим друзьям-космонавтам.

Особенно по душе мне пришелся улыбчивый, ни при каких передрыгах не терявший хорошего настроения Юрий Гагарин.

Юрий был первым во всем: и в баскетболе, и в терпеливом освоении новых для него наук, и в работе по благоустройству городка, и в острой, но не обидной шутке. Помню, как при первом знакомстве Юрий нагадал мне тоном заправской цыганки:

– Ждет тебя, касатик, дальняя дорога.

Той же фразой я отплатил ему перед самым его стартом. А когда пришел мой черед лететь в космос, Гагарин опять повторил свое «предсказание», но уже без малейшей тени юмора.

Каждый из нас по-разному относился к многочисленным тренажерам и стендам. Я, например, страшно не люблю термокамеру и говорил всем об этом откровенно. Сто потов с тебя сойдет, пока кончится испытание. Но как ни противен был мне этот тренажер, поблажки я себе не давал. Возьму себя в руки, перешагну порог камеры, а когда кончается «сеанс», не срываюсь с места, а тихонько, не торопясь, поднимаюсь, задержусь немного и не спеша выхожу. Так я приучал себя к термокамере.

Как-то зашел разговор о кознях барокамеры. Юрий внес ясность:

– Правильно, барокамера как злая мачеха. Но вы, ребята, плюйте на мачеху. Нечего перед нею шею гнуть. Другое дело – мать. Тут не грешно и на колени опуститься. Но опять-таки без трепета. Надо соображать, шевелить мозгами, а не ушами хлопать. У меня, к примеру, был такой случай...

И пошел рассказ о том, как он, Юрий, столкнулся в обычном полете на обычном истребителе с необычной трудностью. Столкнулся только потому, что посчитал ее преодолимой. Другими словами, не сумел трезво оценить ситуацию.

– Короче говоря, – закончил Юрий, – не снял шапки перед «матерью» – реальной обстановкой – и чуть было головы не лишился. Благо, вовремя спохватился и успел поправить дело.

Борис Волинов:

– Весной 1960 года мы, молодые летчики-истребители, приехали в Москву, чтобы начать подготовку к полетам в космос.

Первое время жили на Ленинском проспекте, на том самом проспекте, где год спустя ликующая столица встречала первого космонавта. Женатым – Гагарину и Поповичу – предоставили квартиры, а нас, холостяков, поместили в общежитие.

По утрам подъезжал автобус, и мы отправлялись в научные учреждения слушать лекции по медицине, биологии, астрономии. Евгений Анатольевич Карпов, участник подготовки космонавтов, знакомил нас с программой занятий, представлял руководителям летной и парашютной подготовки.

О разном думалось во время разъездов по московским улицам – каждому о своем. Нашлись среди нас и такие, кто после размышлений и колебаний решил вернуться в часть.

Юрий неизменно был весел, разговорчив. Невольно складывалось впечатление, что для себя он давно все взвесил и обдумал. В автобусе Гагарин обычно пикировался с Леоновым, который был тогда в нашей группе младшим по званию, поддразнивал холостяков, отпускал остроумные реплики по адресу встречавшихся по дороге модниц.

Теперь-то я понимаю, что он в силу своего характера старался взбодрить нас, отвлечь от размышлений о трудностях. На наши сетования, что, мол, в летном полку было легче и проще, он отвечал уверенным тоном: «Так и должно быть». Как-то незаметно он втянул нас в соревнование и ревниво следил, как у кого идут дела. Если чувствовал, что кто-то начинает его обходить, быстро нагонял конкурента.

К занятиям и тренировкам относился Юрий очень серьезно. Конспекты он составлял – любо-дорого посмотреть, а достоверности его можно было только позавидовать. В каждой проблеме он подмечал такие тонкости, о существовании которых мы зачастую даже и не подозревали. Десятки его «как?» и «почему?» открывали нам глаза на многие хитрости ракетно-космической техники. Он легко впитывал новое, а самые сложные вещи схватывал на лету.

А как он преображался во время спортивных игр! Баскетболу, волейболу он отдавался без остатка, всею душой. Глядя на его мальчишескую самозабвенность, трудно было представить, что какой-то час назад он сдавал зачет, разбирал сложный вопрос, распутывал каверзную задачу.

Алексей Леонов:

– Сурдокамера, центрифуга, барокамера, прыжки с парашютом, тренировочные стенды – все было обязательным и одинаково важным для нас. Мы не знали, кто полетит первым, кто вторым, кто третьим, и все работали дружно, настойчиво, серьезно.

Надо сказать, что ребята в отряде подобрались замечательные. Я не помню случая, чтобы кто-нибудь нагрубил товарищу, чтобы кто-то кого-то обидел. А ведь нам приходилось решать и спорные вопросы, требующие нелицеприятного обсуждения. Однако наши споры были не из числа тех, что кончаются разладами и склоками. В наших рождалась истина.

Следуя поговорке «Дружно не грузно, а врозь – хоть брось», мы равнялись друг по другу и все полезные идеи складывали, как говорится, в коллективную копилку. Как-то раз Юра принес из библиотеки томик Циолковского. И вот уже все с увлечением читают словно бы адресованные непосредственно нам произведения провидца из Калуги. В другой раз зашла речь о том, что Владимиру Комарову и Павлу Беляеву легче дается теория, кроме всего прочего, еще и потому, что за плечами у них высшее образование, без которого, если прямо смотреть правде в глаза, в космонавтике делать нечего. И мы сдаем вступительные экзамены в Военно-воздушную академию имени Жуковского.

Павел Беляев:

– Мне посчастливилось быть первым

командиром отряда космонавтов. Но я был также и первым кандидатом на то, чтобы покинуть отряд, так и не побывав в космосе. А произошло вот что.

Мне нужно было совершить затяжной прыжок с высоты 1600 метров. И все бы завершилось благополучно, не ударь меня о землю внезапно налетевшим сильным порывом ветра. В результате двойной перелом ноги и, разумеется, госпиталь.

Врачи настаивали на операции. Но я понимал, что после нее я могу навсегда распрощаться с отрядом, а потому решительно протестовал. Товарищи поддержали меня, и врачи вынуждены были отступить перед нашим дружным натиском.

– Что ж, попробуем обойтись без хирургического вмешательства, – сдался профессор, – но вам придется сорок дней вылежать с подвешенной ногой, на которую будет наложен гипс. А там посмотрим...

Как ни мучителен был «пассивный» метод лечения, я добросовестно отлежал назначенный мне срок. Однако, когда врачи сняли гипс, выяснилось, что сросшаяся нога чуть длиннее здоровой. Разница была почти незаметной. Для простых смертных. Но не для врачей.

– Хочешь не хочешь, придется оперировать, – вернулся к первоначальной идее профессор. – Хотя, – обнадежил он меня, подумав, – есть еще один выход.

Этим выходом были специальные физические упражнения. Болезненные, бесконечно долгие. В течение двадцати дней по нескольку часов стоял я на больной ноге с двумя двадцатикилограммовыми гантелями в руках. Больно? Адски. Трудно? Неимоверно. Но ведь трудности существуют для чего? Словом, нога укоротилась до нормального размера.

Казалось бы, что и требовалось доказать. Однако врачи, командование и тре-

неры опасались еще одного последствия моего неудачного прыжка – психологической травмы. Они высказывали опасение, что я если и решусь снова прыгнуть с парашютом, то все равно инстинктивно буду «подбирать» ноги в момент приземления. Рассеивать это сомнение мы отравились вместе с Юрием Гагариным, который вселял в меня уверенность и доказывал всем и каждому, что я обязательно прыгну нормально. И я действительно приземлился по всем правилам.

Валерий Быковский:

– Если через много-много лет меня спросят, с чего для нас, космонавтов, началась эра завоевания космоса, я отвечу: «С утренней зарядки». А если спросят, что лучше всего помогало справляться с трудностями, отвечу: «Дружба и товарищество».

У здоровых, нормальных людей, занятых полезным делом, видящих большую цель впереди, всегда нормальные, дружественные, откровенные отношения. Так и у нас. Конечно, у каждого свои склонности, свои характерные черты, как говорят, свой жизненный почерк. Мне нравилось в друзьях многое. Мне нравились задор и трудолюбие Гагарина. Мне нравились в Титове разносторонность интересов, увлеченность делом, которым он в данный момент занят. Мне нравился оптимизм Поповича. Мне нравились в Николаеве его серьезность, деловитость, обстоятельность и, я бы сказал, мудрость.

Мы хорошо понимали, что нас ждут не увеселительные межзвездные прогулки, а работа, которая потребует от каждого большого напряжения духовных и физических сил. И, отдавая себе в этом отчет, мы, пусть пока теоретически, упорно готовились к штурму космоса.

Герман Титов:

– Если бы Центр подготовки космонавтов назвали школой Циолковского, то

в этом не было бы ни ошибки, ни преувеличения. Гениальный ученый не только обосновал теорию космонавтики. Он сумел довольно четко представить себе, какую физическую нагрузку испытает космонавт и какие ощущения ждут его во время космического полета. Эксперименты советских ученых подтвердили прогнозы Циолковского. При взлете ракеты ее корпус может вибрировать, а значит, будет вибрировать и космический корабль. Не уйдешь пока и от перегрузки при взлете и посадке. Мы должны были уметь пользоваться парашютом как одним из средств приземления и уметь, если понадобится, прибегнуть к катапульте. Кроме того, мы готовились к любым осложнениям, которые могут возникнуть при аварийной посадке.

Космонавт должен быть готов к любой неожиданности: переносить внезапные изменения температуры, суметь точно сориентировать корабль, а в случае необходимости прибегнуть к ручному управлению. Пользоваться аварийными средствами надо было уметь отлично. Ведь в космос собирались лететь не просто Гагарин, Титов, Николаев. Мы были посланцами своего народа, и, какими бы отчаянными смельчаками мы ни были, наши жизни принадлежали не только нам. Нас ждали не только близкие. Мы должны были принести ученым обстоятельные доклады. Так мы понимали свою задачу.

Вот почему мы без всяких возражений проходили одно испытание за другим, а врачи давали нам зачастую нагрузки, которые были значительно большими, чем те, что ожидалось в полете. И в этих условиях я обратил внимание на одну из самых, пожалуй, характерных черт Гагарина – на его постоянную готовность к самым трудным испытаниям. Касалось ли это упражнений в условиях невесомости,

тренировок на центрифуге, длительного пребывания в сурдокамере или парашютных прыжков – всегда он предлагал: «Можно, сначала я?»

Виталий Севастьянов:

– В начале февраля 1960 года была утверждена программа теоретической подготовки первых космонавтов, и в марте начались занятия. Обзорную лекцию по курсу, который довольно условно был назван «Механика космического полета», прочитал один из основоположников советского ракетостроения, сподвижник Ф.А.Цандера и С.П.Королева, Герой Социалистического Труда, профессор М.К.Тихонравов. Следующие занятия вел я. Лекции читались три раза в неделю, а завершена теоретическая программа была в начале июля. Так что за эти несколько месяцев я хорошо познакомился со всеми ребятами.

Но, конечно, особенно памятна первая встреча. В то время отряд располагался еще в Москве, в маленьком двухэтажном желтого цвета здании, в районе нынешней вертолетной станции. После первой лекции мы вышли во двор. Была ранняя весна, но в воздухе уже пахло теплом. Мы стояли на очищенном от снега пятачке асфальта под окнами, и ребята обстреливали меня вопросами.

Прежде всего их интересовала «материальная часть» – конструктивные особенности «Востока», которого они еще и в глаза не видели. Им хотелось знать, есть ли что-нибудь общее между космическим кораблем и современными самолетами, они расспрашивали о системе управления, о системах, обеспечивающих безопасность полета. Словом, вопросы были очень конкретные, и чувствовалось, что я имею дело не с обычным любопытством, а с нетерпеливым желанием как можно скорее и как можно полнее узнать

о загадочном космическом корабле, который этим молодым людям предстояло освоить.

Особенно активными по части вопросов были невысокий, плотно сбитый паренек, русоволосый, с голубыми и очень живыми глазами, светившимися какой-то внутренней душевной улыбкой, и второй – степенный, сдержанный капитан с глубокой задумчивостью в темных глазах. Темноглазого друга называли Володей, голубоглазого – Юрой. Так я познакомился с Владимиром Комаровым и Юрием Гагариным.

За первой встречей последовали новые. И не только служебного плана. Мы выезжали за город на берег какой-нибудь речушки, играли в футбол или волейбол, обедали на свежем воздухе. Отмечали вместе и семейные торжества. А поскольку был я в то время человеком холостым, то обычно не отказывался ни от одного приглашения провести вместе выходной день или встретиться вечером своей компанией.

Чтение лекций продолжалось до конца июня, а 8 июля, как раз в день своего рождения, я принимал у ребят экзамен. Гагарин от имени всего отряда вручил мне букет цветов.

– Решили задобрить экзаменатора, – стараясь казаться серьезным, пошутил он.

Константин Феоктистов:

– Очень часто о Гагарине говорят как о каком-то рубахе-парне. На самом же деле он был не таким простым, как это могло показаться с первого взгляда. Юрий был умным человеком, обладавшим врожденным даром мгновенно оценить ситуацию, выбрать нужную тональность разговора, найти общий язык с любым собеседником. Короче говоря, он умел ладить с людьми. И не потому, что он хотел извлечь для себя какую-то выгоду из этого своего редкостного умения. Просто Гагарину, очевид-

но, было не по душе, когда он чувствовал, что кто-то обойден вниманием.

Вот пример, подтверждающий мою мысль. Он относится к тому времени, когда еще никому не было известно, кто из кандидатов в космонавты полетит первым. Однажды я распространялся на лекции, что они не будущие космонавты, а сапожники, которые ничегошеньки не знают, которым надо учиться и учиться, если они всерьез думают стать настоящими специалистами, что им, по крайней мере, надо получить инженерное образование.

Через несколько дней, в перерыве между лекциями, подходит ко мне Гагарин:

– Правильно вы говорили насчет того, что мы сапожники. Посоветуйте, в какой вуз мне поступить: в МАИ, в МВТУ или в академию имени Жуковского?

Я, как теленок, ужасно обрадовался и начал его агитировать за свое родное МВТУ. Гагарин поддакивал. А потом, задним числом, я узнал, что в то самое время, когда он со мною советовался, в отряде было уже решено, где им получать высшее образование. Гагарин, как и остальные ребята, поступил в «Жуковку».

Спросите, зачем же ему нужно было морочить мне голову? Я думаю, он просто хотел дать мне понять, что мои призывы не канули в безвоздушное пространство, что я имею дело с людьми, которые серьезно относятся к своей будущей профессии, которые с вниманием отнеслись к моему совету.

Н.Никитин, мастер спорта:

– В марте 1960 года я был назначен к будущим космонавтам главным тренером парашютной подготовки. Задача передо мною была поставлена трудная:

– Времени в обрез. Вам дается месяц. За этот срок ваши подопечные должны стать не просто парашютистами, а инструкторами парашютной службы.

«Инструктор – это по меньшей мере четыре – пять десятков прыжков, чисто сработанных, различных по сложности, в том числе затяжных и со спуском на воду, – подумал я. – Месяца может не хватить...»

Но мои ученики были летчиками, а следовательно, худо-бедно имели хотя бы общее представление о том, как надо дергать за кольцо, – это облегчало задачу.

13 апреля 1960 года мы вылетели в Поволжье, и начались каждодневные – с утра до вечера – занятия по такой напряженной программе, которая была под силу только очень выносливым людям. Достаточно сказать, что уже на четвертый день мы принялись за отработку затяжных прыжков. Все парни из отряда осваивали новое для них дело с одинаковой настойчивостью и с похвальным прилежанием. Я не могу похвастаться тем, что проявил прозорливость и угадал в Гагарине человека, которому предназначено первым вырваться в космос.

Только после 12 апреля 1961 года, сблизившись с Юрием и не раз потолковав с ним по душам, я понял, что спорт он любит с юношеской самозабвенностью, что наши «парашютные гонки» были для него не утомительной, но обязательной программой, которую хочешь не хочешь надо освоить, а приобщением к неведомому для него ранее способу проверить силу своего духа, и он досадовал, что не имеет возможности заняться парашютным спортом всерьез.

Гагарин, как и всякий всесторонне развитый человек, со страстью отдавался многим видам спорта, и прежде всего тем, которые как раз и делают человека всесторонне развитым. Лучшее об этом сказал он сам:

«Без надежной спортивной закалки, полученной с детства, из меня не вышло

бы летчика-истребителя и тем более космонавта... Как бывший капитан баскетбольной команды, позволю себе настоятельно рекомендовать этот вид спорта. Почему именно баскетбол является моим излюбленным видом спорта? Эта игра очень динамичная, она воспитывает чувство локтя, товарищества. Игра, как вы знаете, ведется в высоком темпе. Поэтому спортсмен-баскетболист, регулярно проводящий тренировки, приобретает глубокое, надежное, ритмичное дыхание, выносливое «спортивное» сердце. Такое сердце перенесет высокие нагрузки и на земле, и в космосе. Разумеется, одного баскетбола и других спортивных игр мало. Летом наиболее массовым, наиболее доступным и, я бы сказал, наиболее надежным способом закалки является легкая атлетика во всех ее разновидностях. Бег, прыжки, метание вырабатывают глазомер, быстроту реакции. Зимой незаменимы лыжные тренировки...»

Этот гагаринский перечень незаменимых видов спорта можно бы продолжать и продолжать. Ведь он увлекался и водными лыжами, и аквалангом, и мотогонками. Очень большое значение придавал Гагарин спорту, но он постоянно возвращался к одной и той же мысли: спорт нужен для жизни, но посвятить самую жизнь только спорту – это слишком дорогое удовольствие. Вот о чем не надо забывать.

Е.А. Карпов:

– Будущие космонавты целеустремленно и последовательно, шаг за шагом, осваивали учебно-тренировочную программу, которая была приведена в соответствие с возможностями корабля-спутника «Восток» и тесно увязана с первым полетным заданием. Летчики знакомились с конструкцией «Востока», изучали устройство и принципы действия многочисленных бортовых систем, начали они

разбираться и в сложной по своей структуре, разветвленной сети пунктов наземного руководства космическими полетами. Будущие космонавты сами убедились, что все исследования и испытания, предваряющие старт «Востока», проводились основательно и с размахом.

Постепенно для них становилось понятным, что запуски спутников-автоматов, полеты космических кораблей с животными на борту, лабораторные эксперименты и многое другое являются как бы звеньями одной цепи, что каждое такое звено занимает конкретное, строго определенное место в разработанной учеными программе космических исследований. Будущие космонавты уяснили себе, что самой главной задачей, которую им предстоит решать, будет проверка и оценка возможностей человека вести полезную работу в космосе.

Встреча с «Востоком»

Юрий Гагарин:

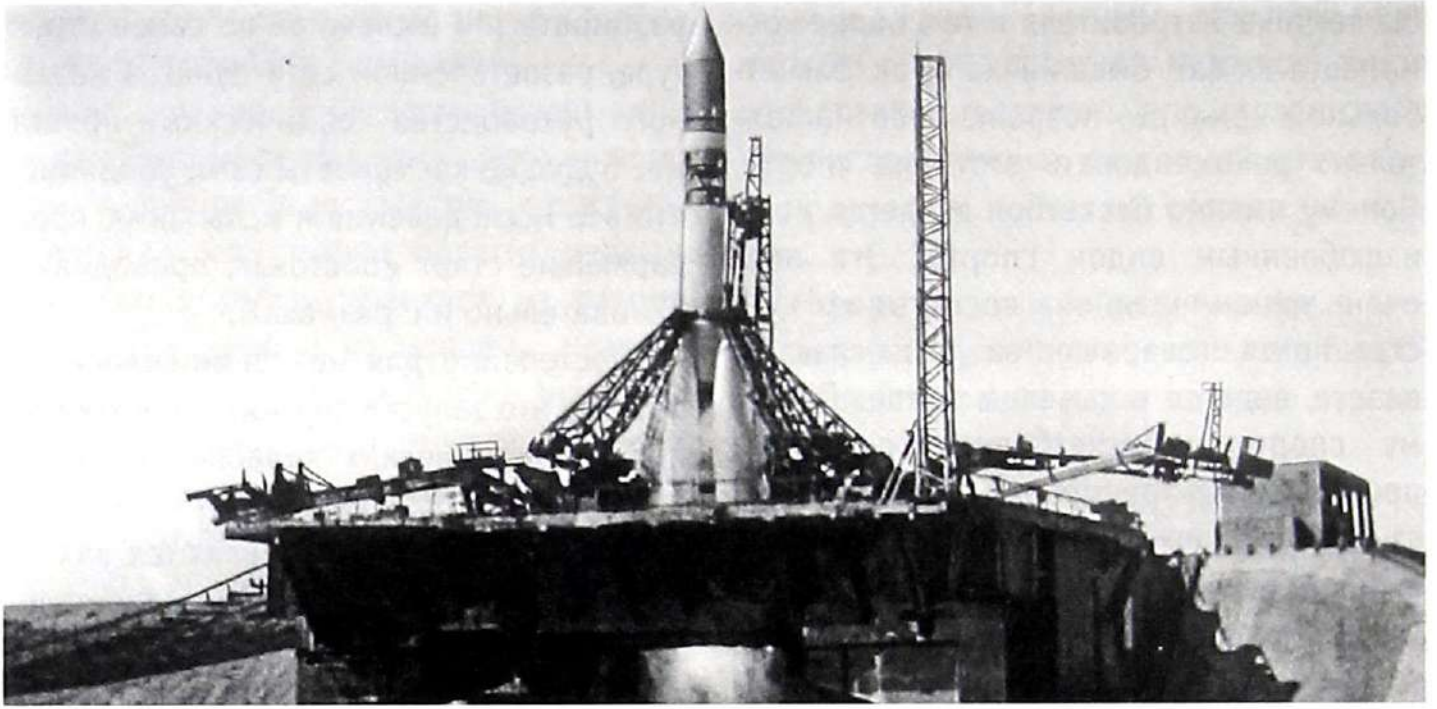
– Его я впервые увидел летом 1960 г., за девять месяцев до старта. Будущий «Восток» всем понравился. Тогда же мы узнали, что оболочка корабля нагревается при входе в плотные слои атмосферы до нескольких тысяч градусов...

– Гагарину хорошо – он литейщик, привык стоять у раскаленных печей, – шутил кто-то из товарищей.

М.Васильев, профессор:

– Корабль «Восток» создавался в то время, когда человечество делало самые первые шаги в космосе. Были приняты все меры к тому, чтобы и сам космический корабль, и все его системы были максимально надежными, чтобы обеспечивалась безопасность космонавта на различных участках полета.

Решение новых технических проблем, создание необычной аппаратуры, органи-

Космический корабль «Восток» на старте

зация огромного комплекса, обеспечивающего полет, – все это потребовало участия многих крупнейших специалистов в различных областях науки и техники. К работе были привлечены десятки научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, промышленных предприятий. Координацию работ осуществляла группа крупнейших ученых, большую роль в которой играл академик Сергей Павлович Королев – видный конструктор ракетно-космических систем, человек, обладавший талантом ученого и инженера, огромными знаниями и незаурядными организаторскими способностями.

Корабль «Восток», если оценивать его конструкцию с позиций сегодняшнего дня, был устроен сравнительно просто. Однако это кажущаяся простота. При его создании родилось немало технически новых, оригинальных решений, которые были использованы при конструировании пилотируемых кораблей, пришедших на смену «Востоку».

Е. А. Карпов:

– Мы поднялись на второй этаж и оказались в большом и светлом кабинете.

В ожидании Сергея Павловича озираемся по сторонам: вот он, храм ракетостроения! Длинный стол, затянутый сукном светло-шоколадного цвета. По обеим сторонам стола – полумягкие стулья. В простенке между окнами – диван и два кресла. Над диваном, в рамках, указы о награждении предприятия высшими орденами страны. Противоположная стена скрыта под сплошной, присобранной волнами занавеской.

В одном углу кабинета – огромный глобус на подставке с колесиками, в другом – веерная пальма в деревянной кадке.

Возле дальнего окна – небольшой рабочий стол. Рядом с ним – компактный пульт с несколькими телефонными аппаратами, множеством кнопок и тумблеров.

Над столом – портрет Циолковского. Под потолком – строгого стиля люстры, а на стенах – бра. Того же, строгого стиля. Во всем убранстве преобладают бежево-коричневые тона. Они придают кабинету особую сдержанность и простоту.

Точно в назначенное время из соседней комнаты вышел Сергей Павлович. На нем был темно-серый костюм и шерстяная трикотажная рубашка. Тоже темно-серая.

Со свойственной ему манерой, я бы сказал, немного по-медвежьи, Королев подавал гостям руку, и рукопожатие его было весьма ощутимым. Молодые офицеры представлялись ему поочередно. Всматриваясь в лицо каждого, Сергей Павлович повторял вслух его фамилию, имя и отчество и добавлял: «Очень рад. Будем знакомы. Королев».

Затем Сергей Павлович представил гостям своих ближайших помощников и пригласил всех к столу.

– Сегодня знаменательный день, – обратился Сергей Павлович к будущим космонавтам. – Вы прибыли к нам, чтобы своими глазами увидеть пилотируемый космический корабль, а мы впервые принимаем у себя главных испытателей нашей продукции. Но, прежде чем я покажу вам корабль, давайте помечтаем вслух. Скоро вы сами почувствуете, как это помогает нашему делу...

Просто и увлекательно рассказывал академик о том, чего ракетостроители уже достигли. А минутой позже его мысли увлекли нас в будущее: вот гигантские ракеты выводят на внеземные орбиты блоки звездолетов, которые в заоблачных высотах в зависимости от решаемой задачи то превращаются в орбитальные станции, то со второй космической скоростью наподобие комет уносятся к планетам солнечной системы. На звездолетах созданы все условия для жизни и работы большого числа людей, которым основоположник теории межпланетных сообщений Константин Эдуардович Циолковский завещал «завоевать Вселенную для блага человечества, завоевать пространство и энергию, испускаемую Солнцем».

– Ну а пока, – вернул нас с неба на землю Сергей Павлович, – все будет очень скромно: полетит только один человек, и только на трехсоткилометровую

орбиту, и только с первой космической скоростью, то есть всего лишь в восемь раз быстрее пули. Зато полетит кто-то из вас. – Сергей Павлович обвел глазами присутствующих и после короткой паузы закончил: – Первым может стать любой...

Беседа окончена. Знакомство состоялось. Сергей Павлович приглашает нас в цех. В громадном зале, который одновременно напоминает и операционную и оранжерею, возле серебристо-белых шаров диаметром в два с половиной метра хлопчут люди в белых халатах. Люди и внутри этих огромных шаров. Шары двумя длинными рядами тянутся вдоль цеха. А в центральных и боковых проходах цветы.

– Как видите, не боги горшки лепят, – улыбнулся Главный конструктор. – Не боги их и обжигать будут, – кивнул он в сторону притихших летчиков. – А теперь смотрите хорошенько. Вам на этой технике летать, – подбодрил Сергей Павлович будущих космонавтов.

Мы сгрудились возле одного из шаров. Руки летчиков сами потянулись к обшивке корабля. В глазах каждого нетрудно было подсмотреть один и тот же вопрос: выдержит ли этот не слишком толстый слой теплоизоляции испытание в условиях реального полета? Ведь при торможении на обшивку врезающегося в атмосферу корабля обрушатся тысячеградусные нагрузки!

– Не беспокойтесь, – усмехнулся стоящий рядом мастер, – все сработано на совесть. В кабине не холодно и не жарко, а в самый раз – двадцать градусов тепла.

Сергей Павлович подал знак диспетчеру, и под стеклянной крышей цеха бесшумно заскользила кран-балка. Через несколько минут в кабину космического корабля было опущено пилотское кресло.

Валерий Быковский:

– Главный конструктор улыбнулся:

– Думаю, желающие посидеть найдутся?

Мы переглянулись. Никто не решался первым подняться в кабину и сесть в настоящее кресло настоящего космического корабля. Молчание прервал Гагарин.

– Разрешите? – обернулся он к Сергею Павловичу и, почему-то сняв ботинки, оставшись в одних носках, первым забрался в кабину. «Так вот разуваяются, входя в дом, в русских деревнях», – подумалось мне.

Е. Васильев, инженер:

– Главный подтолкнул меня локтем и чуть слышно шепнул:

– Вот этот, пожалуй, пойдет первым и в полет...

Я пристально взгляделся в молодого летчика, которому до этой минуты уделял ровно столько же внимания, сколько и остальным. А Гагарин молча сидел в кресле, не подозревая, что сказал мне Сергей Павлович Королев – человек, никогда не бросавший слов на ветер.

Алексей Леонов:

– Я почувствовал, что Главный хотя и держится со всеми вроде бы одинаково к Гагарину присматривается внимательнее, чем к нам.

– Ну, Юра, по-моему, выбор пал на тебя! – порадовал я Гагарина, когда мы возвращались в Звездный.

Он отшутился. Но время подтвердило правильность моей догадки.

«Хотелось ходить с обнаженной головой»

Юрий Гагарин:

– В воздухе чувствовалось дыхание весны. И у нас в семье царило весеннее настроение: родилась вторая дочка, и мы дали ей весеннее имя – Галочка... Но с маленькой мне понянчиться не пришлось – надо было ехать на космодром. Там го-

товился к последнему контрольному запуску наш космический корабль с подопытными животными и манекеном на пилотском кресле.

Е. А. Карпов:

– Программа запусков, предварявших старт корабля с человеком на борту, выполнялась без сучка без задоринки. И вдруг в декабре 1960 года, когда на орбиту был выведен очередной обитаемый корабль-спутник с Пчелкой и Мушкой, случилось непредвиденное: снижаясь по очень крутой траектории, при входе в плотные слои атмосферы аппарат прекратил свое существование. Это прискорбное известие всех нас очень огорчило, потому что сгоревший спутник был из серии запускавшихся на ту самую космическую орбиту, которая подготавливалась для полета человека.

На душе у Сергея Павловича было тяжело. Понимая его состояние, космонавты решили навестить Главного конструктора. Они просили его не огорчаться: ведь даже с хорошо освоенными самолетами случаются иногда ЧП. Ну а что касается четвероногих космонавтов, так, мол, дворняжка – она и в космосе дворняжка. С человеком бы такого не стряслось.

– Откажут автоматы, – говорил Гагарин, – перейдем на ручное управление.

– Спасибо вам, – ответил Сергей Павлович и, помолчав, добавил: – Не столько за моральную поддержку, сколько за преданность нашему общему делу, за веру в успех.

9 марта 1961 года для проверки надежности конструкции космического корабля и всех его систем на орбиту был выведен еще один обитаемый спутник. На нем вместе с собакой Чернушкой в полет отправились морские свинки, мыши и лягушки. Сделав виток вокруг Земли, этот космический зверинец благополучно приземлился в расчетном районе.

Результаты полета убедительно подтвердили надежность как ракетно-космического комплекса, так и систем управления посадкой. Самые нетерпеливые – летчики из Центра подготовки космонавтов, а также ученые и инженеры из тех, кто помоложе, начали настаивать: пора запускать в космос человека. Однако более опытные специалисты и прежде всего члены Государственной комиссии оставались непреклонными: они считали, что нужно провести еще один – «чистовой» – запуск корабля-спутника. В числе самых неуступчивых были академики Мстислав Всеволодович Келдыш и Сергей Павлович Королев.

За ними было последнее слово, и оно было произнесено: прежде чем в космос отправится человек, надо провести последний пристрелочный запуск, в котором должны участвовать и будущие космонавты. Космодром произвел на летчиков огромное впечатление. «Хотелось ходить с обнаженной головой», – напишет позднее Гагарин.

И это соответствовало действительности. С восторгом рассматривали летчики гигантский стартовый стол. Над ним – устремившиеся на десятки метров в небо ажурные фермы. Под ним несколько подземных этажей, занятых службами, обеспечивающими пуск.

«Нам показали дворняжку светлой рыжеватой масти с темными пятнами. Я взял ее на руки. Весила она не больше шести килограммов. Я погладил ее. Собака доверчиво лизнула руку. Она была похожа на нашу домашнюю собачонку в родном селе, с которой частенько играл в детстве.

– Как ее зовут?

Оказалось, что у нее еще нет имени – пока она значилась под каким-то испытательным номером. Посылать в космос пассажира без имени, без паспорта? Где это

видано! И тут нам предложили придумать ей имя. Перебрали добрый десяток популярных собачьих кличек. Но все они как-то не подходили к этой удивительно милой рыжеватенькой собачонке. Тут меня позвали, я опустил ее на землю сказал:

– Ну, счастливого пути, Звездочка.

И все присутствующие согласились: быть ей Звездочкой».

К этому рассказанному Гагариным эпизоду следует добавить, что вместе со Звездочкой в космический полет отправлялся «Иван Иванович» – манекен, имитировавший космонавта. Манекен этот умел петь. И даже не на один, а на несколько голосов: он исполнял песню из репертуара хора имени Пятницкого.

Старт ракеты, унесшей в космос «Ивана Ивановича» и Звездочку, прошел успешно.

Потрясенные невиданным зрелищем, ошеломленные шквалом огня и оглушенные грохотом, будущие космонавты восторженно обменивались впечатлениями.

Незаметно подошел Сергей Павлович.

– Ну как запуск? – с лукавой усмешкой спросил он. И тут же, как бы подсказывая ответ, добавил: – Первый сорт?

Позже мы узнали, что именно так он произносил слово «первый», когда был очень доволен.

Молодые офицеры возбужденно, наперебой превозносили до небес ракету.

– Совсем скоро, друзья, мы вот так же будем провожать в космос одного из вас, – покачивая головой, сказал Сергей Павлович. И обнадежил: – Не беспокойтесь, дела хватит всем. Полеты только начинаются, и все вы будете первыми, каждый в чем-то принципиально новом, в своем.

В. Павлов, профессор:

– Первому полету человека в космос предшествовали многочисленные эксперименты на Земле с имитацией тех усло-

вий космического пространства, о которых было уже известно.

Два последних пуска кораблей-спутников проводились по штатной программе – полет по орбите протяженностью в один виток и затем приземление. Было сделано все для того, чтобы первый посланец Земли мог совершить благополучный полет и столь же благополучно вернуться на Землю. От успеха этого небывалого эксперимента зависело очень многое, в частности, ответ на вопросы: может ли человек летать и работать в космосе, в условиях невесомости, не скажутся ли на человеческом организме последствия такого полета?

Для того чтобы первый космонавт смог как можно полнее ответить на эти и множество других вопросов, чтобы уже первый полет был исследовательским, все режимы работы корабля были полностью автоматизированы. Но в случае необходимости космонавт мог воспользоваться ручным управлением.

И все-таки несмотря на то что были приняты все меры предосторожности, несмотря на то, что полет был тщательно подготовлен, оставался какой-то риск...

Валентина Гагарина:

– В Подмоскowie для нас началась новая жизнь. Юра был очень доволен, что в поликлинике Звездного нашлась работа и для меня. По утрам мы выходили из дому втроем. Отводили Леночку в ясли и шли каждый к себе на службу.

Юра приходил домой поздно, часто уезжал в командировки. О своих делах он не очень-то распространялся, а если я проявляла женское любопытство, отшучивался. Так и прошел год. В работе, в тренировках, в домашних заботах.

Из командировок Юра писал не реже, чем раз в неделю. Я нет-нет да и перечи-

тываю его давние письма, в которых что ни строка, то напоминание о Юриной заботливости. «Если тебе нравится платье, купи его. Вернусь домой – рассчитаемся с долгом...» «Больше учи Ленку быть самостоятельной». «К одному из наших товарищей приехала жена. Я с Лешкой Леоновым ездил на их встречу. А вообще-то, лучше бы не ездил. Только расстроился, завидуя. Ну ничего, наша встреча будет лучше, правда?» И под каждым письмом неизменное: «Ваш папа и Юра».

Пришла весна 1961 года. 7 марта родилась Галочка. В родильный дом меня отвез Юра, а возвращалась я с дочкой без него. Меня встретили Анна Тимофеевна и Светлана Леонова. Юра снова был в командировке. А когда прилетел, весь так и светился от радости. Я догадалась, что радуется ему не только встреча с нами, но и нечто другое.

«Вот вам мое сердце...»

Юрий Гагарин:

– Приближалось время старта. Вот-вот нас должны были отправить на космодром Байконур, расположенный восточнее Аральского моря, в широкой, как океан, казахстанской степи. И все же я томился нетерпением, никогда, кажется, ожидание не было так тягостно.

Перед нашим отъездом состоялось напутственное партийное собрание. Все предполагали, что в первый полет назначат меня.

Герман Титов:

– Повестка партийного собрания, состоявшегося перед нашим отбытием на космодром, была лаконичной: «Как я готов выполнить приказ Родины».

Первым выступал Юрий.

– Я рад и горжусь, что попал в число первых космонавтов, – говорил Юрий. – На выполнение предстоящего полета в

космос пойду с чистой душой и большим желанием выполнить это задание как положено коммунисту...

Вслед за Гагариным выступил я.

– Многие мои товарищи могут участвовать в космическом полете, – сказал я – но если партия и правительство доверят совершить его мне, приложу все свое умение, чтобы отлично выполнить почетное задание...

Один за другим поднимались мои товарищи-коммунисты, и каждый давал немногословную клятву с честью выполнить задание, если выбор падет на него. Но общее наше мнение было одно – первым, скорее всего, полетит Гагарин.

Андрян Николаев:

– У Гагарина было столько плюсов и в знаниях, и в закалке, и в складе характера, что мы, его друзья, еще до того, как стало известно решение Государственной комиссии, единодушно прикинули: «Лететь, наверное, Юрию...»

Так мы ему и сказали:

– Убеждены, Юра, что первым полетишь ты. А потому вот тебе наше напутствие: самое трудное быть первым, но мы все крепко в тебя верим и крепко на тебя надеемся. И еще одно: какая бы слава на тебя ни обрушилась, мы надеемся, что ты останешься самим собой, таким же, каким мы знаем тебя сейчас.

Гагарин и думать не хотел, что стартовать первым придется именно ему. Но мы-то в этом не сомневались, и потому настаивали на своем, и требовали от него прямого ответа. Взволнованный, растроганный до глубины души, Юрий обнял за плечи меня и Германа – он сидел между нами – и сказал:

– Ну что вы, ребята... Вот вам мое сердце. Оно всегда останется таким же.

5 апреля 1961 года.

**Самолеты стартуют с
пятиминутным интервалом**

Юрий Гагарин:

– Я шагал по морозной, но уже охваченной предчувствием весны Москве. Тысячи людей шли по улице Горького навстречу мне, обгоняли. И никто из них, конечно, не подозревал, что готовится грандиозное событие, подобного которому еще не знала история. Я постоял у кремлевской стены, еще раз взглянул на Мавзолей Ленина, спустился к Москве-реке. В ту же ночь мы вылетели на Байконур.

Николай Каманин:

– Ночью выпал снег, и за городом растянулся по-настоящему зимний пейзаж. Выходило багровое солнце, все меньше и меньше было в небе облаков, день обещал быть погожим и солнечным.

На аэродроме, готовые к взлету, стояли три Ил-14. Никто не опоздал. В Байконур летели шесть космонавтов, инженеры, врачи, кинооператоры.

Самолеты стартовали с пятиминутным интервалом и ложились на восточный курс. Точно в назначенное время поднялись в воздух и мы. Погода была превосходная, ветер попутный. Самолет шел на Байконур без промежуточной посадки, и в 14.30 по московскому времени мы приземлились на байконурском аэродроме. Солнцем проводила нас столица, солнцем приветствовал Казахстан. Тепло было и от душевной встречи, которую устроили нам Главный конструктор ракетно-космических систем Королев и его помощники.

Сергей Павлович нашел что сказать почти каждому из прибывших. Он шутил, вспоминал, как в Москве обсуждался вопрос о запуске «Востока». Говорил он веселым тоном, но лицо выдавало его большую озабоченность.

Сергей Павлович информировал нас, как идет работа по отлаживанию отдельных систем корабля, высказал пожелание, чтобы космонавты тщательно повторили несколько раз порядок ручного спуска, провели занятия по связи, отшлифовали навыки работы в скафандрах. Потом он ознакомил нас с ориентировочным распорядком работ. Он считал, что 8 апреля ракету можно вывозить на старт, а 10 – 12 апреля – совершить полет.

– Как видите, в вашем распоряжении еще есть время, – закончил Сергей Павлович.

Е. А. Карпов:

– Руководство позаботилось о том, чтобы космопроходцы были размещены со всеми удобствами. Гостиница находилась в уютном двухэтажном доме. Возле гостиницы был небольшой двор, на котором совсем недавно посадили деревья и кусты.

Оставшись со мной наедине, Сергей Павлович попросил оберегать космонавтов со всей медицинской строгостью.

– Не разрешайте слишком усердствовать ни тем, кто учит, ни тем, кто учится, – посоветовал Главный. – Вы, медики, ратуете за то, чтобы в полет летчик уходил в наилучшей форме. Вот и действуйте, пожалуйста, как нужно. – И, перейдя на шуточный тон, добавил: – Благо, теперь здесь царит ваша, медицинская, власть...

Сергей Павлович уведомил меня, что Государственная комиссия согласилась с нашим предложением разместить командира корабля и его дублера на предстартовый день и предстартовую ночь в домике, находящемся неподалеку как от монтажного корпуса, где испытываются ракета-носитель и космический корабль, так и от стартовой площадки, на которую надо будет доставить полностью экипирован-

ных космонавтов. Сергей Павлович попросил меня составить поминутный график занятости командира и его дублера на весь предстартовый период и напомнил мне, что я несу персональную ответственность перед Государственной комиссией за готовность космонавтов к полету и за прибытие их на место старта за два часа до пуска.

Все это было высказано четко, ясно, с большим доверием и уважением, но требовательно.

Николай Каманин:

– Во второй половине дня после занятий космонавты играли в волейбол, играли с увлечением все. Они еще не знали, кто из них полетит. А меня неотступно преследовала одна и та же мысль: кто же – Гагарин или Титов?

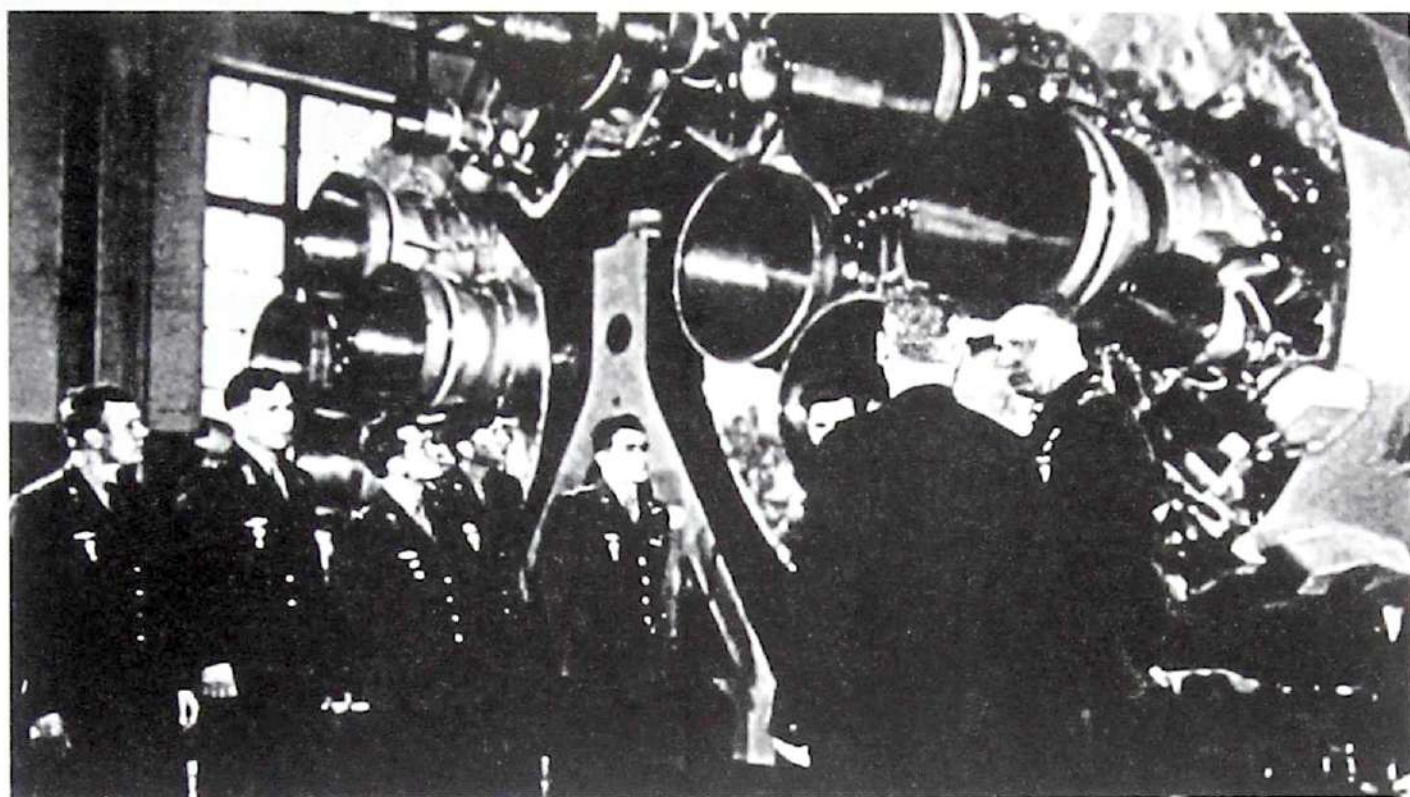
На ком остановить выбор? И тот и другой – отличные кандидаты. Тренеры, инструкторы, врачи высказались так, словно в полет надо посылать не одного, а двух космонавтов.

Вспомнились такие штрихи. Космонавты тренируются. Вот один из них работает в скафандре, делает корректировку глобуса, ведет связь. Каждое действие отточено, весь он собран, целеустремлен. Молодчина, Титов!

И сразу же другая картина. Летим над районом предполагаемого приземления. Пристально смотрим вниз. Ландшафт не из приятных – большие участки бесснежной смерзшейся комьями земли. Слышу: «Да, здесь можно крепко приложиться». Что это, уж не боязнь ли трудностей? Или разумная осторожность?

Так кому же отдать предпочтение?

А космонавты играли в волейбол, и было им невдомек, какие раздумья одолевали меня.

*Перед запуском Ю.А.Гагарина – 8 апреля 1961 г.
Осмотр ракеты в монтажно-испытательном корпусе (МИК) на полигоне Байконур. Слева: Ю.А.Гагарин и кандидаты в космонавты. Справа: Герой Советского Союза Л.И.Горегляд – генерал-инспектор ВВС по космосу.*

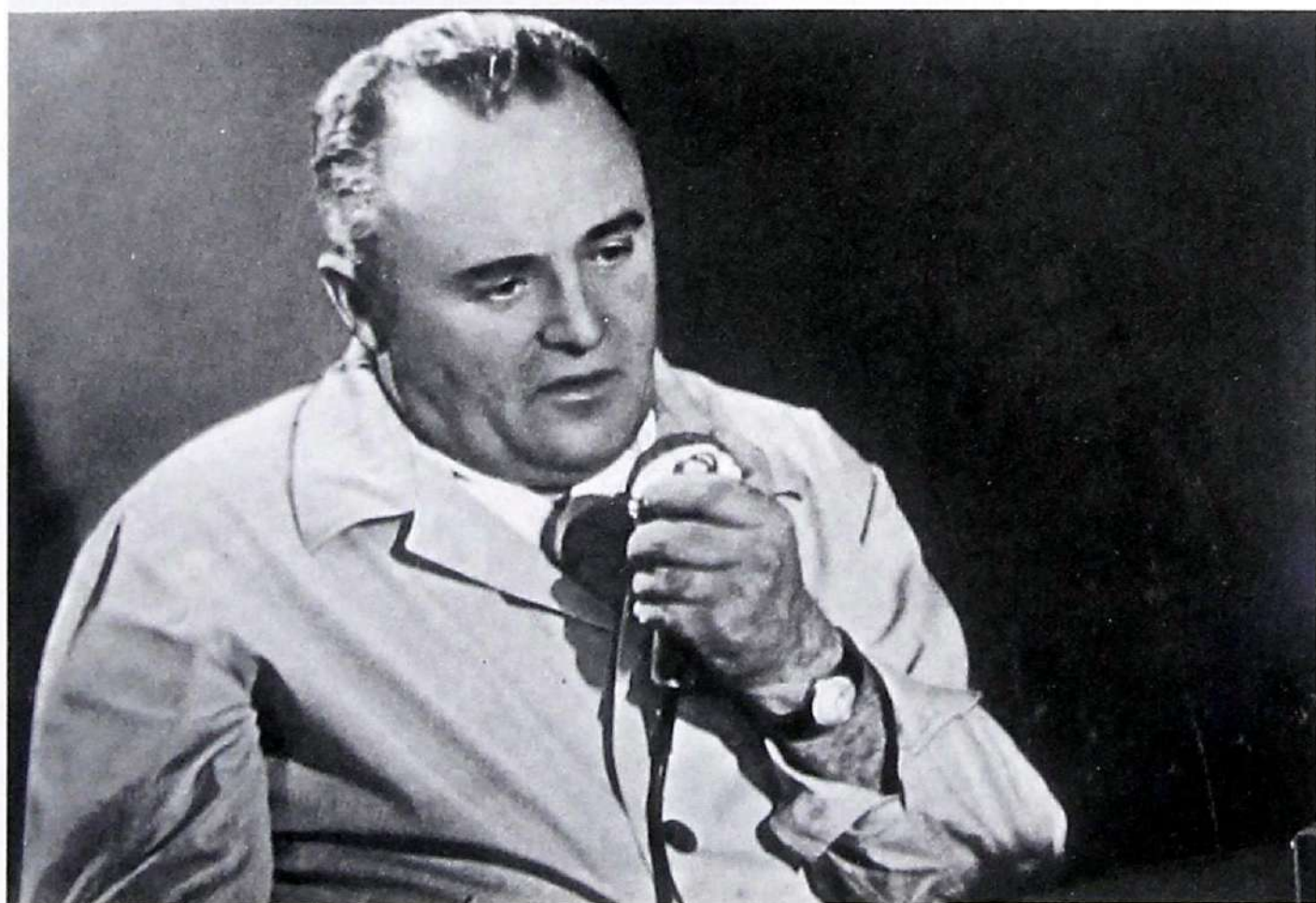
*10 апреля 1961 г. Байконур. Минеральная вода перед полетом.
Справа: Н.П.Каманин, К.С.Москаленко, старший лейтенант Ю.А.Гагарин, начальник полигона полковник А.Г.Захаров.*

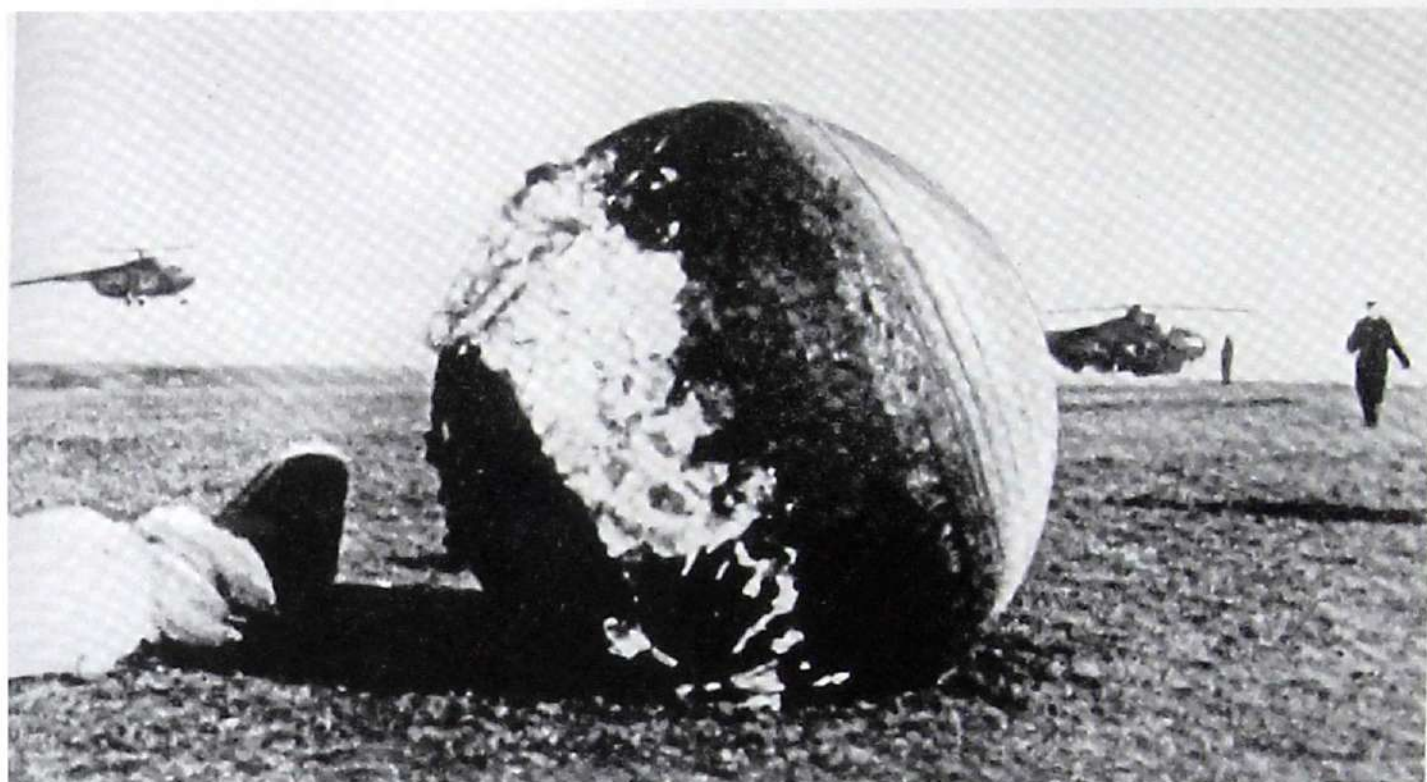
*Перед беседкой на Байконуре накануне старта. Апрель 1961 г.
В.Ф.Быковский (справа), маршал Советского союза К.С.Москаленко,
ст. лейтенант Ю.А.Гагарин, С.П.Королев, капитан П.Р.Попович*

Поцелуй с Гагариным перед его полетом 12 апреля 1961 г.

Последнее напутствие Генерального конструктора

Спускаемый аппарат на саратовской земле. 12 апреля 1961 г.

Доклад о выполнении задания

ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ СЛАВЫ

В половине шестого врач Е. А. Карпов осторожно вошел в комнату к Юрию Гагарину и Герману Титову и совсем легонько потрогал Гагарина.

– Юра, пора вставать, – услышал первый командир корабля.

Он моментально поднялся, встал и Герман, напевая песенку о ландышах.

– Как спалось? – вопросительно произнес доктор.

– Как учили, – ответил Гагарин.

Многие удивлялись тогда: как это два старших лейтенанта могли спокойно спать в последнюю ночь перед стартом? Видимо, это уже профессиональная привычка – обязательно выспаться накануне полета и день начать с физзарядки. Завтрак был необычный – из «туб»: Сначала – мясное пюре, затем – черносмородиновый джем и кофе. Завтракали и шутили:

– Такая пища только для невесомости – на земле с нее можно протянуть ноги.

Очередное, совсем короткое заседание Государственной комиссии в шесть утра. Доклады шли, как правило, в одном предложении: «Все готово, замечаний нет», «Вопросов нет, можно производить запуск».

После заседания подписано полетное задание. Его суть: «Одновитковый полет вокруг Земли на высоте 180 – 230 км продолжительностью 1 час 30 минут с посадкой в заданном районе. Цель полета – проверить возможность пребывания че-

ловека в космосе на специально оборудованном корабле, проверить оборудование корабля в полете, проверить связь корабля с Землей, убедиться в надежности средств приземления космонавта...»

Далее по графику – медицинский осмотр и облачение в космические скафандры. Первым одевали Германа Титова, вторым Юрия Гагарина с тем, чтобы ему поменьше париться – вентиляционное устройство можно было подключить к источнику питания лишь в автобусе.

Когда Гагарин надевал скафандр, работники космодрома обратились к нему за автографами. Гагарин удивился, так как это были его первые в жизни автографы. Гагарин проверил, на месте ли его удостоверение космонавта, потом сели в автобус и поехали к ракетному старту.

Еще из автобуса Гагарин и все остальные увидели корпус ракеты с шестью мощными двигателями, их общая тяга составляла 20 миллионов лошадиных сил. На стартовой площадке были все, кому положено: ракетчики-испытатели, конструкторы, ученые, члены Госкомиссии... С.П.Королев прибыл один из первых, с ним его заместитель по испытаниям Леонид Александрович Воскресенский, затем Мстислав Всеволодович Келдыш и другие.

Первый космонавт Земли, выйдя из автобуса, подошел к председателю Государственной комиссии и четко сделал доклад:

– Летчик старший лейтенант Гагарин к первому полету на космическом корабле «Восток» готов!

– Счастливого пути! Желаем успеха! – произнес председатель и крепко пожал руку Гагарину.

Перед тем как подняться на лифте в кабину космического корабля, Гагарин сделал заявление для печати и радио:

– Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением, и все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты.

Сами понимаете, трудно разобраться в чувствах сейчас, когда очень близко подошел час испытаний, к которому мы готовились долго и страстно. Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории полет. Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой – можно ли мечтать о большем?

Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня. Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос... Назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Эта ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом, перед всем челове-

ством, перед его настоящим и будущим. И если я тем не менее решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что я имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников – советских людей. Я знаю, что соберу свою волю для наилучшего выполнения задания.

Понимая ответственность задачи, я сделаю все, что в моих силах, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа. Счастлив ли я, отправляясь в космический полет? Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях. Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма – общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на земле.

Сейчас до старта остаются считанные минуты. Я говорю вам, дорогие друзья, до свиданья, как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далеких и близких.

До скорой встречи!

Гагарин произнес последние слова своего заявления с поднятой рукой, помахав всем остающимся на старте, всем на Земле. И тут все поняли, что это не тренировка, что это наступил тот заветный и долгожданный час истории, час мировой истории...

Сильно волновались, естественно, те кто стоял у основания ракеты: ее главный конструктор, ученые, десятки и сотни людей самых различных профессий. Все они сдавали ракету в самый строгий ОТК – в космическое пространство, они сдавали ракету с человеком на борту. Он находился в эти минуты на самой вершине гигантской машины и можно было пред-

ставить его маленькое человеческое сердце, которое будет первым и единственным ощущать, испытывать все неведомое доселе, все новое в том мире, который назван космосом. Все провожавшие задавали себе вопрос: а выдержит ли это маленькое сердце тот гигантский экзамен, который устроили для него вся существующая до этого наука, проекты космических кораблей, ракетных изделий, все отрасли промышленности, ее великая кооперация в масштабе всей державы?

Из рассказа Ю. А. Гагарина¹:

– Я вошел в кабину, меня усадили в кресло, бесшумно захлопнули люк. Я остался наедине с приборами, освещенными уже не дневным светом, а искусственным. Мне было слышно все, что делалось за бортом корабля на такой милой, ставшей еще дорожке Земле. Теперь с внешним миром, с руководителями полета, с товарищами-космонавтами я мог поддерживать связь только по радио. Позывной Земли был красивый и звучный – «Заря». Я именовался «Кедром».

Занял место в кабине точно по двухчасовой готовности к старту. На огромном пространстве нашей планеты в ожидании застыли средства наземного командно-измерительного комплекса. В Гвинейском заливе покачиваются на волнах суда телеметрического контроля – их задача следить за работой бортовых систем «Востока». Все подготовлено к предстоящему запуску.

Сергей Павлович Королев – «Железный Король», умеющий держать себя и других в ежовых рукавицах, через каждые 5 – 6 минут подходит к микрофону, чтобы сказать несколько самых, казалось бы, незначительных, но очень нужных слов. Сегодня при прощании со мной

Королев выглядел, надо прямо сказать, плохо – видимо, ночь не спал. Но по голосу этого не скажешь. Спокойно и уверенно беседует он со мной.

Потом голос Каманина. Николай Петрович спрашивает о самочувствии, о выполнении предстартовых операций...

Включил связь с кораблем Павел Попович. Он спрашивает:

– Юра, как дела?

– Как учили, – отвечаю.

Потом Павел дал знать, что объявлена часовая готовность. Я подтвердил: понял и что у меня все нормально – самочувствие хорошее, настроение бодрое.

Это был, пожалуй, один из самых бесконечно длинных часов в моей жизни. Ход времени относителен не только по закону Эйнштейна, но и по закону человеческого сердца. Поповичу почему-то вдруг подумалось, что здесь, в корабле, одиноко и грустно, он спросил:

– Юра, ты не скучаешь там?

– Если есть музыка, можно немножко пустить, – попросил я.

Пошла команда:

– Станция... Дайте Гагарину музыку...

Через минуту Попович спрашивает:

– Ну как, дали музыку?

– Пока нет, но надеюсь, скоро будет.

Сергей Павлович начинает насмешливо комментировать:

– Понятно, это же музыканты: пока туда, пока сюда. Не так-то быстро дело делается, как сказка сказывается, Юрий Алексеевич.

– Дали про любовь, – говорю. – Слушаю Леонида Утесова.

– Про любовь? – рассмеялся Королев. – Это толково, Юрий Алексеевич.

Включилась телевизионная камера в кабине, и на экранах телевизоров побежали кадры с моим изображением. Смотрю прямо в объектив телевизионной камеры, улыбаюсь. Настроение высокое!

¹ Жизнь – прекрасное мгновение.

М.: Молодая гвардия, 1974. С.110 – 119.

Связь с «Зарей» была прекрасная. Павел Попович, так же как и я, старался говорить бодро и непринужденно. Но ведь, если человек следит за тем, чтобы его голос звучал без напряжения, тем самым он выдает свое волнение. Это чувствовалось.

Потом я внезапно услышал, как загремели ключи о крышку люка. «Что случилось?» – удивился я. И тут же раздался голос Сергея Павловича:

– Юрий Алексеевич, вы не волнуйтесь, пожалуйста. У нас один контактик не работает. Мы сейчас его исправим, и все будет нормально.

Объявлена тридцатиминутная готовность, и те, кто желает видеть весь процесс запуска, слышать сообщения телеметристов, уезжают на командно-измерительный пункт. А я лежу в кресле космонавта, отвечаю на вопросы и стараюсь даже развеселить волнующихся на Земле людей.

У микрофона С. П. Королев:

– «Кедр», объявлена десятиминутная готовность. Как у вас гермошлем, закрыт? Закройте гермошлем.

Я поднял руки к гермошлему и нажал на его защелки. Скафандр автоматически переключился на автономное питание.

– Минутная готовность!

Еще одну минуту можно относительно спокойно дышать и относительно отвлеченно думать.

– Минутная готовность!

Команда с быстротою молнии летит по цепи наземных командно-измерительных пунктов.

– Минутная готовность!

И взывают турбины поисково-спасательных самолетов, стоящих на взлетных полосах. Все стремительнее и стремительнее вращаются лопасти вертолетов. Они срываются с мест и один за другим

уходят в зоны дежурства. Каждый в свою.

– Минутная готовность!

Сферические зеркала антенн следящих станций поворачиваются к западу – на трассу запуска космического корабля.

– Минутная готовность!

Это голос Леонида Александровича Воскресенского – заместителя Королева по испытаниям. Леня Воскрес, как зовут его между собой друзья, – огромной души человек, весь без остатка отдавший себя ракетной технике. Испытатели любят Воскреса и очень гордятся тем, что запуск первого в мире космического корабля с человеком на борту поручено осуществить именно ему, их представителю – Лене «Воскресу».

– Минутная готовность, как вы слышите? – спрашивает меня Королев.

– Вас понял: минутная готовность. Занял исходное положение, – отвечаю «Заре».

Занять исходное положение не главное, и, видимо, не это хотел бы услышать Сергей Павлович.

Но я уже сообразил, чего от меня ждут. Раздельно и твердо произношу:

– Понял вас. Настроение бодрое, самочувствие хорошее, к старту готов.

Именно этого и ждал от меня Королев. Его сейчас не мое положение в кабине интересует, а моя внутренняя готовность, моя уверенность в успехе – состояние моего духа.

Ведь ты можешь отказаться от полета даже в последнюю предпусковую минуту. Тебя освободят от ремней, а твое место займет дублер. На это уйдет еще час-полтора, но запуск все равно произойдет.

– Ключ на старт! – голос Воскресенского сначала дрогнул, но сразу же окреп и зазвенел, как стальной клинок.

Я откинулся в кресле до отказа. Руки – на специальном кольце-держателе. Пальцы напряглись и замерли.

– Старт!

Кажется, что приборы пусковой схемы ракеты-носителя включаются слишком медленно.

– Ключ на пуск!

Закрылись дренажные клапаны. Наступила тишина. Как перед бурей. Я весь внимание. Я жду последней команды.

– Пуск!

Резкий удар, как бы нанесенный откуда-то снизу и сбоку. От такого удара может остановиться сердце. Но тут же спасительное:

– Отход кабель-мачты!

Последняя ниточка – пуповина, связывающая человека с Землей, оборвалась. Огромную ракету удерживает на стартовых опорах только собственный вес.

– Зажигание!

Ракета вздрогнула. По ее переборкам пробежало легкое движение. Доносится сначала глухой, потом все усиливающийся шум пламени, смешанный с гулом бешено падающего водопада, который ограждает стартовые сооружения от кинжальных ударов бушующего пламени.

– Предварительная!

Шум пламени стремительно нарастает, превращается в гром. Клубы дыма и пара непроглядной тучей заволакивают землю. Ракета натужно задрожала – по степи прокатились громовые раскаты.

– Главная!

Океан грохота обрушился на степь, на людей, на человека в космическом корабле. Земля содрогнулась. И в то же мгновение прозвучал голос Королева:

– Подъем!!!

Это был крик души, перекрывший гро-

хот стартующей ракеты. Технический руководитель полета скомандовал:

– Подъем!!!

Я ответил:

– По-е-ха-ли!

Взгляд мой остановился на часах. Стрелки показывали 9 часов 07 минут по московскому времени.

Я услышал свист и все нарастающий гул, почувствовал, как гигантская ракета задрожала всем своим корпусом и медленно, очень медленно оторвалась от стартового устройства. Начали нарастать перегрузки, которые все больше и больше вдавливали меня в кресло. И хотя оно было расположено так, чтобы до предела сократить давление огромной тяжести, наваливавшейся на тело, было трудно пошевелить рукой и ногой. Но я знал, что это продлится недолго: пока «Восток», набрав скорость, не выйдет на орбиту.

В эти мгновения мне подсознательно как-то не верилось, что наконец осуществилась мечта, увлекшая людей, не верилось, что так просто и обыкновенно совершилось эпохальное событие.

«Заря» напомнила:

– Прошло семьдесят секунд после взлета.

Я ответил:

– Понял вас: семьдесят. Самочувствие отличное. Продолжаю полет. Растут перегрузки. Все хорошо.

Ответил бодро, а сам подумал: «Неужели только семьдесят секунд? Секунды длинные, как минуты».

«Заря» снова спросила:

– Как себя чувствуете?

– Самочувствие хорошее. Как у вас?

С Земли ответили:

– Все нормально.

С Землей я поддерживал двустороннюю радиосвязь по трем каналам. Частоты бортовых и коротковолновых передат-

чиков составляли 9,019 и 20,006 МГц, а в диапазоне ультракоротких волн – 143,625 МГц. Я слышал голоса товарищей, работавших на радиостанциях, настолько отчетливо, как если бы они находились рядом. За плотными слоями атмосферы был автоматически сброшен и улетел куда-то в сторону головной обтекатель. В иллюминаторах показалась далекая земная поверхность. В то время «Восток» пролетал над широкой сибирской рекой. Отчетливо виднелись на ней островки и берега, поросшие тайгой, освещенные солнцем.

– Красота-то какая! – не удержавшись, воскликнул я и тут же осекся: моя задача – передавать деловую информацию, а не любоваться красотами природы, тем более что «Заря» тут же попросила передать очередное сообщение.

– Слышу вас отчетливо, – ответил я. – Самочувствие отличное. Полет продолжается хорошо. Перегрузки растут. Вижу землю, лес, облака.

Телеметристы докладывают:

– Ракета идет хорошо, уверенно набирает скорость, по скорости и по времени все нормально.

– Разделение первой ступени. Сброс боковых блоков. Положение устойчивое. Полет нормальный.

Юрий Гагарин услышал, как отделилась первая ступень, почувствовал, что вибрация резко уменьшилась, но зато перегрузки давят еще сильнее.

Однако доклада от космонавта не поступило. Что там? Внезапная разгерметизация? Обморок от растущих перегрузок?

Телеметристы докладывают:

– Полет нормальный. Давление в камерах сгорания устойчивое. Все в норме.

Что же тогда с Гагариным? Почему он не отзывается? И вдруг, как будто все шло своим чередом, звучит как ни в чем не бывало родной, долгожданный голос:

– Сброс головного обтекателя... Вижу Землю. – И так же, как «По-е-ха-ли!», протяжно, нараспев:

– Кра-со-та-то ка-кая!..

Значит, ничего опасного, просто временная потеря связи. Это были тревожные минуты. Все понимали, что связь оборвалась на несколько секунд, на самые короткие мгновения, и что сейчас на связь выйдет другой пункт. И все услышат, что творится на борту. Но вечностью показались эти несколько секунд. А такие секундные сбои укорачивают жизнь конструктора.

Юрий Гагарин:

– Многоступенчатая ракета – сооружение сложное. После выгорания топлива отработавшая свое ступень ракеты становится ненужной и, чтобы не быть обузой, автоматически отделяется и сбрасывается прочь, а оставшаяся часть ракеты продолжает наращивать скорость.

Я до полета не видел ученых и инженеров, нашедших легкое и портативное топливо для двигателей советской ракеты. Но мне, взбирающемуся на ней все выше и выше к заданной орбите, хотелось в эту минуту сказать им спасибо.

Сложные двигатели работали сверхотлично. Одна за другой, используя топливо, отделялись ступени ракеты.

Телеметристы:

– Включена двигательная установка последней ступени. Прохождение команды по времени и по скорости в норме.

– Есть отделение космического корабля!

И тут же, не сдержав своих чувств, оператор закричал во весь голос:

– Космический корабль с человеком на борту вышел на орбиту!

Этот возглас слышали везде: в бункере, в координационно-вычислительном центре, на всех измерительных – назем-

ных и плавучих – пунктах, в отрядах поисково-спасательной службы.

Юрий Гагарин:

– Наступила пора невесомости – корабль вышел на орбиту!

– Полет проходит успешно. Чувство невесомости нормальное. Самочувствие хорошее. Все приборы, вся система работают хорошо.

Юрий рассуждал и сравнивал свое ощущение невесомости в космическом полете. С одной стороны – невесомость, это в корабле. А сам корабль мчится со скоростью почти восемь километров в секунду – в 500 раз быстрее курьерского поезда и в 30 раз быстрее истребителя...

С.П.Королев, члены Государственной комиссии, руководители Байконура, Г.С. Титов, А.Г.Николаев, П.Р.Попович, В.Ф. Быковский, Б.В.Воынов, А.А.Леонов, В.В.Горбатко, К.П.Феокистов и другие волновались: почему запаздывает сообщение ТАСС. Гагарин уже на орбите, а московское радио молчит. Потом прояснилось: причиной задержки явилось то обстоятельство, что проект приказа Министра обороны Маршала Советского Союза Р.Я.Малиновского был напечатан, но не подписан. Нужно было правильно сформулировать основание, по которому летчик Юрий Алексеевича Гагарин – старший лейтенант производится сразу в майоры досрочно, пропустив капитанское звание.

Но прошли некоторые минуты, и планета Земля услышала радостное истори-

ческое сообщение. Раздался мощный голос Юрия Борисовича Левитана:

«Внимание, внимание! Работают все радиостанции Советского Союза...» и так далее.

В первом сообщении ТАСС о первом в мире полете человека в космическое пространство говорилось:

«12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту.

Пилотом-космонавтом космического корабля «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик, летчик, майор Гагарин Юрий Алексеевич.

Старт космической многоступенчатой ракеты прошел успешно и после набранной первой космической скорости и отделения от последней ступени ракеты-носителя корабль-спутник начал свободный полет по орбите вокруг Земли... »

Это сообщение было передано в 53 страны мира. В те минуты начали переверстываться тысячи газет на всей земле, крупнейшие радиостанции планеты прервали свои передачи, чтобы передать новость № 1.

В 10 часов 13 минут телетайпы закончили передачу первого сообщения ТАСС. А в целом ТАСС успел передать все подготовленные сообщения до того, как «Восток» совершил посадку.

Торжественный кортеж на улицах столицы

Ю.А.Гагарина встречают руководители партии и Советского правительства. Справа от Юрия Гагарина – Н.С.Хрущев, Л.И.Брежнев, Ф.Р.Козлов, В.И.Гагарина. 14 апреля 1961 г. Аэропорт Внуково

В ТОТ ДЕНЬ — 12 АПРЕЛЯ!

Валентина Гагарина:

– 12 апреля началось как обычно. Лену отвела утром в ясли, занялась с Галочкой. Потом пришла Светлана Леонова. Она ждала ребенка и ко мне, «двудетной» матери, приходила перенимать опыт.

Неожиданно – стук в дверь. Открываю – соседка. Раскраснелась, захлебывается словами:

– Валюша, включай радио! Юра – в космосе!

У меня голова пошла кругом – смотрю на соседку и никак не могу вспомнить ее имени, метнулась к приемнику и не могу вспомнить, как его включают.

А потом началось в нашей квартире невообразимое, неопишное. Прибежал Владимир Комаров, нагрянули друзья, сослуживцы, соседи. Спрашивают, советуют, поздравляют. Сразу же понаехали журналисты. Первым, помню, Василий Песков.

О.Апенченко и В.Песков:

10 часов 01 минута. Редакционная машина с бешеной скоростью вырывается из Москвы.

Обыкновенная улица, обыкновенный дом, обыкновенная лестничная площадка на четвертом этаже. Нажимаем кнопку.

Дверь открывает обыкновенная женщина.

– Квартира Гагариных?

– Да...

Читатели могут понять, с каким волнением переступили мы порог этой самой обыкновенной квартиры.

Здесь живет ОН...

Две комнаты, кухня. Обои с цветочками, занавески, книги на полках, круглый стол. Телевизор, приемник.

Приемник и телевизор не выключаются в этой квартире.

Весь мир слушает сейчас Гагарина. Весь мир считает его своим. Он – сын Земли. Земля слушает и ждет своего сына. А в этой комнате его ждут жена и две дочки: Лена и Галя.

Жену зовут Валея. Мы поздравляем ее. Она и смущается, и радуется, и тревожится.

Десятки сложных чувств в душе этой женщины, и все они отражаются на ее лице. Он в космосе. Он говорит, что все хорошо... Она ждет. Она не может разговаривать. Полная комната соседей. Тоже слушают.

– Полет продолжается. Пилот-космонавт Юрий Гагарин чувствует себя хорошо.

Жена крутит ручку приемника, ладонью утирает слезы и улыбается.

...На круглом столе – три альбома с фотографиями.

Вот он, мальчишка, бегущий что есть духу к реке. Снимок сделан на Смоленщине, в родной деревне.

Вот он среди школьных товарищей – веселый мальчишка со светлыми вихрами.

Фотография матери и отца.

Вот он рядом с учительницей.

Вот он стоит смущенный – наверно, первый раз надел галстук. Петлички ремесленного училища и повзрослевшие глаза.

Еще одна страница альбома. Большой групповой снимок. Надпись: «Саратовский индустриальный техникум. Выпуск 1955 года». Среди сотни молодых лиц находим знакомое. Вот он, Юрий Гагарин.

На этой же странице еще фотография: Юрий на крыле самолета. Он машет кому-то рукой, хочет сказать что-то очень веселое. Он окончил техникум и курсы аэроклуба одновременно. Он хочет стать летчиком, этот упрямый парень с молоточками в петлицах куртки.

– Полет продолжается...

Валя берет тетрадку, записывает часы и минуты, его самочувствие.

...Хорошая дорога вела его в космос. Вот он стоит подтянутый, повзрослевший, с похудевшим лицом. Между листами альбома грамоты: «За хорошую службу», «За отличные успехи», «За победу на первенстве по баскетболу». Вот он на спортплощадке. Вот товарищи подсаживают его в самолет. Еще одна грамота: «За отличие...» Это от ЦК комсомола.

Трогательный листок, любовно разрисованный цветными карандашами, – «Личный состав подразделения поздравляет курсанта Юрия Гагарина с первым вылетом на реактивном самолете».

Еще один лист, и в первый раз мы встречаемся с Валей. Она в белом медицинском халате. Рядом еще одна фотография. На ней – Валя в нарядном платье. Видно, что снимок сделан специально для него. С разрешения Вали переносим

в блокноты надпись: «Юра, помни, что кузнецы нашего счастья – это мы сами. Перед судьбой не склоняй головы. Помни, что ожидание – это большое искусство. Храни это чувство для самой счастливой минуты. 9 марта 1957 года. Валя».

А вот его надпись: «Моей Вале, дорогой, горячо любимой. Пусть фотография поможет тебе беречь нашу вечную всепобеждающую любовь. 16.03.58. Юрий».

Дальше два человека рядом – Валентина и Юрий. Они ходят в лес за цветами, они загорают на пляже, они в гостях у друзей.

Свадьба. Такая, какой и положено ей быть. Отец, Алексей Иванович Гагарин, стоит рядом с сыном. Мать, Анна Тимофеевна, ласково глядит на молодых.

Еще один человек появился в семье. Зовут Аленка. Лица не видно за белым покрывалом, а сколько счастья на лицах матери и отца! Они в четыре руки везут коляску с дорогим пассажиром.

– Полет проходит успешно...

Что делается сейчас в мире! Сколько людей сидят у приемников!

– Он видит сейчас звезды, – говорит летчик-сосед.

Валя берет на руки маленькую Галку, которая почему-то вдруг расплакалась.

Анна Тимофеевна Гагарина:

– Я у плиты возилась. Зоя на работе, Боря на работе, Алексей Иванович в далекой отлучке. Только я одна и была в доме.

Тут вбегает невестка – старшего сына жена:

– Мам, а чего радио выключили? Я отвечаю:

– На что мне радио? Слышишь, чугунок почище твоего радио булькает.

А она:

– Да про Юру же передают! – И в слезы.

Я так и обомлела. Ну, думаю, не иначе как на самолете разбился.

– В космосе наш Юра!

Я ойкнула и тоже в слезы:

– Что же он наделал? У него такие две малютки! Что же он наделал!..

Обнялись мы и ревом обе.

Тут набежали соседи. Поздравляют нас, утешают. А я слушать ничего не хочу. Говорю:

– Больше здесь не могу находиться. Там Валя одна с детишками – я поеду. – И надеваю стеганку.

Невестка советует:

– Надень пальто.

– Куда мне ходить в пальто, – отвечаю. – Я ведь с детишками буду сидеть. А понадобится – Валино возьму.

Пришла на станцию, сунула в кассу десять рублей. Билет стоит два девяносто, но про то, что сдачу надо взять, я даже не подумала.

Уже в электричке нашел меня мужчина-железнодорожник, отдает сдачу. Я ему:

– Спасибо. А он мне:

– Это вам спасибо! – И заплакал.

Алексей Иванович Гагарин:

– Надо же! Все знали, а я ничего не знал. То есть услышал я про то, что Гагарина в космос отправили, не самым последним, да только и в мыслях у меня не было, что это сынок мой летает.

Из дому я ни свет ни заря вышел. Как раз на 12 апреля сговорились мы крышу ставить на чайной в Клушине. А от Гжатска до Клушина конец не близкий – верст двенадцать, а то и все четырнадцать. Да еще через речку надо переправляться. Добрался я до перевоза. Вот тут меня знакомый лодочник и озадачил. Спрашивает:

– Слышал, Алексей Иванович, какой-то майор Гагарин на Луну полетел. Не родственник твой будет?

– Сын у меня летчик, – отвечаю, – но он в майоры пока не вышел. Да мало ли кто из Гагариных летает? Время такое летучее пришло.

Но все-таки осушили мы чекушку за здоровье того Гагарина, и только под вечер я узнал, что пил не за кого-нибудь, а за своего родного сына – Юрия Алексеевича.

Борис Гагарин:

– Я работал себе и работал. И вдруг – так примерно часов в одиннадцать – приходит одна девушка знакомая, Юлька Удальцова, с которой мы вместе на курсах учились.

– У тебя брат Юрий Алексеевич? – спрашивает она.

Я смеюсь:

– Догадливая ты, Юлька, Конечно же, он Юрий Алексеевич. Раз отца нашего зовут Алексеем, стало быть, мы Алексеевичи.

Она свое гнет:

– Он летчик?

– Опять угадала, – киваю.

Юлька не унимается:

– Ты знаешь, что он в космосе?

– Да брось ты, Юлька, выдумывать, – отмахиваюсь я.

А она стоит на своем, и все тут:

– Точно. Сейчас по радио передавали: в космосе Юрий Алексеевич Гагарин. Сама слыхала.

Я не верю, я отнекиваюсь, а душой чувствую, что это действительно брат.

Тут ко мне народ стал валом валить. И все с одним вопросом.

А что я отвечу? Врать не хочу, а правды не знаю. Неожиданно слух пронесся: в двенадцать часов космонавта по телевизору покажут.

Я только глянул на экран – и уже не сомневался.

– Вот теперь спрашивайте, – говорю. – Это он, мой брат.

Ходжа Ахмад Аббас:

– Через пятнадцать минут после запуска радиосигналы советского космического корабля запеленговали наблюдатели с американской радарной станции Шамия, расположенной на Алеутских островах. Пятью минутами позже в Пентагон ушла шифровка. Ночной дежурный, приняв ее, тотчас же позвонил домой доктору Джерому Вейзнеру – главному научному советнику президента Кеннеди.

Заспанный доктор Вейзнер взглянул на часы. Было 1 час 30 минут по вашингтонскому времени. С момента старта «Востока» прошло ровно 23 минуты.

«Родина слышит, родина знает...»

Юрий Гагарин:

– В 10 часов 15 минут на подлете к Африканскому материку от автоматического программного устройства прошли команды на подготовку бортовой аппаратуры к включению тормозного двигателя...

Мелькнула мысль, что где-то там, внизу, находится вершина Килиманджаро, воспетая Эрнестом Хемингуэем в его рассказе «Снега Килиманджаро».

Но размышлять было некогда. Наступал заключительный этап полета, может быть, еще более ответственный, чем выход на орбиту и полет по орбите, – возвращение на Землю. Я стал готовиться к нему...

В 10 часов 25 минут произошло автоматическое включение тормозного устройства. Оно сработало отлично, в заданное время. За большим подъемом и спуск большой – «Восток» постепенно стал сбавлять скорость, перешел с орбиты на переходный эллипс. Началась заключительная часть полета. Корабль стал входить в плотные слои атмосферы. Его наружная оболочка быстро накалялась, и

сквозь шторы, прикрывающие иллюминаторы, я видел жутковатый багровый отблеск пламени, бушующего вокруг корабля. Но в кабине было всего двадцать градусов тепла, хотя я находился в клубке огня, устремленном вниз.

Невесомость исчезла, нарастающие перегрузки прижали меня к креслу. Они были значительнее, чем при взлете. Корабль начало вращать, и я сообщил об этом «Заре». Но вращение, обеспокоившее меня, быстро прекратилось, и дальнейший спуск протекал нормально. Было ясно, что все системы сработали отлично и корабль точно идет в заданный район приземления. От избытка счастья я громко запел любимую песню:

Родина слышит,

Родина знает...

Высота полета все уменьшалась.

Б.Викторов, профессор:

– Мы волновались, хотя понимали умом, что раз уж «Восток» на орбите, раз уж полет проходит нормально, то всякие неприятности исключены и Гагарин может вертеться вокруг земного шара как сутки, так и двое, если не трое или четверо. Самое страшное – космонавт может проглодаться. Но и это предусмотрели – запасов продовольствия на борту корабля было в избытке, то есть больше чем достаточно.

Предпосадочные маневры «Востока» начались в районе Южной Атлантики, и вот тут-то мы начали волноваться и умом, и душой, и сознательно, и подсознательно, тем более что радиосообщения от Гагарина долетали урывками.

Волновались члены Государственной комиссии, волновались ученые, волновались инженеры, техники, операторы, волновались и те участники исторического запуска, которые не были допущены на пункт управления. В окно можно было

увидеть толпу людей, вплотную прижавшихся друг к другу.

Все жили известиями, которые шли из космоса. Лишь только поступало очередное сообщение, оно сразу же, как по беспроводному телеграфу, передавалось из комнаты в коридор, из коридора к дверям, и раздавался облегченный вздох толпы.

Надо сказать, что посадка совершается довольно медленно и при этом поочередно срабатывают определенные системы. Сначала корабль ориентируется, затем включается посадочный двигатель, далее корабль входит в атмосферу, и тогда, если все в порядке, радиосигналы сперва изменяются, ослабевают, а потом на очень короткое время и вовсе пропадают. Потом сигналы снова появляются. Это означает, что раскрылся парашют.

«Восток» неуклонно и точно снижался в заблаговременно рассчитанном квадрате, и, когда стало ясно, что спуск завершен, началось несусветное: мы вели себя как дети – не по-взрослому смешно прыгали и повизгивали от восторга, выкрикивали какую-то чушь. А под окнами так же по-детски ликовала толпа.

В.Иванов, слесарь-монтажник:

– К обеду до того разогрело, что в комнате стало жарко, и мы подались на улицу, где и без нас было тесным-тесно. Только вышли из гостиницы, смотрим – навстречу наш ведущий, и губа у него до крови закусена. Ну, всполошился, что-то такое стряслось. Спрашиваю, а сам боюсь услышать его ответ, и на сердце заскребло: вдруг да скажет, что с люком заклинка?

Но ведущий наш улыбнулся:

– Все нормально. Скоро будем сажать...

В. Васильев, слесарь-монтажник:

– Узнали мы, что корабль пошел на спуск, а потом минут пятнадцать не было

никаких новостей. Вдруг вбегает к нам в комнату ведущий – не входит, а именно вбегает – и кричит с порога:

– Юрий Алексеевич на земле!

Моментально, конечно, объятия, поцелуи, «ура». Побесились мы – и со всех ног к пункту управления. А там уже собрались все наши, и ребята из других команд тоже понабежали. Никакого сговору не было, однако сошлись все. Стоим. Ждем чего-то. А чего ждем? Никто не ответит. И, главное, оторопелость нас почему-то взяла. На душе радостно, а стоим как вкопанные, молчим да громко дышим.

Тут как раз и вышел Сергей Павлович. Окинул нас веселым взглядом.

– Поздравляю, – говорит, – вас с победой. Спасибо, – говорит, – за работу. Вы свое дело, – говорит, – сделали. Теперь, – говорит, – можете гулять.

Константин Феоктистов:

– Когда расчетное время истекло и «Восток», по нашим сведениям, приземлился, мною овладело какое-то странное чувство: не было четкого понимания, что же делать дальше.

Было тяжело, было трудно, было напряженное ожидание, были волнение и нетерпение – и вдруг все разом кончилось. По инерции хотелось продолжать работу, а работы-то и не было.

Но это состояние растерянности длилось недолго. «Ага, – мелькнуло в мозгу, – раз все кончилось, значит, надо бежать в гостиницу, собрать вещички, захватить место в первой подвернувшейся машине и жать на аэродром».

Так я и поступил. Причем не обошлось без комичной сцены. Выбежали мы из гостиницы, смотрим: стоит машина начальника экспедиции. Шофер и глазом не успел моргнуть, а уже все места были оккупированы. Подбегает хозяин машины:

– Машина моя. А где мое место?

Ну, я не растерялся. Атакую:

– Куда вы запропастились? Вас в монтажном корпусе ждут. Начальник сделал большие глаза и бросился стремглав к монтажному корпусу.

Ждать его возвращения, разумеется, было не в наших интересах.

Николай Каманин:

– Через двадцать минут после старта «Востока» мы с группой товарищей, в числе которых был и Герман Титов, выехали на аэродром. Самолет АН-12 поднялся в воздух и взял курс на Куйбышев.

В воздухе мы и услышали сообщение ТАСС о благополучном приземлении космического корабля. После этого радостного известия мы начали целоваться, плясать, а Василий Васильевич Парин даже достал заветную бутылочку коньяка. Но, посоветовавшись, мы решили прибегнуть к ее до встречи с Гагариным.

М.Васильев:

– Радости и восторгам не было предела. У Сергея Павловича, который больше, чем все мы, вместе взятые, имел право на ликование, даже слезы из глаз посыпались. «Вот тебе и Железный Король», – подумал я.

По его просьбе мы собрали участников запуска, и Сергей Павлович от души поздравил команды с великой победой. Вскоре после этого и Королев, и члены Государственной комиссии, и многие специалисты летели в Куйбышев.

Космодром затих. Я организовал для оставшихся торжество, а на следующее утро нас ожидала новая работа.

Андрей Стученко, генерал армии:

– Обычное, очень теплое апрельское утро. И вдруг – голос Левитана: «Человек в космосе!..» Нервы были напряжены как никогда. А ведь, ожидая благополучного возвращения человека из космоса, я даже не подозревал, что космонавтом

окажется один из мальчишек, которых мы освободили от фашистской неволи в марте 1943 года в Гжатском районе Смоленской области. Мне и в голову не приходило совместить в сознании март 1943 года с апрелем года 1961-го. Только много позднее, когда мы близко познакомимся с Юрием Гагариным, разговаривая с ним о войне, об освобождении его родной деревни от фашистов, я задам Гагарину вопрос:

– Юра, неужели ты меня не помнишь? Ведь в войсках, освобождавших Гжатский район, был только один генерал – я.

Гагарин помолчит, подумает и ответит:

– Нет. Я вас не помню...

И тут же, увидев мое огорчение, поспешно добавит:

– Вас в лицо не помню. А генерала, как же, помню... Значит, это были вы? От немцев спасли, и из космоса мне довелось приземлиться в вашем округе – выходит, вы мой дважды крестный. Вот здорово!

Но это будет позже. А пока ни Гагарин, ни я не знали, что он мой крестник. «Восток» шел на посадку. Я ожидал счастливого приземления «Востока».

В Куйбышев прилетела группа ученых, конструкторов, космонавтов. Они прибыли из Москвы. Самолеты из Байконура тоже не заставили себя ждать.

Около полудня поступило сообщение, что космонавт приземлился в поле, и что за ним послана автомашина.

Виктор Горбатко:

– Что началось на командном пункте, трудно представить, а еще труднее передать словами. Взрослые, солидные люди вели себя как дети. И только потому, что я был единственным представителем отряда космонавтов, только потому, что был знаком с Юрой, меня начали неистово подбрасывать в воздух.

Александр Романов, журналист:

– Мы ждем того мига, когда Юрий Гагарин коснется родной Земли. Да разве одни только мы? Весь мир затаил дыхание. Как произойдет приземление? Все ли будет хорошо? То и дело в ТАСС звонят телефоны:

– Скажите, что там?

– Все нормально?

– Да что вы тянете!..

Идут томительные минуты.

Спортивный комиссар Иван Борисенко:

– Все ближе до аэродрома, где ждет вертолет, который должен нас доставить к месту приземления «Востока». С командного пункта сообщают:

– Космический корабль находится на активном участке полета. Наш ИЛ идет на снижение. В иллюминатор виден стоящий наготове вертолет МИ-4. Новое сообщение. На этот раз с радиотехнического пункта:

– Вижу на индикаторе спуск космического корабля!

Юго-западнее города Энгельса

Юрий Гагарин:

– В 10 часов 55 минут «Восток», через 108 минут после старта, облетев земной шар, благополучно опустился в заданном районе на вспаханное под зябь поле колхоза «Ленинский путь», юго-западнее города Энгельса, неподалеку от деревни Смеловки. Случилось, как в хорошем романе: мое возвращение из космоса произошло в тех самых местах, где я впервые в жизни летал на самолете...

Ступив на твердую землю, я увидел женщину с девочкой, стоявших возле пятнистого теленка и с любопытством наблюдавших за мной. Пошел к ним. Они направились навстречу. Но чем ближе они подходили, тем шаги их становились мед-

леннее. Я ведь все еще был в ярко-оранжевом скафандре, и его необычный вид, наверное, их пугал. Ничего подобного они еще не видели.

Анна Акимовна Тахтарова:

– Я с самого утра копалась в огороде – сажала картошку. И только-только подумала, что пора бы отвести внучку домой, как вдруг слышу ее голосок:

– Бабушка, смотри, смотри!.

Подняла я голову – вижу: человек идет в нашу сторону. Оторопь меня взяла – очень уж странно тот человек был одет, не по-нашему. И появился-то он неожиданно – с ясного неба, словно снег на голову. Потом гляжу: человек улыбается. И до того душевная у него улыбка, что весь мой страх как рукой сняло.

И.Руденко, колхозник:

– Мы работали в ночь и думали уже расходиться по домам. Но тут – у нас на стане имелась батарейная «Родина» – заиграл «Широка страна моя родная». Значит, жди важного сообщения. И точно... Левитан сообщил такое, что мы забыли и про дом, и про то, что маковой росинки еще во рту не было, и про все на свете...

«В космосе советский корабль с майором Гагариным на борту!»

Потом издали прикатился не то гром, не то взрыв.

Это что еще за новость? Гром? Не ко времени вроде бы... Выходит, взрыв?..

Мы дверь нараспашку: новая невидаль – примерно в километре от нас, если глядеть в сторону Волги, в небе парашюты. А к ним прицеплено что-то круглое. Яша Лысенко, тракторист, как гаркнет:

– Хлопцы, лэтыть, щось такэ! Може, цэй космонавт?

Мы ноги в руки и давай отмерять километровку. Одно смущало: только что по радио говорилось – Гагарин над Африкой, а он уже тут как тут: «Здравствуйте, я лет-

чик-космонавт Юрий Алексеевич Гагарин» – и улыбается. Широко, хорошо, радушно.

Мне бы его поздравить, а я руку ему протягиваю и лепечу:

– Иван Кузьмич...

А бригадир наш, Василий Иванович Козаченко, так и вовсе ни одного слова не смог из себя выдать.

Иван Борисенко, спортивный комиссар:

– Гагарин стоял в окружении местных жителей, мигом набежавших из соседней деревни. Мы со всех ног бросились к нему. Объятия, поздравления – счастливые минуты, которых я никогда не забуду.

Но мне нужно было исполнять свои служебные обязанности.

Я хорошо знал, что передо мною именно он, космонавт-один, Юрий Гагарин, и все же попросил его показать удостоверение, как этого требует спортивный кодекс. Записав все необходимые сведения и проверив опознавательные знаки космического корабля, на котором была надпись ««Восток» – СССР», я зарегистрировал три абсолютных космических рекорда, установленных Юрием Гагариным:

– рекорд на продолжительность полета – 108 минут,

– рекорд на высоту полета – 327 километров,

– рекорд максимального груза, поднятого на эту высоту, – 4725 килограммов.

Кроме абсолютных мировых рекордов, Гагарин установил два всесоюзных рекорда по радиосвязи. Впервые в мире была осуществлена двусторонняя связь «Земля – космос» и «космос – Земля» в диапазоне коротких и ультракоротких волн.

Покончив с формальностями, мы забрали скафандр, бортовой журнал, кое-что из приборов и возвратились в

вертолет. Попрощавшись с теми, кто остался у космического корабля, Гагарин присоединился к нам.

По выражению лица космонавта было ясно, что он очень устал. Мы понимали его состояние и не докучали ему расспросами. Вертолет пошел на посадку...

Было много цветов, звучали возгласы: «Ура!», «Первому космонавту – слава!» Гагарин поднимал приветственно руки, улыбался. Потом короткий отдых, короткий разговор с Москвой, и космонавту снова пора в путь-дорогу. Он уже направился было к ожидавшему его самолету, как вдруг замедлил шаги, остановился и, быстро повернувшись, направился к нам.

– А где часы, которые были со мной в космосе? – спросил Гагарин, подходя к старшему группы встречи, и пояснил: – Они пришиты к левому рукаву скафандра...

Принесли скафандр, отрезали часы, Гагарин бережно опустил их в карман.

Гагарин еще раз – теперь уже окончательно – попрощался с нами, и самолет взял курс на город Куйбышев.

О. Григорьев, инженер поисковой группы:

– У цели мы были в предписанный графиком срок. «Удачно приземлился парень!» – порадовались мы за Гагарина, которого уже и след простыл.

А порадовались вот почему: левый берег Волги, как правило, низменный. Но Гагарину повезло: место, где опустился «Восток», приподнято над поймой. Мы прямо поразились, как это он не вмазал в воду. Метрах в 10 – 20 начиналась вязкая после половодья низина, а дальше – Волга. Правда, ничего страшного не произошло бы, потому что был предусмотрительно отработан и вариант с приводнением. Но разве не забавно сесть в воду, когда вокруг так много суши?

Вот так мы рассуждали, стоя возле корабля. Как сейчас помню: под холмом тянется шоссейная дорога, в пойме поблескивают озера, пахнет полынью, много травы, а в ней какие-то желтые цветы. Я один даже сорвал. Он у меня дома хранится, засушенный на память. И еще помню, что в отдалении виднелся мост, и сквозь дымку проступал далекий правый берег.

Наша группа должна была доставить «Восток» в Москву. Но только после того, как его осмотрит на месте приземления Государственная комиссия, прилет которой ожидался на следующее утро. А пока мы взяли на себя функции лекторов из общества «Знание», удовлетворяя любопытство местных жителей, обступивших корабль плотным кольцом. Кроме того, приходилось не спускать глаз с любителей сувениров, которые так и норовили что-нибудь отщипнуть, открутить, оторвать и сунуть в карман.

Особенно отличился колхозный механик по фамилии Мешалин. Весьма симптоматичная фамилия. Потому мне она и запомнилась. Так вот, этот товарищ Мешалин, правда, до того как мы свалились с неба, умудрился забраться в кабину. Он пощелкал тумблерами на пульте, послушал, как гудят вентиляторы, включил освещение и, открыв контейнер, позаимствовал из него тубу с космической едой.

Самое интересное, что этот самый Мешалин, наигравшись, все переключатели поставил в первоначальное положение.

– Я вам не олух недоразвитый, а технически грамотный специалист, – оправдывался Мешалин, когда мы его приперли к стенке.

Но тубу «технически грамотный специалист» ни в какую не хотел отдавать. И со слезами на глазах вернул ее только после того, как мы убедили его, что данная туба позарез нужна ученым.

В общем, на колхозного механика Мешалина космический корабль, как он сам нам сказал, произвел очень хорошее впечатление.

Но была минута, когда он не на шутку перепугался.

– Перевел я какой-то тумблер, – рассказывал механик, – и вдруг слышу – что-то тикает. Тишина мертвая, а в тишине часовой механизм работает – «тик-так», «тик-так». Я двигаю тумблер обратно – все равно тиканье. У меня душа в пятки ушла. Однако я быстро сообразил, что это тикают обыкновенные часы, тумблер тут ни при чем. Просто поначалу у меня от обилия впечатлений до того разбежались глаза, что заложило уши.

«Все были для меня близкими и родными»

Юрий Гагарин:

– В эти волнующие первые часы возвращения на землю из космоса произошло много радостных встреч со знакомыми и незнакомыми друзьями. Все было для меня родными и близкими.

Генерал армии Андрей Стученко:

– Самолет не сразу доставил к нам Юрия Гагарина в Куйбышев, так как возникла необходимость организовать телефонный разговор космонавта с руководителями Партии и Правительства. А тем временем мы – первый секретарь Куйбышевского обкома партии А.С.Мурысев, председатель облисполкома А.М.Токарев, члены Военного совета Приволжского округа, группа Н.П.Каманина – были на аэродроме.

Наконец послышалось:

– Летит! Летит!

И точно. Мы увидели в небе крохотную точку, которая все разрасталась по мере приближения к аэродрому. Это был

самолет Ил-14. Самолет сел. Мы заторопились к трапу. Открылась дверца.

Приветливо помахивая рукой, Гагарин спустился на землю.

Слова приветствия как-то сразу вылетели у меня из головы. Я его просто обнял и от имени министра обороны поздравил с новым воинским званием, счастливым полетом и благополучным приземлением. От меня герой-космонавт перешел в объятия Каманина и Германа Титова.

Николай Каманин:

– Юрий был в зимнем летном шлеме и в голубом комбинезоне. За девять часов, которые минули с той минуты, когда Гагарин занял свое место в кабине космического корабля, я так много пережил за него, что он стал для меня вторым сыном.

Мы крепко обнялись и расцеловались. Со всех сторон щелкали кино- и фотоаппараты, толпа увеличивалась, была опасность, что вот-вот начнется сильная давка. Юрий хоть и улыбался, однако выглядел очень уставшим.

Герман Титов:

– Подойти к Юрию не было никакой возможности. И все же я, решив проявить напористость, стал протискиваться сквозь толпу. На меня поглядывали удивленно, недоуменно, недовольно, но я, не обращая внимания на эти взгляды, усиленно работал плечами и локтями. Наконец Юрий заметил меня и, прорывая плотное окружение, бросился навстречу. Мы крепко – точно после продолжительной разлуки – обнялись, долго тискали друг друга, не чувствуя, что обмениваемся увесистыми тумачами.

– Доволен? – спросил я.

– Очень доволен, – ответил Юрий и убежденно добавил: – Скоро и ты испытаешь все это.

Генерал армии Андрей Стученко:

– Счастливый смех, возгласы, поздравления – все смешалось в радостном торжестве. Но пора было и честь знать. Машины двинулись к берегу Волги, к даче, отведенной Гагарину для отдыха.

Вдоль дороги стояли неисчислимые толпы людей, неизвестно как узнавших о прибытии космонавта. Крики «ура!», приветствия, взмахи рук, стиснутых в воздухе, сопровождали вереницу быстрых машин.

Перед тем как попрощаться, я предложил Гагарину:

– А что если послать сейчас самолет в Москву, за Валентиной? Хорошо бы и ей побыть здесь... И домой полетите вместе.

Гагарин задумался на минуту и, вздохнув, ответил:

– Я вам очень благодарен за внимание, но ничего не выйдет, – Гагарин улыбнулся и пояснил: – Валя сейчас кормит ребенка. Она разволнуется при встрече, и у нее может пропасть молоко.

Герман Титов:

– После отдыха мы с Юрой вышли побродить по берегу Волги. Снег уже стоял, Подсыхала земля, кое-где пробивалась молодая ярко-зеленая травка, из почек проклевывались клейкие листочки. Ольха оделась темно-красными сережками. От вскрывшейся Волги тянуло холодом. В ветвях хлопотали грачи, поправляя старые гнезда. Свистели скворцы. И все это сливалось в многоголосую, берущую за сердце песнь во славу весны. Родная русская природа удивительно гармонировала с нашим радостным настроением. Мы шутили, мечтали о будущих полетах. Юра рассказывал о пережитом. Я спросил его о невесомости.

– Конечно, ощущение несколько необычное, – ответил Юра, – руки, ноги, все тело становятся невесомыми. Не сидишь,

не лежишь, а как бы висишь в кабине. Странно... Впрочем, – добавил он, помолчав, – и к этому можно привыкнуть.

Юра задумался.

– Ты о чем? – прервал я затянувшуюся паузу. – Мечтаешь, что когда-нибудь вот так же вдвоем мы будем, бродя по берегу марсианской реки, любоваться заходящим Солнцем и звездочкой Землей?

– Вот было бы здорово! – рассмеялся Юра.

Николай Каманин:

– Дача была расположена на высоком волжском берегу. С балкона третьего этажа открывался красивый вид на Волгу. Справа, по ту сторону реки, виднелись поросшие лесом холмы. Все располагало к хорошему отдыху.

Часов в десять вечера мы собрались за столом. Был ужин, отлично и со вкусом приготовленный. Были тосты. Но выпили мы самую малость. Чувствовалось, что все очень устали, и около одиннадцати мы все разошлись по спальням.

Так закончился для нас этот тревожный, победный, многотрудный день.

Б.Викторов, профессор:

– В Куйбышев мы прилетели под вечер, усталые и грязные как черти. Но встречали нас так, словно мы были жрецами какой-то новой таинственной религии. В гостинице нам отвели самые шикарные номера – «люксы». При последующих запусках нас принимали уже как обычных командированных, без излишнего восторга и даже с неким пренебрежением во взорах: подумаешь, мол, запустили... Но это было позднее, а в тот апрельский вечер 1961 года персонал гостиницы, весь – от директора до уборщиц, – ходил перед нами на цыпочках.

Не знаю, как спалось на новом месте Гагарину, а я – лишь коснулся головой подушки – провалился в глубокий сон. Надо было хорошо выспаться. 13 апреля нас

ожидала чертова дюжина земных и космических дел.

Тринадцатое – счастливое число

Юрий Гагарин:

– Первое утро после возвращения из космоса началось, как всегда, с физической зарядки. В десять часов утра в домишке на берегу Волги собрались ученые, специалисты, снаряжавшие «Восток» в первый рейс вокруг Земли. Я обрадовался, увидев среди них Главного конструктора. Он улыбался, и лицо его помолодело.

Виталий Севастьянов:

– Захватывающе рассказывал Гагарин о полете, о поведении корабля, о невесомости, о своем самочувствии. Но особенно мне запомнился его рассказ о нашей планете. Очень красочно описывал Гагарин, как выглядит Земля из космоса, подчеркивал ее крохотность.

– Все очень похоже на то, что видят летчики, поднимающиеся в стратосферу, – говорил он. – Но только в космосе обзор шире, краски ярче, гуще, сочнее. Если смотреть на горизонт, то хорошо был виден контрастный переход от светлой поверхности Земли к совсем черному небу. Наша планета как бы плавает в ореоле голубоватого сияния. Выше голубизна, постепенно темнея, переходит в фиолетовый цвет, а потом в космическую черноту. Картина по своей цветовой гамме необыкновенная. Как на полотнах Рериха. Солнце удивительно яркое. Я даже прикрывал иллюминатор, чтобы ослабить яркость лучей. Звезды ясные, четкие. Они выпукло выделяются на черном фоне.

Юрий говорил очень выразительно, но еще выразительнее были его глаза – они так и светились. Я помню эти светящиеся радостью глаза. Я помню глаза его

слушателей – маститых ученых, инженеров, друзей-космонавтов. В их глазах была восторженность.

Е.А.Карпов:

– Два часа докладывал космонавт. Члены Государственной комиссии, как и все приглашенные, слушали его с неослабевающим интересом.

После доклада посыпались вопросы. Им не было конца. По распорядку дня Гагарину пора было обедать, но какой там распорядок дня! О нем никто и не вспомнил.

Я подошел к Сергею Павловичу и, наклонившись, шепнул ему на ухо о регламенте. Королев понимающе кивнул и обратился к собравшимся:

– Нам, товарищи, справедливо напоминают о регламенте. Говорят, что, в отличие от инженеров, которые задались, как видно, целью в один заход выяснить все технические проблемы космонавтики, врачи не собираются сегодня разобраться сразу во всех медицинских тонкостях. Однако сейчас они все-таки просят выдать им героя космоса. Поэтому я предлагаю округлить заседание...

Сергей Павлович еще раз поблагодарил Юрия Гагарина за отличное выполнение полетного задания, за ценнейшую информацию, привезенную им из космического путешествия.

– Основное, что мы должны были сегодня установить и что мы, несомненно, установили, – сказал, закрывая заседание председатель Государственной комиссии, – это убежденность в том, что человек может находиться в безвоздушном пространстве и работать в условиях космического полета. Мы можем также считать установленным, что системы первого пилотируемого космического корабля отвечают своему назначению и в полете действовали удовлетворительно. Я от имени

Государственной комиссии горячо благодарю Юрия Алексеевича Гагарина, – закончил председатель.

Б.Викторов, профессор :

– Гагарин докладывал очень обстоятельно, очень спокойно, очень выпукло, и было отрадно видеть, что он нисколько не изменился после полета, что это все тот же Гагарин, каким он был сутки назад. Да и само заседание комиссии напоминало дружескую беседу, а не торжество, посвященное чествованию героя.

Мы, убоготоренные тем, что напряжение, волнения, переживания остались позади, тихо, мирно разговаривали по душам, и только журналисты со страшной скоростью носились внизу и ждали, когда же кончится заседание, когда же им будет дозволено взять в оборот героя космоса.

Николай Денисов, спецкор.:

– Вот он сидит перед нами, молодой, живой, энергичный. На его офицерской тужурке два значка – летчика первого класса и парашютиста. На ромбике, подвешенном к белому куполу, видна крупная цифра. Под левым лацканом алеет ленточка военной медали. Больше наград у молодого офицера пока нет. Он то и дело улыбается. На его щеке – небольшая ямочка.

Космонавт настроен преотлично. Беседа проходит в жизнерадостном тоне. Но когда нужно, Гагарин становится серьезным, говорит уверенно, весомо. О полете он рассказывает обстоятельно и, как говорят, вкусно. Можно только удивляться, как это он, предельно загруженный работой в кабине «Востока», смог так детально и полно запомнить все необычайные ощущения человека, впервые оказавшегося в безвоздушном пространстве.

Разговор заходит о перспективах работы в космосе.

– В космосе места хватит для всех, – решительно говорит космонавт. – Я читал

о том, что к полетам в космос готовятся и американские летчики. Мы рады будем приветствовать их успех. Но им придется догонять нас.

В заключение беседы космонавт набросал на блокнотном листке приветствие читателям «Правды». Подобный же автограф получил и корреспондент «Известий» Георгий Остроумов.

Б.Викторов, профессор:

– Мы наспех перекусили, и, не теряя попусту времени, Государственная комиссия в полном составе, вдобавок еще утяжеленная солидным эскортом специалистов – участников запуска, отбыла на место приземления «Востока».

Летели мы «на перекладных»: сперва на самолетах, потом перебрались в вертолеты. И на всем протяжении шути Сергея Павловича – да и всех остальных тоже – не покидало жизнерадостное настроение. И вот мы у цели.

Около «Востока» теснился народ, и, если бы никто не держал зрителей на почтительном расстоянии от веревочной загородки, которой был обнесен гагаринский «шарик», вполне вероятно, что к моменту нашего прилета от «Востока» осталось бы одно воспоминание и много-много сувениров, осевших в домашних коллекциях любознательных волжан.

Мы перелезли через веревку и сразу же сами превратились в своего рода экспонаты. Опытные люди из числа местных жителей разъясняли профанам, кто мы такие. Объяснения были самые фантастические, и прежде всего, разумеется, пытались найти среди нас Гагарина. А когда Воскресенский, достав из контейнера, или, как мы говорим, из «буфета», тубик с космическим вареньем, начал выдавливать его всем на пальцы, а мы под руководством президента Академии наук принялись на виду у изумленной публики

дружно слизывать это варенье языками, тут уж и наиболее компетентные знатоки не знали, что и подумать.

Вот такие веселые воспоминания. Ну а что касается выводов Государственной комиссии, то общее мнение очень точно выразил Сергей Павлович Королев. Тщательно осмотрев корабль, он сказал: – Хоть снова в космос запускай.

И действительно, несмотря на то что обшивка «шарика» обгорела и оплавилась, несмотря на то что закоптились иллюминаторы и люк, ни у кого из нас не было сомнения – «Восток» выдержал испытание космосом.

О.Григорьев:

– Комиссия сказала свое слово, а после этого «Восток» перешел в наше распоряжение. Нам надо было в целости и сохранности доставить его в Москву.

Когда мы сдвинули гагаринский корабль с места, под ним оказалась неглубокая вмятина. В нее мы врыли деревянный столбик с надписью: «НЕ ТРОГАТЬ. 12.04.61.10 ч. 55 м. московского времени». Но нам показалось, что этого мало, и, посоветовавшись, мы решили отправить памятную записку потомкам. Записку, надо сказать, своеобразную – казенный лом. Молотком и зубилом выбили мы на ломе дату «12. IV. 61» и одно слово – «Гагарин». Гравировку эту, чтобы никого не обидеть, высекали по очереди. Мне досталась цифра 12.

Отложив молоток и зубило в сторону, принялись махать кувалдой, и махали до тех пор, пока железное наше письмо не ушло под землю.

В.Песков, спецкор:

– В полдень 13 апреля 1961 года с товарищем по редакции Павлом Барашевым мы мчались на Внуковский аэродром.

Мы чувствовали себя счастливыми. Еще бы! Журналистская настойчивость была вознаграждена – нам сказали: «Ну

хорошо, разрешаем. Только спешите, самолет туда вылетит через час».

Задыхаясь от волнения и спешки, мы поднялись по лестнице в самолет, и сейчас же пустой ИЛ-18 вырулил на дорожку и взял курс на Куйбышев. Очень симпатичная стюардесса тоже волновалась и беспрестанно поправляла у зеркала прическу. От нее мы узнали: на этом самолете из района приземления завтра в Москву будет лететь Гагарин.

До Куйбышева было два часа лету. Уже к вечеру мы с Павлом оказались наконец за городом, в доме над Волгой. Нам сказали:

– Гагарин тут. Ждите.

Как терпеливо мы ждали и как велико было нетерпение!

Чтобы как-то скоротать время, мы стали катать шары на бильярдном столе, возвышавшемся в середине зала. Фотокамера у меня была наготове, и я то и дело с беспокойством поглядывал в окно – апрельское солнышко уходило. Еще полчаса, и вряд ли можно будет снимать.

Я целился в шар, когда по скрипучей деревянной лесенке сверху молодым шагом сбежал невысокого роста майор. Он был один, и в первый момент мы решили, что это посыльный, – еще раз сказать, чтобы мы подождали. Но майор протянул руку.

– Здравствуйте. Это вы из «Комсомолки»? Батюшки, да это же он! Ну конечно, это Гагарин...

Худенький, невысокий майор сразу же оценил ситуацию и так хорошо, так дружески улыбнулся, что мы сказали:

– Юра...

Мы просто иначе и не могли его назвать. Куда улетели из головы старательно заготовленные «глубокие и серьезные» вопросы? Я мучительно думал: о чем же спросить? О самочувствии? О здо-

ровье? Но подтянутый вид и эта улыбка исключали подобные вопросы.

Мы достали из сумки газеты...

Это был хороший подарок. Гагарин внимательно, с задумчивой улыбкой рассматривал снимки жены и старшей из своих дочерей. Просто сказал:

– Спасибо...

Нужен снимок! Не портрет. Портрет все уже видели. Надо в каком-нибудь действии его снять. Лихорадочно соображаю: что же может делать космонавт в этом зале?

– Юра, играете в бильярд?..

– Давайте...

И опять улыбка.

Игры-то, понятное дело, не было. Минуты две потолкали шары. Потом, схватив камеру, я принялся снимать, совсем не уверенный, что снимки получатся, – в люстре горели три слабенькие лампочки. Уже имея опыт фотографа, из бильярдного стола я «выжимал» все, что возможно. Крупно – шар. Он как Земля... Мою творческую фантазию прервали два медика:

– Ну, наверно, довольно?.. Пойдем, Юра, пойдем... И они пошли наверх.

На середине лестницы майор оглянулся и подмигнул двум пьяным от радости журналистам: дескать, мы еще встретимся...

Николай Каманин:

– Все наши улетели в Москву. Остались только Юрий, я и еще несколько товарищей. Всенародная встреча героя назначена на завтра. Завтра мы и полетим в Москву.

Нас замучили телефонные звонки, корреспонденты, близкие и далекие знакомые Гагарина. Шесть кинооператоров готовы без передышки жужжать камерами.

Недолго погуляв в окрестностях дачи, поиграв на бильярде, Юрий во второй половине дня начал готовиться к встрече в Москве – репетировал рапорт и текст выступления на Красной площади.

Прогноз погоды по району Москвы на 14 апреля был неважным: облачность на высоте 100 – 200 метров, мокрый снег, плохая видимость.

Евгений Хрунов:

– Там, где я провел весь день 12 апреля, была чудная морозная погода. Наш пункт обеспечивал связь с «Востоком» на начальном этапе выхода корабля на орбиту.

Утром 13 апреля, еще не видя газет, я прилетел на Внуковский аэродром. И первый, кто меня встретил, был Гагарин. Его огромный портрет закрывал чуть ли не все здание аэровокзала. Вот уж не ожидал!

– Слушайте, – поинтересовался я у работника порта, – а зачем здесь портрет?

Аэропортовец как-то странно посмотрел на меня.

– Да ведь это же Гагарин! Юра! Вы что, ничего не знаете? Откуда вы, извините, свалились? Завтра здесь ему готовят всенародную встречу.

Всенародная встреча... Честное слово, не ожидал я ни портретов, ни празднеств. Когда нас зачислили в отряд, когда готовился первый полет, мы не думали ни о наградах, ни о славе.

«Оказаться в центре внимания – обременительная штука»

Юрий Гагарин:

– Газеты и радовали меня, и смущали. Оказаться в центре внимания не только своей страны, но и всего мира – довольно-таки обременительная штука... Но радио, непрестанно повторявшее мое имя, газеты с моими портретами и статьями обо мне были только началом того трепетного волнения, которое надолго захватило меня. Впереди ждали еще большие переживания, которых не могла

представить никакая самая богатая фантазия, и о которых я даже не догадывался. Советский народ готовил первому космонавту небывалую встречу.

Николай Каманин:

– Поднялся я раньше шести и немедленно связался с Москвой. К счастью, метеорологи ошиблись. По последнему прогнозу в 13.00, то есть к моменту нашего прилета, облачность в Москве ожидается небольшая, осадков не предвидится, видимость более десяти километров.

Николай Денисов:

– В домик над Волгой, чтобы попрощаться с Юрием Гагариным, приехали представители партийных и советских организаций, делегации трудящихся. Они привезли приветственные адреса и подарки: макет земного шара с мчащимся над ним космическим кораблем, искусно сделанный из пластмассы макет ракеты, наручные часы.

Гагарин растроган.

– Спасибо, дорогие товарищи, – волнуясь, говорит он.

Едем на аэродром, где Гагарина уже ожидает Ил-18, специально прилетевший за космонавтом. В 10.40 самолет оторвался от земли, и сразу же его радиостанция начала работать с предельной нагрузкой. На борт самолета идут и идут депеши в адрес Гагарина.

Сидя возле иллюминатора, космонавт в который уже раз рассказывает нам о космическом полете.

– Видите нежно-голубую дымку над горизонтом? – спрашивает он. – Примерно такой же она была и при взгляде с орбиты. Она как бы ореолом окружала Землю.

Жадно прильнув к иллюминаторам, мы стараемся хоть приблизительно представить себе картину, которую Гагарин видел из космоса.

Время течет быстро. Взглянув на часы, Гагарин просит извинения – пора готовиться к посадке.

– Эти часы тоже побывали в космосе? – спрашивает кто-то.

– Побывали, – смеется Гагарин, – и, как видите, продолжают идти с такой же точностью, как и до полета.

Мы разглядываем эти обыкновенные, так называемые «штурманские» часы. На крышке надпись: «1-й Московский часовой завод».

– Хорошо сработаны, – с удовлетворением замечает Гагарин. – Как и вся наша техника...

Экипаж уже повел машину на снижение, под кромку пухлых весенних облаков.

Николай Каманин:

– Километрах в пятидесяти от Москвы к нам подстроился почетный эскорт из семерки истребителей: два МиГ справа, два слева и три сзади, чуть повыше нашего Ила. Юрий радировал экипажам: «Друзьям-истребителям горячий привет. Гагарин».

Истребители качнули крыльями, благодаря за приветствие.

Николай Денисов:

– И вот уже тень нашего Ил-18 бежит по земле. Она пересекает широкую трассу кольцевой автостреды. Виден золотистый шпиль университета. Колышется синеватая лента Москвы-реки. Совсем близко – кажется, их можно достать рукой – алеют звезды Кремля.

Я смотрю на Юрия Алексеевича. Губы его плотно сжаты, в голубых глазах появился стальной отблеск. Он весь как-то подтянулся, стал собранным.

Юрий Гагарин:

– Я посмотрел вниз – и ахнул. Улицы Москвы были запружены потоками народа. Со всех концов столицы живые чело-

веческие реки, над которыми, как паруса, надувались красные знамена, стекались к стенам Кремля.

Самолет низко прошел над главными магистралями города и направился на Внуковский аэродром.

Ходжа Ахмад Аббас:

– С высоты донесся привычный гул, и из облаков вынырнул ровный строй реактивных самолетов.

Эскорт, закончив церемонию приветствия, которой обычно встречают только глав государств, улетел. Ил-18 пошел на посадку. Едва его колеса коснулись земли, военный духовой оркестр грянул марш пилотов:

Все выше, и выше, и выше

Стремим мы полет наших птиц.

Под облака взлетели разноцветные шары. И лишь только самолет остановился у красного ковра, узкой длинной лентой проложенного по серому полю аэродрома, сразу же оживление сменилось напряженным ожиданием. Затаив дыхание, люди смотрели на ковровую дорожку, которая, казалось, соединила самолет с трибуной.

Николай Каманин:

– Ровно в 13.00 самолет остановился в ста метрах от правительственной трибуны. Открылась дверь, и Юрий вышел навстречу своей большой и заслуженной славе.

Юрий Гагарин:

– Я увидел вдали трибуну, переполненную людьми и окруженную горами цветов. К ней от самолета пролегла ярко-красная дорожка.

Надо было идти. И идти одному. И я пошел. Никогда, даже там, в космическом корабле, я не волновался так, как в эту минуту. Дорожка была длинная-предлинная.

Ходжа Ахмад Аббас:

– Он шел четким военным шагом по-

середине церемониальной дорожки и в сравнении с огромным притихшим аэродромом казался таким маленьким, таким необыкновенно хрупким, а путь, пролегший по красному ковру, был бесконечно длинным, как линия судьбы, вычерченная на ладони Земли.

Ежи Ярузельский:

Трудно дались Гагарину эти сто метров. Это был не тот невозмутимый русский парень, которого я видел на фотоснимках в газетах, он был и не таким, как во время телевизионной передачи из космоса, когда Гагарин силился улыбаться и, преодолевая невесомость, неуклюже манипулировал карандашом. Здесь, на аэродроме, у него было окаменелое лицо, а в упругости строевого шага угадывалась предельная напряженность.

Юрий Гагарин:

– Делаю еще пять, десять, пятнадцать шагов. Узнаю лица членов Президиума ЦК. Вижу отца, маму, Валю. Встречаюсь глазами с родными. Подхожу еще ближе к трибуне и, взяв под козырек, рапортую:

– Первый в истории человечества полет на советском космическом корабле «Восток» 12 апреля успешно завершен. Все приборы и оборудование корабля работали четко и безупречно. Чувствую себя отлично. Готов выполнить новое любое задание нашей партии и правительства. – Я сделал паузу и представился: – Майор Гагарин. А потом – объятия с родными и близкими.

О. Григорьев:

– В Москву слеталось очень много делегаций, поэтому рейсовых, а тем более транспортных машин столичные аэродромы не принимали.

Но для нас – как-никак мы должны были доставить груз особой важности – контейнер с «Востоком» – было сделано исключение. Воздушные диспетчеры с

трудом выкроили узкое окошко, чтобы мы могли пролететь в московскую зону. И тут ирония судьбы. Космическая техника сработала нормально, а наша обычная, авиационная, подвела. Надо было взлетать, а моторы, как назло, не запускались. Пришлось подождать две аккумуляторные машины. Словом, взлетели мы хоть и хорошо, но в самый последний момент, когда пробитое для нас окошко должно было вот-вот захлопнуться.

На подлете к Москве командир нашего корабля нарушил правило и разрешил радисту настроиться на волну московского радио. Нужно было держать связь с диспетчерами, с пунктами управления полетом, а мы слушали трансляцию встречи Гагарина. Приземлились мы в те минуты, когда Юрий Гагарин ехал по Ленинскому проспекту.

Е. А. Карпов:

– Космонавты застряли на улице Кирова. Ни проехать, ни пройти. Разве могли мы предположить, что Москва до такой степени будет запружена людьми? Это радовало и беспокоило ребят. Радовало потому, что полет их друга вызвал всенародное ликование. Ну а беспокоило то, что они рисковали оказаться затертыми в толпе и, чего доброго, опоздать к началу митинга на Красную площадь.

Однако все обошлось благополучно, и за несколько минут до открытия митинга космонавты успели взойти на трибуну.

В последних рядах верхнего яруса трибуны я отыскал глазами Сергея Павловича. Он стоял рядом с женой. У него было лицо по-настоящему счастливого человека. Вместе с Титовым, Николаевым, Поповичем и Быковским я пробрался к нему.

– Вот видите, – вполголоса сказал Сергей Павлович, – сколько шуму наделал ваш Юра. Поскромнее, поскромнее надо вести себя, дорогие товарищи. – И

уже совсем тихо добавил: – То ли еще будет, други мои...

На трибуну Мавзолея поднимаются руководители партии и правительства. Вместе с ними Гагарин.

Как и все собравшиеся на площади, космонавты, подняв руки, приветствовали своего однокашника – космонавта №1. Кто-то, не удержавшись, крикнул:

– Молодцом, Юра! Так держать!

Герман Титов:

– Я стоял в группе космонавтов слева от Мавзолея. Мы слушали короткую Юрину речь. Он говорил:

– Я убежден, что все мои друзья, летчики-космонавты также готовы в любое время совершить полет вокруг нашей планеты. Можно с уверенностью сказать, что мы на наших советских космических кораблях будем летать и по более дальним маршрутам.

Эти его слова мы восприняли как адресованные лично нам. Когда началась демонстрация, кто-то бросил идею:

– Давайте сколотим свою, космонавтскую колонну и поприветствуем Юру по-свойски.

Сказано – сделано. Мы ступили на брусчатку, друзья приподняли меня и качнули раз-другой: вот, мол, очередник!

Юра сразу узнал нас и улыбнулся так, как умел улыбаться один только он.

О. Григорьев:

– Погрузили мы контейнер с «Востоком» на машину и поехали в Москву.

Улицы были наводнены народом, милиционеры не давали нам проезда и гнали то в одну, то совсем в противоположную сторону, однако мы хоть и черепашьими темпами, но все же пробивались к цели. Пока не застряли на какой-то площади. Там была сколочена эстрада, на которой что-то выплясывали самодеятельные артисты. А вместе с ними отпля-

сывала вся необозримая «толпища», заполнившая площадь до отказа. Засели мы – и ни назад, ни вперед. Тут один из наших не выдержал:

– Братцы, может, скажем народу, что мы везем? Тогда нас быстренько пропустят.

Ну, мы его, чтобы помалкивал, придавили к сиденью. А иначе, пожалуй, мы бы и шара не довели и сами не доехали.

В общем, до места назначения добрались мы уже в сумерках и никуда, конечно, не попали – ни на митинг, ни на демонстрацию.

Алексей Леонов:

– 14 апреля я вернулся с пункта связи в Москву. Выхожу часов в восемь вечера из автобуса на площади Революции, смотрю: все расцветчено до блеска, публика нарядная, веселая, с флажками.

– Что происходит? – спрашиваю у прохожего. Тот делает круглые глаза:

– Вы что же, товарищ, с луны свалились? Юрий Гагарин в космос слетал! Сегодня вся Москва его встречала!

Я, конечно, с луны не свалился и, разумеется, знал, что Юра побывал в космосе, но для нас его полет был как бы продолжением тренировок, волнующим, но рабочим моментом. Поэтому только в Москве я понял, в каком великом событии мне посчастливилось участвовать.

Впрочем, ни о чем из этого я даже не намекнул удивленному гражданину, а то бы он еще больше удивился.

Е.А.Карпов:

– Вечером нас пригласили в Кремль. Правительственный прием происходил в Георгиевском зале и в Грановитой палате. В залах, залитых ярким светом хрустальных люстр, царил праздничное оживление. Академик Королев стоял у стены, где на мраморных досках высечены имена георгиевских кавалеров четырех степеней.

Юрий сидел за столом в окружении руководителей партии и правительства, на его мундире поблескивала Золотая Звезда Героя Советского Союза, которую в начале приема вручил космонавту Леонид Ильич Брежнев.

Валентина Гагарина:

– Тот день был ослепительно радостным. Промелькнул он как одно мгновение. Вечером, когда мы, наконец, остались вдвоем, Юра, помню, подошел к зеркалу, окинул себя быстрым взглядом, дотронулся пальцами до золотой звездочки и смущенно сказал:

– Понимаешь, Валюша, я даже не предполагал, что будет такая встреча. Думал, ну слетаю, ну вернусь... А чтобы вот так... не думал.

«Я был уверен, что весь мир услышит о тебе»

Юрий Гагарин:

– Ежедневно в редакции газет и ко мне домой приходило множество телеграмм и писем. Писали со всех концов Советского Союза, со всех материков Земли, знакомые и незнакомые люди. Некоторые присылали подарки Вале и моим девочкам. Многих прежних товарищей по Гжатску, по Саратову, Оренбургу трудовая судьба разбросала по всей стране, и теперь они откликались отовсюду, приветствовали, напоминали милые и смешные случаи из прошлого. Очень растрогала меня весточка от Анатолия Ильяшенко, или просто Федоровича, как мы его называли в эскадрилье на Севере. Это он вместе с Анатолием Росляковым и Владимиром Решетовым рекомендовал меня в ряды партии. Он писал: «Ах ты, Юрка, Юрка-непоседа, когда ты уезжал, помнишь, я говорил тебе: готовься к штурму. Я был уверен, что весь мир услышит о тебе...»

Татьяна Беляева, директор музея космонавтики в Звездном городке:

– Наш музей был создан по предложению Гагарина. Он же и передал в музей первые экспонаты. В их числе письма, которые Юрий Алексеевич в огромном количестве получал после 12 апреля 1961 года как от граждан нашей страны, так и из-за рубежа. Поток телеграмм и писем был до того внушительным, что Министерство связи вынуждено было ввести для корреспонденции, поступавшей на имя Гагарина, специальный индекс, как для целого почтового отделения. «Москва-705» – таким был условный адрес Ю.А.Гагарина в первые месяцы после полета.

Из переписки космонавта в нашем музее создана экспозиция. Разумеется, в нее не вошла и тысячная часть писем, полученных Гагариным, но, если полистать даже некоторые из них, можно представить, с какой любовью относились люди Земли к первому космонавту.

Вот выдержки из этих писем:

«Я полз по мерзлой земле от деревни Большая Береза до лесу – один километр – восемь часов. И за это время стал седым. Это нужно было для Родины, для победы. Я склоняю свою седую голову перед тобой, Юрий!»

Майор Дубровин Валентин Иванович,
пенсионер, город Львов».

«Дорогой Юрий Алексеевич! Я думаю, что вам будет интересно узнать, что два ваших старших “брата” – Гагарины Гавриил и Николай – тоже летчики. Правда, один из них, дядя Гавриил, погиб во время войны с Японией, в 1945 году. Дядя Николай, провоевав всю войну, и сейчас служит в авиации. Отец мой и остальные его четыре брата в первые годы войны погибли под Смоленском. Не скрою, мне очень приятно, что фамилия летчиков Гагариных вошла в историю космических

полетов. Спасибо вам, дорогой Юрий Алексеевич!

Матрос Александр Гагарин».

«Искренне поздравляем Вас по случаю блестяще достигнутого Вами успеха. Конечно, в первую очередь воздадим должное советским ученым и руководителям, достижения которых радуют нас, русских, живущих на чужбине. Вашим действием Вы доказали Ваше личное мужество и самоотверженность, что, естественно, волнует и дорого любому Вашему однофамильцу. С сердечным приветом Григорий и Анна Гагарины, Лондон».

«Дорогой Юрий Алексеевич! Пишут тебе горняки Копейска, члены самой первой на Южном Урале бригады коммунистического труда шахты № 4–6.

Мы единодушно решили включить тебя, Юрий Алексеевич, в состав нашей бригады. Каждый горняк дал слово ежедневно сверх задания добывать шестьсот килограммов угля. Это твоя норма – “норма космонавта”.

А чтобы не отступить, если придется трудно, мы включили тебя в наряд. Спускаемся восемнадцать человек, а мастер все рассчитывает на девятнадцать. В лаве даже есть “пай Гагарина” – рабочее место у груди забоя. Само собой разумеется, что тебе положены спецовка, каска, отбойный молоток, лопата, топор и шахтерская лампочка. Положены и квартира, и месячный отпуск, и, конечно, путевка в санаторий...

Найдется время, приезжай, пожалуйста, в гости. Будем рады по-шахтерски встретить тебя. А пока прими наш подарок – шахтерскую лампочку».

«Дорогой Юрий Алексеевич! Много Вы получаете писем, но я уверен, что у Вас еще нет письма, написанного человеком, у которого отсутствуют руки. У меня нет обеих кистей рук. К тому же у меня

нет и ног. Всего на моем теле 14 ран. Свою инвалидность я получил, защищая Родину от фашизма. В 1942 году зимой на полях Сталинградской области я в последний раз пошел в бой на своих ногах, держа винтовку в руках, которые у меня тогда еще были. И вот сейчас я инвалид, но это письмо пишу сам, без чьей-либо помощи, пишу Вам, человеку, открывшему эру полетов в космос. Спасибо Вам, Юрий Алексеевич, Вы прославили нашу Родину навечно. Такое не забывается...

Коротко о себе. За время своей инвалидности я был депутатом райсовета в Перми, работал в собесе. Своим трудом приносил пользу 12 лет. В 1957 году я получил персональную пенсию, но работать продолжаю. А. Пусторезов, г. Пермь».

«Дорогой товарищ Юрий Гагарин!

Мы, члены молодежной комплексной бригады, решили назвать ее “Восток”. Можем ли мы носить имя Вашего космического корабля?

Хотя мы и не космонавты, но нам хотелось бы обладать замечательными качествами этих людей. С настойчивостью космонавтов мы будем разворачивать массовое социалистическое соревнование...

Члены молодежной комплексной бригады народного предприятия “Хемише Верке, Буна”, ГДР».

«Дорогой Юрий! От всего сердца тринадцатилетней девочки посылаю Вам это письмо. Я очень взволнована. Не могу себе представить, что Вы обогнули нашу добрую мать-Землю. Сколько Вы должны были увидеть! Вам повезло! Мне бы очень хотелось быть на Вашем месте... Я хотела бы стать русской. Я хочу посетить Вашу страну. Но увы! Я всего лишь дочь рабочего-ремесленника...

12 апреля – это дата, которую я никогда не забуду. Мы все были взволнованы.

Мама плакала, когда услышала Ваш голос с неба... Мы счастливы, что вы, русские, были первыми в космосе.

В полдень мы видели Вас по телевидению. К нам пришли наши соседи, чтобы увидеть Вас. Все говорили, и я нахожу, что они вполне правы, что Вы – Человек века...

Анна-Мария Козас, г. Фюмель, Франция».

«Товарищу Юрию Алексеевичу Гагарину. Я вынужден был проехать 300 км и переправиться в соседнюю страну, Францию, чтобы получить возможность послать тебе это письмо с поздравлениями от имени Леридской организации Коммунистической партии Испании. Я уверен, товарищ Юрий, что если бы все испанские рабочие смогли воспользоваться той же возможностью, что и я, то ты получил бы 10 000 000 таких писем...

Да здравствует Коммунистическая партия! Да здравствует СССР!

М. П. С., Лерида, Испания».

Есть в почте Юрия Алексеевича и курьезные письма, вроде вот этого:

«Многоуважаемый господин Гагарин!

Разрешите поздравить Вас с крупнейшим успехом, который был достигнут Вами впервые в мире.

Теперь разрешите мне по поручению фирмы "Рихтер и Компания", изготавливающей ликеры, обратиться к Вам с большой просьбой быть настолько любезным и позволить нам проставлять Ваше дорогое имя на этикетках: "Астронавт Гагарин – водка". *Франц Гросс, ФРГ».*

Такое заманчивое предложение Юрий Алексеевич, разумеется, оставил без ответа, но на большинство писем он отвечал, причем не ограничивался короткими благодарностями за поздравления, а, если это было необходимо, писал развернуто. В этом смысле очень показателен от-

вет Юрия Алексеевича на письмо канадского юноши Ирвинга Лазара.

Ирвинг прислал Юрию Алексеевичу такое письмо:

«Уважаемый Юрий Гагарин!

Что бы Вы посоветовали человеку, находящемуся на жизненном перепутье и готовящемуся принять важное для себя решение? Мне бы очень хотелось получить Ваш совет, совет опытного человека, живущего в новой стране.

Вот мой первый вопрос:

Если личные интересы требуют солгать, – предположим, что сложились такие обстоятельства, – нужно ли лгать вопреки принципам или нужно говорить правду?

Далее. Я считаю, что способных людей больше, чем мест, на которых они могут проявить свои способности. Выходит, для того, чтобы добиться успеха, нужно "перерезать горло другому". Считаете ли Вы это правильным, и если да, то справедливо ли это?

И наконец, как по Вашему мнению, можно ли добиться успеха, если поставить перед собой цель и упорно к ней стремиться, или человеку должна еще сопутствовать удача?

Мне неудобно отнимать у Вас время, но хотелось бы еще узнать, что Вы считаете успехом...»

По-юношески прямое письмо. Прямо, без обиняков ответил Ирвингу Юрий Алексеевич:

«Дорогой Ирвинг!

Я немало думал над твоим письмом. Мне нравится, что ты ставишь перед собой такие серьезные вопросы. От того, как ты сам на них ответишь, мне кажется, во многом будет зависеть твоя судьба.

Ты, может быть, знаешь, что в моей стране мы обращаемся друг к другу словом "товарищ". И с детства я привык к тому, что меня окружали товарищи. Когда

мне было восемь лет, я вступил в организацию юных пионеров. В этой организации мы занимались спортом, ходили в первые походы, спали в палатках в лесу, учились зажигать костер одной спичкой. И одна из главных заповедей, которую я на всю жизнь усвоил в эти годы, – товарищество.

Прошли годы, я вступил в молодежную организацию – комсомол, а затем и в Коммунистическую партию. И в этих организациях заповедь товарищества является основным принципом.

Это вступление я написал, Ирвинг, чтобы ты лучше мог понять мои ответы.

Ты спрашиваешь, нужно ли лгать, когда этого требуют личные интересы? Нет, Ирвинг, я думаю, нужно быть честным и всегда говорить то, что ты действительно думаешь. Тогда ты будешь уважать себя сам и заслужишь уважение других.

Я думаю, что смелым и сильным человеком, настоящим мужчиной может быть лишь правдивый человек. Тот, кто лжет, не станет настоящим другом, ему никогда нельзя будет довериться. И если мне суждено когда-нибудь стартовать на ракете в космос вдвоем, то мой товарищ будет человеком, который никогда не солжет ради личной выгоды.

И на второй вопрос я отвечаю отрицательно. Неправда, что мест, на которых человек может проявить свои способности, меньше, чем способных людей. По крайней мере в моей стране это так. Мы ценим человека по тому, насколько он инициативен, насколько энергично он трудится. Главное, по-моему, в каждом труде – это творчество, умение внести в него новое, свое...

А насчет “перерезать другому горло”, то в таком случае победителем всегда будет тот, у кого больше кулак или больше денег. Но тогда, как ты сам понимаешь,

хорошее место займут люди, которые вовсе недостойны его. Принцип “резать другому горло” бесчеловечен.

Я верю в удачу, Ирвинг, так же как я верю и в разумный риск. Удача будет способствовать тому, кто упорно трудится, добиваясь своей цели.

Но мне хотелось бы подчеркнуть две вещи. Цель, которую ты ставишь себе, должна быть достойной того, чтобы ее добиваться. И второе – вокруг обязательно должны быть товарищи. Они помогут тебе, если у тебя вдруг опустятся руки и ты будешь готов отказаться от своей цели. Они разделят с тобой и радость победы, ибо если ты один, то никакой успех не сделает тебя счастливым...»

Академик А.А.Благоврагов:

– Мне пришлось быть свидетелем того потрясающего впечатления, которое произвел за рубежом первый полет в космическое пространство мужественного человека Земли.

В первых числах апреля 1961 года в итальянском городе Флоренции проходила сессия КОСПАР – Международного комитета по космическим исследованиям. В работе этой сессии участвовали ученые тридцати пяти стран, в их числе и представители Советского Союза.

Известие о полете Юрия Гагарина пришло как раз в то время, когда во флорентийском Дворце Питти шло очередное заседание. Трудно описать, сколь бурной была реакция международной научной общественности. В кулуарах шумели полчища журналистов.

Первым, кто обратился к нам с официальным поздравлением, был руководитель американской делегации, заместитель председателя КОСПАР доктор Ричард Портер.

– Ученые Соединенных Штатов Америки, – сказал доктор Портер, – привет-

ствуют выдающееся научно-техническое достижение Советского Союза и шлют свои поздравления первому астронавту Юрию Гагарину. Я уверен, что первый шаг человека в космос вдохновит всех людей мира и послужит стимулом для дальнейших успехов в развитии науки и техники.

Затем нас поздравил голландский астроном Ван дер Хольст, бывший в то время председателем КОСПАР.

– Этот полет, – услышали мы, – великое событие, свидетельство великолепного технического мастерства советских ученых и инженеров. Самое важное значение его в том, что отныне открывается широкая дорога в будущее. Начато непосредственное изучение космоса человеком. От всего сердца поздравляю советских ученых. А символически это поздравление я выражу вашей делегации, подняв вместе с вами бокал за замечательное свершение...

Стремительно вошел в нашу «резиденцию» мэр города Флоренции профессор Ла Пира.

– Этот великий факт, – воскликнул он, – свидетельствует о том, что развивается новая цивилизация, основанная на мире, прогрессе и подъеме духовной жизни человечества. Событие, свидетелями которого нам посчастливилось стать, очень важно по своей сути. Оно вызывает огромную радость всех народов. Поэтому благодарю советских ученых за подарок, столь ценный для всего человеческого рода. Наш город преисполнен особого энтузиазма. Ведь Флоренция – родина Галилея.

Мэр пригласил нас в ратушу на торжественное заседание общественности Флоренции, посвященное полету Гагарина.

Вечером под звуки фанфар мы вошли в переполненный зал средневекового здания. Мне предложили выступить. По-

мню, какой бурной овацией разражался зал всякий раз, когда я произносил имя Юрия Гагарина.

После собрания наша группа направилась в гостиницу. По дороге к нам подходили итальянцы и, узнав, кто мы такие, присоединялись к шествию. К гостинице мы подошли огромной толпой...

Рокуэлл Кент, американский художник:

– Советские друзья, ваш Юрий не только ваш. Он принадлежит всему человечеству. И ворота в космос, которые он открыл, распахнуты для всех нас. Но для этого нужен мир.

Мир – для того, чтобы исследовать Вселенную, которую наши советские братья открыли для нас.

Мир – для того, чтобы принести домой космические богатства и распределить их между всеми.

Мир – среди народов. Мир – у себя дома.

Пусть человечество чтит день полета Юрия как день всеобщего мира. Пусть празднуют его по всей земле с музыкой и танцами, песнями и смехом, как всемирный праздник счастья. Пусть это будет день, когда на каждой городской площади и повсюду, где собираются люди, лица стариков и молодых засветятся такой же радостью, какой светятся лица на лежащих передо мной фотоснимках, сделанных в ликующей Москве.

Джеймс Олдридж:

– Невозможно бродить сегодня по серым улицам Лондона с теми же чувствами, что и вчера, когда мир оставался еще старой привычной планетой. Нет – мир стал иным с того момента, как Юрий Гагарин вышел на орбиту и облетел вокруг земного шара.

Мир стал иным, действительно иным. И мне думается, что все ученые и инже-

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
От автора	9
Жизнь до полета	25
День великой славы	77
В тот день — 12 апреля	85
Сто восемь минут	109
Работа Гагарина	143
Фотоальбом “Созвездие Гагарина”	209
Славу Гагарину обеспечили его соотечественники	257
Четверть века — на космос	281
Юрий Гагарин и Оренбуржье	313
Космонавты	327
Он всегда будет живым среди нас	385
И в небе, и в космосе	399
От Гагарина к Марсу	413
Судьбой подаренные встречи	419
Я любил и люблю Гагарина	427
Гагарин и космос	435
От полета Гагарина — к Луне и Марсу	449
Вся жизнь — небу и космосу	503
Королев — Гагарин — Космос	517
Колумб вселенной	543
С Гагариным в сердце	553
Мои встречи с Гагариным	561
Программа «Энергия — Буран»	571
От гагаринского старта до «Энергии — Бурана»	589
Незабываемый космодром Байконур	597
Знаете, каким он парнем был	603
Устремленный ввысь	611
Слово о Гагарине	621
Гагарин в нашей памяти	631
Это были незабываемо интересные годы!	643
Оренбуржье чтит память Гагарина	653
Фотоальбом “Созвездие Гагарина” (продолжение)	657
Бессмертие Гагарина	673
Эпилог	677

**Устинов
Юрий Сергеевич**

Бессмертие Гагарина

Издательство

«Герои Отечества». 129301, Москва, ул. Бориса Галушкина, 5.

Главный редактор А.Ю.Шалобаев

Редактор Г.В.Заднепровский

Набор Н.Н.Ращупкина

Верстка В.Д.Мильтграм

Корректор И.И.Иванова.

Подписано в печать 12.02.04 г.
Формат 70x100/16. Бумага ВХИ. Печать офсетная.
Усл. п. л. 50. Тираж 1500 экз. Заказ 4077.

Отпечатано в ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента РФ
127994, ГСП-4, Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5
Телефоны: (7 095) 200 3636, 200 3020
e-mail: izd.izv@ru.net

Юрий Устинов

Генерал-майор, доктор исторических наук Ю.С.Устинов родился в д. Сидоровка Новосибирской области. Окончил Новосибирское ПУ №2 им. трижды Героя Советского Союза А.И.Покрышкина, Томское военное училище. Служил в 17 военных гарнизонах. Из 40 лет большей частью – в РВСН.

Последние должности:

член Военного совета армии,
заместитель начальника Главного управления
специального строительства (ГУСС) МО СССР,
зам. начальника Военной академии РВСН.

Первые книги вышли в 1965 и 1970 гг.

Последние книги:

“Александр Покрышкин”,

“Звезды Александра Покрышкина”

“Нарком. Министр. Маршал” (о Д.Ф.Устинове),

“Кавалеры Золотых звезд” (о всех 23 трижды Героях Советского Союза и Социалистического Труда),

“Служение Отечеству” (о генерале армии А.Д.Лизичеве).